

Светлана Нина

КРУЖЕВНИЦЕ

ЗАКАТТЪ

Светлана Нина

Кружевные закаты

«Автор»

2018

Нина С.

Кружевные закаты / С. Нина — «Автор», 2018

Роман о трех поколениях русских дворян, охватывающий период со смерти Михаила Лермонтова до казни Софьи Перовской. Повествование начинается с намерения тщеславного промышленника, невзирая на наличие любовницы, жениться на юной аристократке. Герои одной семьи оказываются в самой гуще событий своего века.

© Нина С., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая.	5
1	6
2	11
3	13
4	15
5	19
6	24
7	27
8	30
9	33
10	37
11	40
12	45
13	48
14	52
15	56
16	58
17	59
18	65
19	68
20	70
21	75
22	76
23	79
24	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Светлана Нина

Кружевные закаты

Часть первая. Нехоженые тропы

Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться.

Александр Куприн

1

Сочный лунный свет безмятежно освещал пыльную дорогу, по которой, тяжело вздрагивая при каждой встрече с выбоинами, катилась карета. Что-то прелестно – мистическое чудилось в этой ночи мужчине, уютно примостившемуся на обтянутых приятной материей сиденьях и с безразличием наблюдающему за сменой одних деревьев другими. Косой изгиб молнии от лунного свечения мелькал перед его глазами в ночном беге бурой мглы. Через покрытое крупными чистыми каплями стекло пробивалось ночное светило, несмотря на мягкость серебристого свечения мешая Михаилу Крисницкому грезить о чистой постели в собственном обустроенном отлаженном доме. Что за каприз – такое расстояние проделывать в трясущейся коляске!

Падая на деревянную отделку внутри, блики и отблески создавали на янтарном дереве странный рисунок – причудливо шевелящийся узор, похожий на сползающий со свечи воск. Звезды ожесточенно неслись за ним в поминутно меркнувшей мгле луны. Из-за падающего на растения лунного сияния листья казались влажными. Скоро, при приближении к деревеньке, смог дорог станет тише, пеленой потянутся огни. К чему русским все эти низенькие деревеньки с навек застывшей в них бесцельной бессмысленной жизнью? Неизменно в душе Михаила поднималось что-то дурманное, плоское, если он думал об этом.

И почему Марианна посмеивается над ним за то, что он умеет воспринимать красоту лишь как нечто осязаемое – притягательность женщин, изящество мебели, величие европейских соборов? Природу же созерцает как нечто отвлеченное, не досаждающее, но и не возносящее. Озеро, переходящее в небо, безусловно, заманивало, но не будило в нем священного трепета, как в иных безумцах, у которых, если подумать, в жизни иных занятий нет, как сидеть на холоде и нести какую-то восторженную чепуху о звездах... Хотя это, безусловно, красиво, но так, между делом, как чашка чаю, пока ждешь дельцов.

Крисницкий думал о том, что больше любого вечера в кругу приятных во всех отношениях, кроме истинной душевности, которую все ценят, но так редко проявляют, людей хочет отдохнуть, проспав подряд много часов и, просыпаясь в блаженной полудреме, ощущать нежное тепло одеяла или, что несравненно лучше, ладоней Марианны. Но она сейчас за много верст отсюда, кричащими жестами и громкими фразами (что поделаешь, такая теперь мода) пытается донести до пресыщенной публики то, что не могло произойти в настоящей жизни. К ее медовым волосам так приятно прикоснуться... Правда, они абсолютно прямые, но соответствующие ухищрения позволяют ей стойко обходить эту оплошность природы. Да, в Марианне столько шарма и вкуса... Ничего удивительного, что ему так приятно показываться с ней в обществе. Конечно, кое-кто недоволен тем, что она актриса, и эти хищные сплетницы так и норовят задеть ее, но, откровенно говоря, прозрачные намеки местных ловеласов злят его намного больше. Ведь безупречным происхождением он и сам похвастаться не может, хотя безмерно гордится тем, что сумел проскользнуть в этот желанный для каждого мир. Михаил усмехнулся, в очередной раз подумав, что те, с кем он вынужден водить знакомство, тотчас отвернутся от него, потеряв он состояние. Конечно, не все насквозь лицемерны, но, что поделаешь, они должны заботиться о будущем многочисленного потомства. Крисницкий поежился. Неужели обязательно заводить столько детей?

Посмотрев на спутника, сидящего господина преклонного возраста, Михаил в одно мгновение перестал грезить об отвлеченных материях и пальчиках своей любовницы. По спине его будто пощекотал перышком кто-то чрезмерно лукавый и двуличный. Подобное ощущение часто охватывало его при воспоминаниях о неприятном, но неизбежном. Женитьба... Неужели невозможно обойтись без нее? Конечно, это поможет его делам, да потом, Литвиновы – древний дворянский род, и неслыханная удача породниться с ними; удача, что этот добряк Денис

Федотов вообще воспринял его как подходящую партию для своей драгоценной воспитанницы, но... Чем больше он думает об этом, тем паршивее чувствует себя. Впустить в свою жизнь пустоголовую девицу, распеваящую по целым дням слезливые русские романсы, делить с ней жизнь... Невыносимо! Тем более она так молода... Ей, кажется, только будет семнадцать лет! Весь его уклад полетит к черту, и все ради того, чтобы получить одобрение Лиговского. Он, конечно, промышленник от бога, Крисницкому остается только позавидовать, или, что гораздо разумнее, поучиться, но неужели он сам не понимает, насколько неуклюж? Если он и дальше продолжит так держать себя с дамами, весь круг его общения с милым полом ограничится непотребными девками, как, впрочем, и теперь.

А если она сентиментальна и только тем промышляет, что просит любви или вообще – он выдохнул, но креститься не стал, убрав занесенную было руку – из этих, новых?! Что вообще за мода пошла у молодежи сплачиваться в кружки и выдумывать странные идеи? Конечно, и сам он в двадцать лет рвался выкинуть что-нибудь эдакое, но все его силы уходили на постижение наук и нужные связи. Он-то понимал, что все пройдет, а достижения останутся. И ведь добился неплохих результатов. Мануфактурным производством, не отдав на разграбление управляющим львиную долю заработка, управлять непросто. И вот – ему тридцать три года, почтенный возраст, ведь немногие доживают до пятидесяти, а он свеж, бодр, любим... А эти на что рассчитывают? Неразумные неопытные существа, в которых только и есть что отваги и посылы.

Ах да, и Марианне придется несладко от этой затеи... Конечно, она прогрессивна и стремится к независимости, читает эту французенку. Как бишь ее имя, вроде бы мужское? Ей еще восхищается этот чудак Тургенев... Взял тоже манеру сочувствовать свободе и сопротивлению, как будто обожает молодежь за ее дикие выходки. Лаврецкий, Лаврецкий... Тюфяк. Но роман, конечно, превосходный... Давно он не читал ничего подобного... Нет, Крисницкому самому, конечно, плевать на все эти группировки, лишь бы на фабриках не было забастовок, но это может принять неприятный оборот. А пока его это не касается, пусть гимназисты и учащиеся в университетах думают и говорят, что хотят. Только забавно все это, хотя он-то что взял манеру осуждать и сплетничать? Вряд ли кто-то всерьез станет их слушать. Сколько лет уже не слушают. Странно то, что Белинский им благоволит. Ему-то, умнейшему человеку, для чего поддерживать молодых безумцев?

Сейчас все это предпринимает странный, нежелательный оборот. Разумеется, крепостную реформу давно, еще со времен Екатерины (не должна она была так укреплять дворянство, оно село на шею всем сословиям) надобно провести, главное, чтобы рабочие, насмотревшись на земельников, не взбунтовались. Хотя уже, и опять дело в этих просветителях! Придумали тоже – хождение в народ, агитация... Сами не понимают, чего хотят. И как будут плакать, отбери у них кусок хлеба с маслом и чашку кофе... Как же у этого Федотова получается так безмятежно посапывать, когда дороги ни к черту? Пихнуть его что ли? Ах, пусть храпит. Жалкое зрелище, неужели он станет таким же? И лет – то ему вроде не так много... Потрепала жизнь. Или он слабак, погубил себя из-за юбки? Ах, хорошо Тургенев пишет, хоть и сентиментальничает... А эмансипация все же будет, и очень скоро. Так надо отдать несколько распоряжений, подластиться к пахарям, чтобы зубы не скалили. Нет, он всегда заботился о рабочих, не доводил до бунтов, поэтому его фабрики и процветают... В отличие от сотен других заводов по Российской Империи.

Так что же делать с Марианной? Был бы он уверен, что она воспримет это как должное. Но она же женщина – поди разберись с ними! Что в голову взбредет, так и станет вести себя. Но не может он и впрямь жениться на ней! На скандал, конечно, не тянет, но все же дело не полезное. А он так избегает гипербол и патологий. Почему нельзя жить спокойно, чтобы ни он никого не трогал, ни его не теребили? Она поймет, она умница. И потом, вроде бы она сама не жаждет, как некоторые его знакомые барышни, увидеть его у алтаря.

От матери, болезненной поглощенной бытом женщины, каторжный труд которой никто не ценил, но на похоронах которой все отпрыски едва не падали на гроб от отчаяния (что делать без нее, растворившейся в их проблемах и переживаниях?) он частенько слышал, что на рассвете облака точь-в-точь повторяют картину заката, только в обратной последовательности. Сначала тучи чернильные и кажутся зловещими, затем синие, голубоватые с розовым отливом, потом малиновые, как только что содранная кожа на коленях ребенка, персиковые, и, наконец, прозрачные или золотистые. Михаилу показалось, что нижняя часть подрумяненных облаков похожа на корочку на печи или ободранный мех на плечах графини Мавриной. Он встряхнул головой. Под утро и не такие мысли лезут в голову. Даже тяжеловесная красота засидевшихся бесприданниц, с которыми в молодости его охотно сводили свахи, всегда процветающие на Руси, вызывала у него больше чувств, чем небо, которым, казалось, только и жили поэты. А сейчас эти светлеющие с каждой минутой куски пара напомнили ему движение красок, разведенных в стакане. Они так же причудливо двигаются, кружась и замирая... Но хватит об этом. Удастся ли ему, наконец, заснуть? Всю ночь с открытыми глазами.

На короткий промежуток Михаилу Семеновичу удалось забыться. Неблагонадежный поверхностный сон, когда слышен каждый звук окружающей жизни, но нет ни сил, ни желания участвовать в ней или хотя бы прикрыть уши, был оборван разбуженным непристойной песней кучера Денисом Сергеевичем. Этот тюфяк, как скоро сообразил для себя Михаил и приготовился соответственно вести себя – чуть иронизировать и снисходить, блаженно потянулся и вздохнул, обнаружив, что его спутник, а, возможно – «Хоть бы вышло», – будущий родственник, несколько часов кряду промучившийся бессонницей, задремал и так искрутился, что сполз почти на пол.

Денис потянулся, прикрикнул на кучера (как только этот Крисницкий позволяет прислуге так вести себя? Непонятный субъект, хотя по виду далек от политики) и достал салфетку, чтобы вытереться. Боже, как неудобно путешествовать! Все эти часы безделья и отсутствия интеллектуальной подпитки так истязают! Какое счастье, что дома обо всем заботится Тонечка... Подумать только, что когда-то он с опаской, скорее, из чувства долга, чем по истинному желанию, приютил ее, стал ей истинным наставником. То, что столь богатая семья оставила девчущку без крова, говорит о ереси в сердцах человеческих, о торжествующей несправедливости.

И этого ангела придется отдать незнакомцу, сидящему рядом! Неужели же нет иного выхода? Но что поделать – он не вечен, а Тонечке необходим хороший муж. Она такая непрактичная, хоть и хозяйственная, что он боится за ее неопределенное будущее. С ее – то семьей и всеми этими сплетнями... Будь он губернатором, запретил бы распускать слухи под угрозой лишения дворянства! Крисницкий, конечно, не совсем дворянин или совсем не дворянин, но видно – человек образованный и богат, как Крез. Иногда приходишь до того, что родовитость не самое важное... Искусство быть куда насущнее. Не дай бог разорят Тонечку или по миру пустят – люди ведь разные. Так что лучше за промышленника. Только бы не повторила судьбу матери! От этих мыслей его всегда прошибал холодный пот, и накрахмаленным кусочком хлопка здесь дело не ограничивалось. Но ничего, он ведь сможет видеться со своей ненаглядной дочерью. Пусть не по рождению, но в душе! Успокоив себя подобным образом, Денис Сергеевич откусил яблоко и предался непосредственно мыслям о себе.

А он ведь так сдал в последнее время... Вот раньше бывало, мог проскакать на коне сутки подряд, а потом стоять под окном местной кокетки, ожидая, что она, посмеиваясь, подаст ему сигнал или, если удача была на его стороне, пошлет воздушный поцелуй. Притом знал, разумеется, что ничем этот обмен любезностями не закончится. «И где теперь они, и что стало со мной», – невесело подумал он, ощущая боль в спине. Во время этих ностальгических размышлений особенно выделявшийся на дороге камень угодил под колесо кареты, отчего Денис под-

скочил и громко выругался. Яблоко выскочило из его рук, и, прокатившись по полу экипажа, ударило по свесившимся пальцам разомкнувшего глаза Михаила.

– А, – протянул Крисницкий, щурясь и недружелюбно косясь на попутчика. – Вы уже проснулись, – не то спросил, не то констатировал он.

– А как же, голубчик, – снисходительно отозвался Федотов, обтирая подобранный фрукт.

– Ну что же, скоро ваше поместье? Всю ночь едем.

– Скоро. Версты три будет.

– А дочь ваша предупреждена?

– Конечно, уж, поди, вскочила, распоряжения отдает.

– Так она властная? – настороженно спросил Михаил, закончив исследовать собственные ногти и переведя взгляд на собеседника.

Федотов обиделся, перестав контролировать нижнюю губу, отчего та предательски выпятилась. Впрочем, он взял себя в руки и ответил:

– Почему же, если девица способна навести порядок в собственном доме, вы прозываете ее властной? Это, по-моему, говорит только в пользу женщины.

Оба замолчали, старательно глядя в разные окна. Интересного диалога с вверением друг другу, едва знакомым людям, сокровенных тайн или зловещих планов не случилось, так что пора автору перейти собственно к Михаилу Семеновичу Крисницкому и объяснить, если неясно еще, откуда он взялся и что представляет собой, а главное, конечно (как будто кого-то интересует обыкновенный делец, не запутавшийся в сердечной смуте или нечистых намерениях), каким образом сосватал воспитанницу человека, с которым познакомился несколько дней назад.

Честно говоря, и здесь читателя ждет разочарование, поскольку истории прозаичнее нельзя и вообразить. Компаньон Крисницкого Лиговской, хитрый лис, как все о нем думали, оказался близким другом Федотова. Этот предприимчивый сводник, имеющий влияние на обоих, настоятельно рекомендовал им породниться и укрепить отношения посредством шумной свадьбы.

– Но, Михаил Семенович, уж не взывайте, – замялся Федотов, понимая, что скоро покажется барская усадьба и чувствуя предательское копошение в груди, – если Антонина не захочет идти за вас, я настаивать не стану. Насильно мил не будешь, знаете ли...

– Стерпится – слюбится, знаете ли, – отшутился оскорбленный Михаил.

«Я и не понравлюсь? – мысленно воскликнул он, поправляя смявшийся воротник. – Да больно нужна драгоценная невеста, с которой вы так носитесь! Можно подумать, я больше всех дел жажду жениться!»

– Разумеется, вы правы, – добавил он, видя, как покоробили его слова Федотова. – Мы ведь для того и собрались у вас, чтобы выяснить, поладим ли мы с Антониной Николаевной. Конечно, мы уж не в тех временах, когда молодых девиц насильно в церковь везли.

– Времена изменились меньше, чем вам, молодежи, кажется.

После отповеди Федотов помрачнел и отвернулся. Затем вздохнул и, сокровенно посмотрев на Крисницкого как на угрозу своих отношений с Антониной, но признавая по чести, что кандидат выискался достойный, ответил:

– Вы не представляете, какая трагедия подобные договорные браки. И затрагивает она не только невесту. Я от всей души желаю, чтобы Антонина прониклась к вам если не любовью, то искренней нежностью и сама выбрала свою участь. От страстного чувства тоже бед немало...

«Он что, начитался романов? Говорит так, словно стоит на краю могилы, а лет – то ему не так много...» – недоуменно присвистнул Михаил про себя, но продолжал слушать, внутренне посмеиваясь над этим несуразным человеком с наполовину седой головой и размякшими, но выдающимися былую правильность пропорций чертами.

Он не нашел ничего лучше, чем просто кивнуть, прикрываясь смущенной из-за странности собеседника улыбкой и, отдав распоряжения относительно багажа, сойти на пыльную усадебную землю, шатающуюся немного в связи с его бессонной ночью.

Барский дом, погребенный под лавиной цветов и деревьев, ничем не отличался от сотен других подобных построек по всей стране. Невысокое деревянное здание с резными ставнями и крыльцом, чистенькое, свежескрашенное... «Какая безвкусица», – вздохнул Михаил, надеясь, что внутри оно окажется более подходящим его представлениям о комфорте. Оценить красоту сада ему возможности не представилось – ступив на твердую почву, Михаил тотчас испытал непреодолимый позыв окунуться в прохладу простыней. Цель его визита казалась теперь призрачной и не столь значимой.

Когда прибывшие ступили в дом, Крисницкому показалось, что на лестнице мелькнул кусочек цветного кринолина, молниеносно скрывшись за спасительными дверями. Впрочем, даже показись ему его нареченная во всей красе и благоухании туалетов, впечатления его от поездки не сгладились бы. Нет, лучше уж потом, не хочет же он испортить не начавшееся еще знакомство и поставить под угрозу не только свое будущее, но и дружбу с влиятельными людьми. Только бы эта девчонка не заартачилась, ведь по рассказам Федотова она строптива. Конечно, так разбаловать девицу! Ей тогда ни один жених не будет люб.

По обыкновению, даже в собственных мыслях напуская на себя консервативную ворчливость, Михаил едва ли думал так на самом деле. И сегодня, обретя только долгожданную опору в виде подушки, он быстро утешился и мирно задремал, видя во сне стол из красного дерева, обещанный ему Лиговским, если Михаилу хватит духа довести мифическую Антонину до церкви. Чистые теплые подушки пахли расплавленной утренней свежестью, зыбкий нектар сада парализовал волю. Хотелось всю жизнь пролежать так на выстиранных нежными девицкими руками подушках, не думая, в сущности, ни о чем в полудреме, с приятным чувством тяжести в голове, как после вкусной еды или хорошей музыки.

2

Антонина проснулась на заре, хотя обыкновенно имела привычку подниматься с постели не раньше завтрака. Частенько она читала, лежа в ночной рубашке поверх застеленного Палашей ложа, реже убегала гулять на луг, о чем, как она гордо думала, никто не догадывался. Порядком застудив ноги утренней росой, она возвращалась, на цыпочках прокрадываясь мимо опочивальни батюшки, как она много лет звала человека, заменившего ей обоих родителей.

Но сегодняшний день представлял щекочущее фантазию исключение, и сон к невесте шел так же туго, как к предполагаемому жениху. Причиной его недосыпа явились отвратительные русские дороги и угрызения совести об оставляемой в угоду карьере женщине. Помехой же ее сладкому сну оказалось волнение, возрастающее с того дня, когда она узнала о существовании Михаила Крисницкого и услышала, весьма смутившись, поведенные ей предположения о скором замужестве, исходящее из уст стародавнего друга семьи Лиговского. Батюшка воспринял эту идею сухо, но, переговорив с глазу на глаз с визитером, сменил холодность на напускное спокойствие и рассудил, что дворянке накануне семнадцатилетия лучшего подарка, чем обеспеченный муж, не найти.

По правде сказать, Тоня догадывалась, что истина, как всегда, притаилась где-то глубже обыкновенных историй со всеми этими помолвками, пирами и несчастливыми браками, но тактично промолчала в тот раз, позволив отцу привести загадочного Крисницкого на смотрины. Воспитанная на почитании старших, она не решилась перечить в открытую, но поняла, тем не менее, что ее не отдадут в руки чужого мужчины против воли. А причина, по которой папа так жаждет, чтобы она обрела статус замужней дамы и не смогла, при всем желании, искалечить себе жизнь... Как он вообще узнал, ведь она старалась держаться со Львом так же, как со всеми. Нет, она больше не будет терзаться и выдумывать то, чего не было и быть не могло, поскольку только она так глупа, что позволяет себе истолковать каждый знак внимания в свою сторону как поощрение!

Она знает, что это невозможно, что никто, кроме нее самой, не воспринимал всерьез такой исход, а все же тянет где-то внутри. Как ранка на руке, содранная котенком – вроде бы царапнуло и отпустило, а заживать никак не желает... И кровоточит, кровоточит. Так почему не попытаться сблизиться с человеком, что приедет сюда?

Интересно все-таки, каков он... На своем недолгом веку Тоня видела не слишком много мужчин, но все представители противоположного и оттого весьма привлекательного пола составляли в ее глазах достойное целое. Так что ни одной мысли, что Михаил негодяй или существо... посредственной наружности она не допускала. Отпетых негодяев она созерцала лишь на страницах книг и не слишком верила, что возможно встретить таких мерзавцев, прогуливаясь по улицам столицы или, еще того невероятнее, здесь, дома. А было бы здорово.

Она самостоятельно оделась (привязав тесемки корсета к ручке двери, можно творить чудеса, но пока он ей не понадобится) и выскользнула в сад. Только вязкая природа родного дома способна была остудить разбушевавшийся мир, начинающий трескаться под угрозой вторжения и захвата его чувств и помыслов. Чем меньше времени оставалось до приезда гостя, тем больше волновалась Тоня, пытаясь делать вид перед собой, что происходящее мало ее затрагивает.

Невесомые облака, изрядно подогретые обитающим еще где-то внизу светилом, спокойной хаотичной чередой тянулись не по небу, а под ним так, что Тоне казалось, подними она руку, сможет оторвать ватный кусок облака. Через осколки зарождающихся туч прорывались лучи восходящего светила, как в сугробы окунаясь в сгустки белого пара. «Должно быть, гроза грядет», – решила юная селянка, поглаживая распускающийся пион. От него шел пронзительный терпкий аромат, и это успокоило смятенный дух девушки. Матово-алый солнечный

диск застрял в облаках и не спешил выбираться оттуда. Растушеванные тонкой кистью облака заставляли Тоню терять уверенность, где кончается светлое небо и начинается невесомый шелк пара. Изнутри, из-под облаков, поверхность горизонта светилась ярко и чарующе, и только равными клочками пробивалось наружу. Становилось холодно почти босой с полуобнаженными плечами стоять на не разогретой еще траве, влажной от изумрудов весны, разбросанных на травинках беспорядочной мерцающей чередой маленьких капель воды.

Тоня старалась ступать тише, чтобы не потревожить влажный сон цветов в утреннем тумане. К ноге прилип лепесток, влажный и холодный, а в туфлю запрыгнул неугомонный кузнечик. Пришлось повозиться, извлекая его оттуда. Потоки воздуха, как теплые волны, сквозили меж ее пальцев. Протяжно и сахарно вздыхал человек, отдаваясь совершенству мироздания. Не о людях речь, только не о них. О том, что нам неподвластно, что мы не можем испоганить. Уже в настроении природы есть что-то магическое, завораживающее. Сердце замирает, а ты невольно ждешь ее воли и понимаешь, что покоришься. Даже будь гроза, ураган... она имеет право. В прозрачной полумгле родного сада отходили назад, переставали существовать незатейливые Тонины горести. Ее небрежные робко сшитые мечты обретали в такие моменты неподдельную реалистичность, и Тоня не верила, что что-то может пойти не так, как представляется.

Тоня вздохнула и медленно двинулась к крыльцу. По пути ей встретились бодрствующие уже крестьяне, разбредающиеся кто куда по извечным обязанностям. Кто-то тащил на барскую кухню неоципанную и не придушенную еще толком курицу, кто-то нес ведра с водой, иные, неаккуратно подпоясанные и лохматые, пустились в путь на поле, где с утра до ночи обязаны были трудиться на пользу хозяев. Но ни к Денису Сергеевичу, ни к молодой барышне они не испытывали ни малейшей неприязни. Собственно, все неодобрение их простодушных сердец обращалось лишь на управляющих. Непротивление же хозяевам являлось разумеющимся. Антонина приветствовала каждого проходящего мимо и с необъяснимой грустью оборачивалась им вслед. Ей казалось, что они свободны, а она вечно обязана будет подчиняться навязанным правилам морали, этикета и просто мнения окружающих, которое страшило ее, но переступить которое она не была в силах. Сама мысль о том, чтобы что-то сделать не так и пойти наперекор воле всех людей, мнением которых дорожила и которых безмерно уважала за силу воли и ум, наполняла ее тревогой. Хотя в тот момент она испытывала лишь сладкое покалывание внутри, знаменующее ожидание чего-то приятного.

3

– Ну что ж, батенька, отдохнули с дорожки? – игриво начал Денис Сергеевич, увидев в дверях столовой растрепанного Крисницкого.

Тот кивнул и, пожевав губы, плюхнулся рядом с хозяином дома. Несмотря на то, что со времени высадки прошло два часа, и никто толком не сумел отдохнуть, оба находились в неизмеримо лучшем расположении духа, чем расстались, поэтому не прочь оказались поболтать. Кроме того, Крисницкий жаждал утолить разыгравшийся аппетит, и, конечно, увидеть во всей красе цель своего путешествия, поскольку надеялся, что восторженный рассказ Федотова о талантах и, особенно, прелестях любезной Антонины Николаевны не был слишком беспардонной выдумкой.

– А что, – позволил себе проявить учтивость Михаил, хватая первый кусок хлеба, от которого шло благодатное тепло, и с наслаждением дегустируя его, – тяжело вам имением управлять?

У Федотова вновь мелькнула мысль, что Крисницкий позволяет себе много вольностей в манерах, хотя, конечно, чего ждать от разночинца, неизвестно каким путем заработавшего состояние. Бесспорно, столичное общество проявляет небывалую лояльность, принимая в свои отточенные ряды подобного типа... Но он быстро вспомнил, что гость, по всей видимости, скоро станет не чужим ему человеком, поэтому поправил ход своих рассуждений и погрузился в присущую ему слезливую меланхолию.

– Тяжеловато, Михаил Семенович, – допустил типичную помещичью ошибку в глазах далеких от земледелия господ Федотов.

Он начал жаловаться на судьбину и докладывать собеседнику, больше занятому съестными припасами, но охотно кивающему в знак сочувствия и довольному втихаря, что не придется отвечать, о многочисленных своих тяготах. В разгар беседы, когда разгоряченный Денис Сергеевич дошел до поношения соседей и их обращения с крепостными, в двери показалась и сразу же замерла Тоня, с удивлением наблюдая за опекуном.

– Ох, а вот и Тонечка. Не думал, пташка моя, что проснешься так рано, – с широкой улыбкой встретил воспитанницу Федотов. Подойдя к ней, он взял за руку обомлевшую, но сияющую казаться радушной девушку, и легонько подтолкнул другой ладонью.

Крисницкий вскочил с места, и, досадуя, что лакей его храпит где-то между этажами, поклонился. Вот, пожалуйста, из-за этого пьяницы (когда он успел, только приехали!) он вынужден знакомиться с дамой не в самом благопристойном виде. Ну, это ничего, он привык брать не внешним видом. Хотя это тоже важно...

Хорошенько осмотрев нареченную, он мог вздохнуть с облегчением и войти в свою обычную колею отношения к молоденьким дебютанткам – непринужденности и легкого покровительства. Конечно, девица недурна, только слишком скованна и глядит так, словно гадает, не превратится ли он в зверя лесного. Поймав взгляд, который она так настойчиво прятала, он широко улыбнулся, пряча в уголках рта легкий подтекст, оставив, он надеялся на это, ее недоумевать. Михаил ни секунды не думал, как надлежит ему вести себя с этой девушкой и теперь действовал интуитивно, угадывая порывы окружающих.

Кроме того, что у Антонины тяжелая мягкая коса цвета кофе, чуть тронутого молоком, и круглое личико, венчаемое заостренным подбородком, в первую встречу он не запомнил ничего, предавшись отвлеченной философской болтовне, благо публика попалась благодарная. Как это часто бывает, образ человека сформировался позднее. Сейчас же, пропади он на несколько месяцев, вспоминал бы совсем другие черты, за неимением подтверждений дорисованных воображением.

Зато Тоня, оправившись от первичной скованности, появляющейся у нее со всеми людьми в гораздо менее волнительных ситуациях, поскольку не каждый день их усадьбу жаловали новые лица, как следует рассмотрела гостя и составила его мысленный и чувственный портрет, почти ничего не угадав, но находясь в приятном сознании завершеного дела и тихонько комкая салфетку.

Михаил Семенович оказался, что ее приятно удивило, весьма высоким молодым господином, непринужденным, но и вовсе не развязным, как считал батюшка. Волосы не коричневые, но и не темно-русые, меняющие свою окраску в зависимости от освещения... Дать точное определение их цвету Тоня, как ни старалась, не могла, хотя это было ее любимой забавой. Мягкий тембр, плавные движения, ничего чрезмерного, вульгарного в речи, хоть она не походила на манеру изъяснения закаленных аристократов; но при этом едва скрываемое безразличие к тому, какое мнение он производит на окружающих. И еще что-то, что или задело ее, или заставило задуматься – почти прозрачный свет глубоких, словно неудовлетворенных действительностью глаз. Несколько отстраненный, что казалось странным при подобной общительности и чуть ли не страдальческий... Впрочем, ей могло показаться, хотя Антонина и верила в первые впечатления, которым суждено было поменяться еще не раз.

Тоня фантазировала, а Мишель и думать забыл о ней, предавшись после трапезы осматриванию парка и расспросам, бывает ли в здешних местах охота.

4

Прошло несколько дней. Михаил понимал, что время не терпит, и ему давно уже надо отбывать в столицу, иначе управляющие такого наворотят на фабриках, что расхлебывать повальное воровство и лень рабочих придется не один месяц. Но Тоня оказалась упрямее, чем он ожидал, и не намеревалась, несмотря на свою зажатость, капитулировать. Он изначально предполагал несколько иной исход – с чувством исполненного долга и не совсем чистой совести уехать, оставив невесту в счастливом предвкушении события, которое не только перевернет ее жизнь, но и, вполне возможно, явится началом конца счастью. Но кто в душистые майские дни 1860 года мог подумать о таких крайностях?

Совместное время они проводили в просторной комнате, в углу которой, как приклеенная, сидела Надежда Алексеевна – компаньонка, почти даже гувернантка Антонины. Федотов, прикрываясь делами, оставлял детей вместе, дабы «дать им возможность разузнать друг друга». Тоня каждую минуту пыталась проводить с Крисницким, выпытывала его пристрастия и узнавала вкусы, смущенно покусывая губы, если они в чем-то не соответствовали ее собственным.

Надежда Алексеевна была высохшей старой девой лет сорока пяти. Чтобы спасти ее отца от бесчестья, ее жених – офицер взял его вину на себя и в наказание был сослан на Кавказ, где быстро нашел вечный покой. Надежда страшно рассорилась с родными, и в твердой уверенности, что никогда больше не захочет их видеть, раз они согласились ради своего благополучия пожертвовать ее счастьем, пошла в чужой дом воспитывать детей. Ни словом не обмолвилась она о том, что скучает по родне. Целыми днями, если Тоня предпочитала проводить время с кем-нибудь другим, она сидела не шелохнувшись, не обращая внимания ни на кого и заняв руки шитьем.

– Какую силу духа надо иметь, чтобы решиться на такое, – доверительно сообщила Крисницкому Тоня, когда заметила его заинтересованный взгляд, направленный на Надежду.

– А вы бы смогли так? Ради мести и удовлетворения гордости отказаться от того немногого, что в мире доставляет радость? – спросил Михаил чуть насмешливо, со снисходительностью, которую не мог искоренить в себе по отношению к молодым девицам. Он не мог отказать себе в удовольствии поддеть ее даже если признавал, что ее слова не лишены рассудка.

– Она не мстила и не удовлетворяла гордость... Ей просто было противно и далее жить с ними, забыв о том, что струсилось. И почему вы назвали семью «тем немногим, что доставляет радость»? Думаю, так бывает, но не в ее случае...

Тоня сморщила носик, а Крисницкий одобрительно улыбнулся.

– Вы жаждете, чтобы я был точной копией вас или мифическим идеалом, который, кажется, выдумывает себе каждая мало-мальски мечтательная девушка? – спросил он на третий день после приезда, уже освоившись в усадьбе и нежась в безделии. – Хотя это скорее мило, нежели смешно.

Антонина терпеливо ждала, параллельно улыбаясь, когда Крисницкий вставит иголку и даст ей возможность окончить вышивание. Крисницкий сам вызвался на это доблестное дело, а теперь корчился перед тоненьким куском металла, шурясь, дуясь и расхотев на время подтрунивать.

– Нет, не совсем так, – в приятном смятении, поскольку речь наконец-то зашла непосредственно о ней, поспешила заверить Тоня, отстранившись на время от напряженного разглядывания пялец. Она старалась уловить, какие именно штрихи нуждаются в исправлении. – Я просто стараюсь разобраться в ваших порывах, поскольку весь ваш облик нашептывает мне что-то...

– Нашептывает? – Михаил постарался не улыбнуться, что не слишком удачно у него вышло.

– Да... – осеклась Тоня и вместо пояснений вновь склонила голову над картиной.

– О, прошу вас, продолжайте! Ваша робость, конечно, украшает, но, дорогая, все хорошо в меру! Излишняя застенчивость может сослужить дурную службу.

Тоня посмотрела на него. Он впервые назвал ее таким ласковым теплым словом, и она не знала, как реагировать. Конечно, если исходить из приличий и требований этикета, в этом нет ничего для нее лесного, они ведь не помолвлены, да и никто точно не знает, состоится ли это долгожданное для многих событие. Но сказанное растопило слух и вызвало в душе что-то похожее на признательность.

– Вы кажетесь человеком с разбитым сердцем или трагической судьбой, – только и смогла выдать она из себя.

– Барышни мои, барышни! – воскликнул, не утерпев, Михаил. – Боже мой, не читайте иностранных романов, никогда! Эти книжки формируют у вас неверное, экзальтированное представление о мире, о людях, его населяющих. И потом, вступив, так сказать, в настоящую жизнь, вы бываете разочарованы, если не сказать больше. Это как болезнь, она проникает глубже, чем любой другой недуг, и подтачивает силы. Поэтому неудивительно, что столько женщин погибает молодыми... Вы думаете, что, как самонадеянные классики, смеее заглянуть в душу человеку путем анализа его внешности и порывов?

Тоня слушала его, онемев и слегка обидевшись. Впрочем, общение с этим человеком доставляло ей, несмотря на всю трудность взаимопонимания, истинное удовольствие. Ей импонировал его ум, свобода взглядов, к которой она стремилась, но какую высказать не смела, опасаясь, что это истолкуют как дерзость. И в то же время от него исходило то, что заставляло ее сторониться даже при желании приблизиться. Тоню волновали его глаза – светло-серые, грустные, разочарованные, что странно сочеталось с внешней веселостью, интересом к злободневным проблемам и вообще всему, что касалось денег и устройства хозяйства. Выражение его лица странно привлекало, хоть Тоня и не могла сказать, что заинтересована им как объектом романтических переживаний. Возможно, она действительно разжигала себя сама и искала смысл и трагедию на пустом месте.

– Мне казалось, это единственный способ хоть как-то исследовать сущность едва знакомого существа... – тем не менее заявила Антонина, многозначительно пожав плечами и обновив вышивание.

– А если я и угрюм, как вам показалось, – раскованно продолжал Крисницкий, не отреагировав на ее ответ, – то уж, скорее, от врожденного темперамента и характера, воспитанного в реальном, а не вашем книжечно – сказочном мире, который гораздо несовершеннее, чем вы предполагаете. А уж точно не из-за жены, замученной на чердаке моим отцом или роковой любви, тянущейся за мной с гимназии.

Его гладкие блестящие глаза остановились на ней и сразу, заметив настороженность и боязнь, как бы он ни сказал лишнего, из-за чего ей придется мучиться, смягчились. Уж не проверяет ли она его, страшась, что оправдаются худшие опасения?

Ей показалось, что заключенное в точке темных зрачков сострадание гипнотизирует, парализуя волю. Михаил впервые рассмотрел, что глаза у нее орехово – карие с темными крапинками. Это явление не произвело на него особенного впечатления (мало ли какого цвета чьи глаза, он не художник), но в последствии именно это вспоминалось в первую очередь, если речь заходила о невесте. Ибо он уже не сомневался, что Тоня станет ей. Тихая, спокойная, работающая. Не возникнет никаких скандалов, связанных с Марианной... Если только их инициатором не выступит сама Марианна. Но она ведь не тянется за публичными ссорами, аристократка, а у них это, похоже, врожденное. Врожденное свойство юлить, хитрить, любым способом обходя запретные темы или неподобающе выпирающие углы и никогда не показывать, что задета не на шутку. Пусть сердце трескается, они не покажут... Такая стойкость всегда вызывала в нем неизмеримое восхищение.

На редкость удачно складывается это сватовство, вначале столь нежеланное! Он и выполнит волю покровителя, и приобретет умную жену, которая не станет напропалую любезничать с молодыми людьми, стоит впустить ее в высшее общество.

Да притом, чем больше он смотрел на Антонину, тем больше убеждался, что ее нельзя назвать дурнушкой даже несмотря на излишнюю округлость линий лица. Хрустальная кожа, тяжелые волосы... Мала ростом, но тут уж ничего не поделаешь. Зато его выправка будет смотреться выигрышнее. Достойная спутница, а ведь внешнее благополучие и способность произвести впечатление волновали его не меньше, чем доходность заводов. Сам он не обладал достаточным терпением и потребностью копаться в себе, чтобы осмыслить какую-нибудь незначительную мыслишку, поэтому не понимал, почему при столь явном презрении к высшему свету болезненно тянется в него, словно не представляет жизни без денег, роскошных женщин и бахвальства влиянием и богатством. Похоже, это было средством не только жить безбедно, но и уважать себя.

На следующее утро Крисницкий был удивлен тем, что его нареченная вместо того, чтобы неопределенно распластаться на ковре или в гамаке с книгой или вовсе дремать, выпустив из рук пойманную бабочку, прилежно восседает на веранде перед мольбертом.

– Антонина Николаевна, – произнес Михаил с теплотой вместо приветствия, – вы, как я погляжу, все трудитесь...

– Да, – неопределенно махнула измазанной ладонью Тоня, радуясь, что он не продолжил ту колкую тему. – Это одно из немногих дел, доставляющих мне истинное удовольствие.

– Мне странно слышать это. Ведь мне показалось, вы добры, безмерно добры, а добрые люди часто счастливы.

– Вы поспешны с выводами. Люди часто приписывают окружающим черты, присущие им самим или те, которые они хотят видеть... Не могу сказать, что несчастна. Только занятия рисованием приносят мне много больше ликования, чем все остальное.

Михаил смирился, хоть и не совсем понял высказывание собеседницы.

– Тогда вы должны всячески развивать и поощрять в себе это.

– Я и поощряю... Хватаюсь за кисть каждую свободную минуту. Благо, батюшка благоклонен к моему увлечению.

– А вы мечтаете стать профессиональной художницей?

– Ну что вы, – смутилась Тоня, прозрачными в своей частоте глазами смотря на Михаила, вальяжно, но совсем не вульгарно распростершегося на софе. – Ведь это привилегия мужчин...

– Ох, да перестаньте, – вздохнул Крисницкий, поморщившись, будто услышал глупость. – Условности, пустые правила... Истинная личность найдет способ противостоять отравляющему влиянию общественности. Социализация сыграла с человеком дурную шутку.

Ему доставляло прямо-таки детское наслаждение дразнить ее радикальными речами и вызывать изумление – Тоня все принимала за чистую монету. Едва ли он был настроен так строго против общества, ведь сам частенько забывал о гордости и мчался на дворянские собрания. Он гордился собственной смекалкой, позволившей ему проникнуть в желанный для любого человека не аристократического происхождения круг, но что-то в собственных словах его слегка нервировало, точно он, как студент, рассуждал о разрушении мира и полной деградации взглядов. Ему казалось, так считают юные, которые еще не принадлежат существованию и не могут добыть для себя идеи и занятия, не смеют быть в мире, а не за его пределами; и старики, уже ничему не верящие и твердо убежденные, что лучшие времена – времена их молодости – канули в непримиримой пучине неустанно капающего времени.

– Я понимаю, что женщины ничуть не хуже, если вы это имеете в виду, отец не дал понять, что я чем-то ущербна, скорее, наоборот, но... Первое назначение девушки – замужество и дети, а не профессия. Просто каждый должен делать то, что ему предназначено.

– Нет, просто за именем десятка голодных детей и одиннадцатого на подходе вы, ручаясь, не станете думать о закатах и колыхающихся на грозе листьях.

– Ох... Да, наверное...

– Или же подчинение воли мужчины, который не хочет, чтобы вы умственно и физически развивались, чтобы не обнаружить в один прекрасный момент, что его нареченная умнее или талантливее его. Это непостижимо, невыносимо для нашей эгоистичной сути... Такова правда, прелесть моя, и вам придется смириться с этим, если вы желаете жить по правилам. Или же попытаться добиться чего-то невзирая на условности и прочую ерунду. Представьте, ведь полотна Ангелики Кауфман и Элизабет Виже-Лебрён хранятся даже в наших дворцах, а они дамы. Нет границ для того, кто жаждет.

– Я, право...

– Пойдите, дайте мне высказаться и посылайте потом к черту. Я не потреплю рядом с собой безмолвной тени, вся суть которой сводится к растворению в потребностях и желаниях мужа и детей. Такие женщины производят тягостное впечатление, мне случалось лицеизреть их. Нет способа вернее отвалить от себя незаурядных людей, чем ревностно печься о выводке и вопить при этом, что все остальные – эгоисты. Если же вы имеете свое видение мира и научитесь бороться, милости прошу, хоть завтра я с удовольствием сделаю вас госпожой Крисницкой.

Михаил, чрезвычайно довольный своим монологом и впечатлением, произведенным на девушку, вновь откинулся на диван. Что на него нашло, он не имел понятия, но это было приятно. Предстал во всей красе, так сказать, в грязь лицом не ударил. «Ведь я все равно обвенчаюсь с ней, к чему ставить условия?» – удивленно размышлял он. Минуту назад он и думать не думал, какую жену хотел. Импульс подтолкнул его к подобным выводам, но никак не много лет формирующиеся взгляды на женский вопрос, поднимаемый на западе еще со времен Великой французской революции. Скорее, если бы он мог признать, в нем говорили убеждения Марианны, которые кстати пришли к двору.

5

– Пойдемте в сад, – проронила Тоня, не зная, как утихомирить его и надеясь остудить прежде всего себя. Природа всегда лелеяла, остужала бередимый вопросами, на которых не найти ответа, разум.

Позади усадьбы распласталась мелководная речушка, обнимающая старый парк-сад с трех сторон. Крисницкий и Тоня медленно брели по усыпанным камешками тропинкам, вправленным в задорно зеленеющие оковы. Накрапывающий поначалу бессильно дождь уже плавной серебристой паутиной касался воды, расправляя ее зеленую гладь и зажигая блестящие продолговатые линии, ходившие кругами. Крисницкий не испытывал желания вымокнуть, но спорить с детьми обыкновения не имел, поэтому просто шел вперед, молча созерцая, как шея Тони все ярче блестит от морозящей воды.

«Некоторые вовсе не мыслят и не представляют, какое удовольствие могут принести развлечения с самим собой...» Так размышляла Тоня, срывая травинки и размахивая ими, отчего пышная юбка испачкалась ярко-зеленым соком. Она не терпела ничего, что сковывало и мешало, но при появлении в усадьбе гостя все вольности возвелись в ранг непозволительных, и Тоня вынуждена была надеть корсет. Чепец же, по моде украшенный лентами и цветами, она не взяла из-за забывчивости, поэтому ее гладко уложенные волосы скоро наполнились влагой и потемнели.

– Ну, и что же вы молчите? Пора вам начинать вздыхать о закате и тому подобное... Что там принято у художников? – ехидно сказал Крисницкий, с удовольствием пробуя на вкус подогретый, хоть и душный, воздух.

Тоня приостановилась.

– Я рассказывала о том, что мне по душе для того, чтобы вы узнали мой характер, раз уж нам суждено идти бок о бок, но не для того, чтобы вы потешались надо мной.

Крисницкий немного растерялся, поскольку не предполагал, что она способна дать отпор. Все ее басенки и восхищенные отзывы о ерунде ввели его не слишком проницательную натуру в заблуждение. Не мог он угадывать мелочи, как она, полагаясь на интуицию и редкий дар наблюдения, а не на привычные ему цифры. Он считал всех жителей провинции безобидными добряками без чаяний и, собственно говоря, без мнений... А тут такое, да еще от девицы, которая не то что в младшие сестры, почти в дочери ему годится!

– Антонина Николаевна, – сработала в нем многолетняя привычка осторожничать и не бросаться в атаку, если противник... собеседник остался недоволен. – Я не хотел задеть вас.

Упущения нужно исправлять, иначе потом они выльются в настоящие неприятности. Сама мысль о том, что о нем останется плохое мнение (он вовсе не собирался уязвлять ее, по крайней мере, ему теперь так казалось), была неприятна.

Дождь кончился. Непривычно яркие лучи тотчас просочились сквозь неплотную завесу рассеивающихся облаков.

– Но задели... – протянула Тоня, опуская голову на бок и отмахиваясь от надоедливых мошек. – Вы что, считаете меня эдакой маленькой дурочкой, считающей за счастье оказаться вашей избранницей? Как будто я не знаю о сговоре и тому подобном... – узнав Крисницкого ближе, она могла высказать ему обиду, что никогда не происходило с совсем незнакомым человеком.

– Да, я вас недооценил... – нервно рассмеялся Крисницкий. – Но знайте, вы мне очень приятны.

Антонина улыбнулась мягко, кротко, и снова стала олицетворением штампа хорошенькой безмолвной куколки, напуганной вступлением в жизнь. Такую Антонину он увидел вначале и нескоро еще способен будет отогнать первые впечатления.

– Иногда мне кажется, – разоткровенничалась Тоня, радуясь возможности высказать небезразличному человеку клубок догадок и впечатлений, томившийся в ней ежечасно, но не мешающий жить, а, скорее, вносящий в дни, что она проводила за книгами, прогулками, занятиями верховой ездой и музыкой приятный сумбур, – что вся наша жизнь – это бледное подобие литературы... Вы сказали мне, что опасно сравнивать свою жизнь с романами, но как, это ведь неизбежно? И наше существование всегда кажется таким пресным, ненужным, что ли...

Крисницкий молча продолжал идти рядом, не оглядывая больше рассеянно шевелящиеся на ветру тонкие стебельки нежно зеленой листвы. Он задумался.

– Мы должны довольствоваться тем, что имеем...

Прозвучало это пресно, тоскливо и заученно. Тоня в свою очередь неудовлетворенно пожалала плечами. Она, верно, надеялась на свежесть взглядов и подсказанный выход из тупика, в котором рано или поздно оказываются многие – тупика собственных амбиций, исканий и сопоставления своей жизни с чьей-то еще. И разочаровалась, распознав, что щеголь Крисницкий только кажется умудренным жизнью в центре событий. Подобно многим, он берет больше видом, чем истинным знанием. Тоне казалось, что те, кто старше и представительнее, непременно должны быть умнее. А, получается, это вовсе не так, и не нужно ей считать себя глупее окружающих, снисходящих к ней в силу возраста. Как ей надоели эти условности, эти расслоения и снисходительные смешки в лицо! Словно она так незначительна, что нет смысла даже объяснять ей все подробно. Конечно, что она может сказать глубокого и злободневного, она, всего лишь юная дворяночка из неизвестно какой семьи?..

– А тянет все равно к большему...

– И чем это обернулось для Адама и Евы?

Тоня расширила глаза.

– Мне казалось, вы не религиозны.

– Быть не религиозным не значит отвергать вековую мудрость.

– То есть, пусть никаких высших сил нет, но опыт человечества можно и почерпнуть из Библии?

– Верно. Не обязательно бросаться в крайности.

– Крайности опасны, а жизнь в середине гнетет. Я понимаю, мы должны быть благодарны Господу за то, что он дал нам счастье жить, чувствовать... Ведь порой, чтобы оказаться счастливым, можно просто вдохнуть полной грудью запах земли... Но иногда этого недостаточно, порой мы сами невольно руководим эмоциями. Порой боль и неудовлетворенность так сильны!

– Вам хочется броситься в пучину и узнать, наконец, что скрывается за тем, о чем молчат? – осведомился Михаил.

– Да, вы угадали, – протянула Тоня. За взглядом ее больше невозможно было прочесть о чем-то. – Нет, я стараюсь подавлять это, как учат... Гордыня не приведет ни к чему хорошему. Но все же...

Михаил внимательно слушал, знаком предложив ей продолжить. Он улыбался.

– Все же порой я грежу о чем-то великом...

– Не казните себя, это естественно. Мужчин ведь никто не осуждает за честолюбивые планы.

– Но это разное...

– И это тоже происки религиозного воспитания. Мы ведь верим ему во всем, терпеливо и безоговорочно, опять же, как учат. И мало кто поднимает голову и... Но, прочем, это неважно. Если подорвать подобные устои, выйдет еще хуже.

– Во что же вы верите?

– Этот вопрос так часто задают мне, что я уже выучил заезженную фразу в ответ. «Во все, что мне не мешает». Когда-то она была оригинальной и звучала свежо... Теперь же вызывает приступы раздражения. В первую очередь у меня. Окружающих же злит, что я не клянусь в

верности святой церкви. Впрочем, я ее и не отрицаю. Просто она не играет в моей жизни основополагающей роли.

– Против себя?

Михаил недоуменно осмотрел ее.

– Что, простите?

– Приступ раздражения против себя?

– А... Отчасти.

В Крисницком неожиданно образовалась мысль. Как несправедливо это поголовное ханжество! Ничего нет противнее и вреднее. Он припомнил, каково ему самому пришлось испытывать жгучее желание неопределенного, тайком узнавать что-то у старших товарищей и посещать места понятной направленности. Родителям легче отсечь себе языки, чем рассказать о начале жизни. А ведь у самих по десятку детей! Но и он, подавшись расхожему и господствующему в безмолвных кругах мнению, что у женщин склонность к другому полу выражена слабее, перестал ее жалеть. В конце концов, возможно, она имела в виду вовсе не способ, с помощью которого человечество не вымирает, а полет души, невозможность получить профессию. Марианна многое отдала, чтобы последовать за мечтой, ставшей навязчивой необходимостью. Вот что терзает Тоню, а не... Да что он, в самом деле?!

Михаилу странно было думать, что это чистое создание, мающееся от неосведомленности в элементарном, могло уже в некоторой мере испытать склонность к кому-то. Но эта догадка показалась ему неправдоподобной (ну в кого здесь влюбляться?). Да и разговор о подобном может показаться дерзким. Воистину, он так привык о каждой мысли говорить Марианне, что приходится сдерживаться!

Они погрузились в поверхностное молчание, потом Тоня вздохнула.

– Нас, современных дворян, гложет какая-то неудовлетворенность миром. Я часто замечала это у тех, кто способен подняться над повседневными хлопотами. И вас, как вижу, тоже...

Крисницкий подумал, что только недавно размышлял о Тургеневе, о том, что все его творчество протернуто недоговоренностью, предвестником бед, и испытал что-то вроде благодарного удивления.

– О нет, не стоит отождествлять меня с вашими книжками, прошу! Вы снова ударяетесь в эти тернии. Я не так прост и понятен, что меня можно оценить после двух разговоров, едва затрагивающих убеждения, и поглядев в глаза. Что касается неудовлетворенности... Вам не приходило на ум, что это связано с эпохой?

– Или с национальным характером...

– Верно. А, может, все дело только в том, что мы не заняты ничем по-настоящему важным, только прогулки и спесивые беседы. Натя мол, смотрите, во всем мы смыслим лучше остальных народов, вот только живем почему-то хуже татар...

– Но как же! Разве не самопознание и самосовершенствование являются важнейшим? То, о чем писали древние философы...

– Не думаю, что они жили при крепостном праве. Уверен, они все были эгоистами, поскольку пеклись исключительно о собственном благополучии, душе, развитии и далее, далее... А тех, кто стоял ниже и в силу социализации не мог понять их, высмеивали. И кто эти ваши философы на проверку? Кучка гениальных себялюбцев, пирующих на костях бедняков. В общем-то, такое наблюдается всегда, и сейчас тоже, пусть и в несколько иной форме. Так что не стоит делать из этого трагедии или тратить время на бесплодные размышления. Презирают остальных за то, что те не имеют возможности развиваться. Вот ведь где драма!

Тоня не нашла правильным спросить, много ли сам Крисницкий сделал для других. Он же подумал об этом, и, как всегда при разоблачении самого себя, ощутил раздражение. Ну вот, теперь он лицемерит перед собой.

– Богатые ведь не виноваты в собственной обеспеченности...

– Знаете, философия – это раздел, способный все обесчестить и все возвести в идеал, было бы время и желание. Не думайте об этом вовсе, если хотите сладко спать ночами. Наука о жизни – развлечение для сытых бездельников, что никоим образом их не умалает. Не думаю, что, даже прожив жизнь путем исканий и борений, они отходят удовлетворенными. Нет, это продолжается бесконечно, бесконечен процесс мышления, способный завести нас куда заблагорассудится, такова особенность человеческой природы. Мы не в силах остановиться.

– Но это ведь приносит удовольствие, почему нельзя философам размышлять? – вспыхнула Тоня, впервые повысив голос.

Крисницкий усмехнулся, в душе поощряя ее пыл.

– Я ведь не говорю, что это плохо или бесчестно. Каждому свое. Просто нахлынули не слишком приятные мысли. Размышляют лучшие умы человечества, размышляют... А толку – дорвутся до сладости власти новые дураки, да даже умные, и снова – расправы, голод... Как будто сами люди не хотят жить хорошо, позволяя... А, впрочем, о чем я? Какое свободомыслие у рабов? И мне какое дело? Я не намерен рисковать собой ради кого-то или чьего-то благополучия.

– Но это...

– Эгоистично? Душа моя, раз и навсегда усвойте – не нужно поддаваться на пропаганду. Да, вы, возможно, подадите нищему несколько копеек. И что дальше? Он не выберется из своего болота, а лишь больше проголодается, поскольку узнает, что еда бывает вкусной. Ему только страданий прибавит то, что на какой-то миг он стал счастливее.

– Но тут вы не правы! Вы способны улучшить жизнь хоть одного человека, принести ему счастье, возможность развиваться физически и духовно! Это ведь чудо – судьба, случай, не знаю, но... Представьте, вы находите сироту, привечаете, обогреваете, а из него вырастает чудесный человек, быть может, талант... А, не сделайте вы этого, ничего не вышло бы!

– Все это домислы. Ведь и по – иному может случиться – этот найденыш вас погубит. Возможно, все на земле возможно. Я же и говорю – все врут, включая меня. Врут в первую очередь себе – вот что страшно. Иногда я говорю вроде бы правильно, вроде бы верю в сказанное, и в то же время чувствую, что в другой ситуации с другими людьми сказал бы иначе... Приходится поощрять нищенство, поскольку его не уничтожишь. Да и бесчеловечно это, как ни крути. Невозможно вовсе без эмоций смотреть на голод, поэтому рука поневоле тянется к бумажнику. А ведь нужно идти с другого конца... Ведь людей доводить до подобного состояния тоже бесчеловечно. Да, в том, что есть нищие, не виноват никто. А те, кто милостыню подает, все до одного молодцы! – Крисницкий заметно разошелся, даже ослабил объятия поднятого кверху воротника рубашки. – Раз уж на то пошло, искоренять это нужно, не жалкие объедки им кидать, а обеспечивать работой. Вот что истинно гуманно!

– И еще, раз мы заговорили о творцах наших, – вставила Антонина, надеясь уйти от волнующей обоих темы, не способной удовлетворить ни любопытство, ни потребность понять, – Пушкин тоже часто пишет о страданиях, смерти, поиске... Один Онегин чего стоит. Это возникло задолго до нашего появления и продолжается. Люди не хотят смотреть на действительность!

– Вы так восхищаетесь Пушкиным и Тургеневым... Но ведь есть множество других писателей. Достоевский, например, – уклончиво сказал Михаил, возвращаясь в обычное состояние легкой отрешенности и пристроив ворот на отведенное ему место.

Антонина поджала губы, что свидетельствовало об обиде.

– Достоевский, наверное, хорош, но только пишет о том, что меня не трогает. Просто у каждого свои вкусы, и не нужно осуждать людей, если они любят что-то, отличное от ваших представлений, – твердо, хоть и тихо, сказала она, опасаясь, как бы ее слова не прозвучали резко. Вдруг ему этот писатель симпатичен.

– Что же, в этом вы точно правы.

Тоня кивнула, потом, посмотрев назад, съежилась и покосилась на Михаила.

– Что-то не так? – спросил он.

– Мы одни... – Тоня будто оправдывалась. Ведь она сама предложила ему прогулку без компаньонки.

– И что? – чуть насмешливо спросил Крисницкий.

– Это ведь неприлично, – Тоня выглядела так потерянно, что Михаил едва не рассмеялся, но, подумав, испытал прилив жалостливого снисхождения, точно к ребенку, которому многое предстоит узнать. Много, что его непременно ранит или отравит путь.

Крисницкий нежно поймал ее запястье. Сам того не желая, он делал все, чтобы понравиться. В нем сработал тщательно маскирующийся за безразличием инстинкт первоклассного охотника, извечная потребность человека нравиться другому полу.

– Бросьте. Мы ведь почти помолвлены. Никто не осудит подобное времяпрепровождение.

Эта истина странно подействовала на Антонину. Она перестала сопротивляться, опустила голову, но не спешила садиться.

– Не нужно делать вид, что я просто гость, – прибавил он доверительно, наслаждаясь ее наивными повадками. Он и сам по-детски смотрел на нее открытым мягким взглядом. – Если об этом не принято говорить, это не значит, что об этом говорить нельзя. И это не только нас касается...

– Да-да, – поспешно ответила она, – но вы так... Далеки, непонятны. Поймите, я знаю вас так мало, а, чтобы полюбить, нужно время...

– Вы боитесь меня? – казалось, он чуть огорчен.

– Нет... – вновь растерялась Антонина.

– Так в чем же дело? Я могу стать вам другом.

Тоню согрело. В ее жизни было мало друзей.

– Я не помню собственную мать, – откровенно произнесла она. – И очень хочу стать важной для кого-то. Если бы Денис не позаботился обо мне, участь моя была бы на редкость печальна... В моем сердце много свободного места. – Помолчав, она со смешком добавила, пока Крисницкий осветился своей загадочной улыбкой, смешивающей магнетизм и сосредоточенность, против его воли проскальзывающей во взгляде. – И еще я силюсь понять, почему рассказываю вам это!

Она рассмеялась, опасаясь, что открыла слишком много и теперь станет ему понятной и неинтересной.

Подумав, что это намек, пусть и бесхитростный, Крисницкий признал за ней и собой право на душевность. Как видно, добрые чувства еще не совсем остыли в его окоченевшем сердце, открывающемся одной лишь Марианне, да и то избирательно. Он сам не признавался, сколько она значит для него.

– Сегодня мне снилось, что солнце ожило и попросило никогда не обращаться к теневой стороне, – доверительным шепотом сообщила она, словно Михаил мог восхититься или оценить подобное.

– Это великолепно, – рассмеялся он.

6

Вечером Антонина проникла в кабинет отца и, притаившись там, ожидала его, поскольку знала, что после обеда Денис Сергеевич запирается в единственной комнате, где его не тревожили вечные болезни скота, беременности незамужних крестьянок, поломки транспорта или, что хуже всего, запои рабочей силы. Если происходило хотя бы одно из ряда вон выходящее событие, неспешный ход всего имения переворачивался вверх дном. Из разных углов, даже самых отдаленных, мгновенно слетался честной народ и, стеная или злорадствуя, находился у барского крыльца до глубокой ночи, пока даже дворовые шафки, охрипнув от яростного поддакивания людям, не унимались. Хозяйство Федотова вообще далеко стояло от образцовости дворов Собакевича, но доход приносило исправный, пусть Денис Сергеевич, добросовестно пытающийся вникнуть в управление помещьем, и удивлялся, почему столь обширная земля приносит такую скромную в сравнении с другими прибыль.

– Папа, – прошептала Тоня, услышав, что кто-то крадется к столу. Портьеры по обыкновению были спущены, поэтому в комнате стояла мгла.

– Тоня? – удивился Денис Сергеевич, и, понимая, что вздремнуть под предлогом нервного расстройства ему не удастся, распахнул окна. В чистые стекла хлынул ослепляющий поначалу свет. Солнце клонилось уже к закату, но его свежие лучи не думали сдаваться и тускнеть под предлогом вечера.

– Батюшка, – нежно пропела Тоня, подходя к отцу и обнимая его.

– Что ты, золотце? – сердце Федотова никогда не умело противиться единственной своей отраде.

– Со свадьбой все решено? – беззвучно спросила названная дочь, со страхом и неизъяснимым, сладким, как боль, желанием глядя на отца.

Этого вопроса Федотов ждал и боялся.

– Счастье мое, мы уж говорили об этом. Без твоего согласия я не дам благословения.

– Но Михаил Семенович просил тебя дать его? – разговор на подобную тему мучил Тоню, но, раз решившись, она не могла отступить.

– Нет, но, думаю, он ждет моего слова, поскольку формально все уже...

– Все решено, – пробормотала Тоня, отворачиваясь. – А если...

– Что «если», – встревожился Денис Сергеевич, смутно чуя, что сегодняшней разговор добавит ему седых волос.

– Если Лев решится?

Тоня казалось скованной только перед незнакомыми мужчинами и самыми чванливыми дамами. Федотова же она любила настолько, что считала частью себя и поэтому высказывала самые смелые надежды, не боясь осуждения или насмешки.

– Дитя мое, – вздохнул Федотов, вновь подходя к дочери и крепко целуя ее в волосы. – И думать забудь о нем. Если ничего, кроме пустых надежд он не дал тебе, если баламутил твою душу, когда ему хотелось, не значит это, что он влюблен и имеет намерения.

– А если значит? – со сбитой надеждой спросила Тоня, покусывая губы.

– Мой тебе совет, золотце, – продолжал Федотов, выждав, пока Тоня в состоянии окажется слушать, – иди за Крисницкого. Он хороший человек и не будет так водить тебя за нос, как этот шалопай. А, ожидая его, ты рискуешь всю жизнь прождать понапрасну и казнить себя потом, что нет у тебя ни дома, ни семьи.

В кабинете воцарилось скорбное молчание. Слышны стали крики поварихи, бегающей по двору за босоногими мальчишками, стащившими с кухни свежеспеченные пряники.

– Нет, потом это просто глупо! – разошелся Федотов, пользуясь удобным случаем для высказывания недовольства поведением племянника. В виду врожденной деликатности он не

говорил о подобном с ним самим. – Какие надежды он подал тебе кроме нелепых ухаживаний и взглядов?! Он, может, со всеми знакомыми барышнями так обходителен, а ты рискуешь потерять сердце. Нет, нет, девочка моя, оставь это. Оставь, я тебе плохого не подкажу. Я пожил на свете и кое-что понимаю... Понимаю, кто человек стоящий и надежный, а кто так, – он неопределенно махнул рукой.

Тоня слушала, а сердце ее все больше сжималось. Не от потерянной любви к кузену – с ним, как почти со всей ее жизнью, были одни лишь фантазии, а потому, что отчетливо поняла вдруг, что пути назад нет и жизнь ее меняется навсегда. Не просыпаться ей больше в родимом доме, не слушать по утрам пение отца за завтраком, не плести венки с крестьянскими девушками... Отец по доброй воле и с явным желанием, пусть и не без волнений и недоверия, отдает ее незнакомому вовсе человеку, нравящегося ей новизной взглядов. Но новизны этой так бесконечно мало для того, чтобы ясно и спокойно стало на душе... Но, по обыкновению смирившись, она приняла это как должное и не думала лить слезы.

Неубранная дворовая, всегда босая, кричащая и, как неодобрительно выражался о ней Денис Сергеевич, «без царя в голове», разнузданно восседала на пустой бочке из-под пива и, жуя соломинку, напевала что-то себе под нос. Палаша, добрая подруга и по совместительству горничная молодой барышни, сладко жмурилась на солнце и невольно подражала кошкам, в большом количестве расплодившимся в поместье. Несмотря на неодобрительные речи, Федотов, как и большинство обитателей имения, всякий раз, видя Палашу, расплывался в непритворной улыбке. В виду неподдельной симпатии на следующий день после разговора с отцом и официального согласия на брак Тоня решила отыскать подругу и сообщить ей о событии. Ход ее мыслей быстро обратился к друзьям, вернее, только к одной из них. Ведь нельзя считать другом Льва, он так странно ведет себя. Никогда не придет просто так, без дела, словно она и не дорога ему вовсе! Всегда ему обещания столицы дороже, чем она!

Крисницкий, конечно, умчался восвояси сразу после завтрака, поцеловав Тоне руку и, улыбаясь во всю ширину, на которую был способен, заверил Федотова, что сделает все, чтобы составить счастье его воспитанницы, чем растопил сердце добряка. Как полагали Федотов и Тоня, единственной его целью является подготовка к скорому венчанию. Тоня повздыхала ночку, всплакнула, заснула под утро с кисточкой в пальцах, поскольку силилась изобразить переливчатую луну в ее собственном сиянии, но поминутно останавливалась и обращала взгляд в сад, да так, на окне, и встретила рассвет. Тело сводило, но она решительно пересекла двор и уперлась плечом в небрежно свешивающуюся обнаженную ногу Палаша.

– Ну, чего уж там, барышня, – по привычке громкоголосо отреагировала Палаша на исповедь хозяйки, с опаской ожидающей ее реакции. – Все там будем, – глубокомысленно заключила она, отворачиваясь от Тони к дворняжке и дразня ту, получая легкие укусы обезумевшей от радости собаки.

Казалось, она вовсе не расстроилась. Тоня была слегка задета и попыталась в красках, как любила на холсте и бумаге, расписать, что они расстанутся и неизвестно когда теперь увидятся. Тоня чувствовала себя едва ли не мученицей, приносящей себя в жертву интересам окружающих, но не испытывала приступов гнева или страха. Ей лишь было жаль.

Жаль себя; этой русоволосой девушки с выгоревшими бровями, которой через некоторое время тоже придется отрываться от всего, что было свято и дорого и идти в небытие; всех русских женщин. Хотя она лишь смутно знала о страданиях, понимала, тем не менее, что абсолютного счастья не бывает, а ждать его бессмысленно. А ведь им должно было быть в десятки раз страшнее... Но Палаша, похоже, ни о чем подобном не задумалась, начав рассказывать барышне о Николе, плясках и купании в ледяной, несмотря на конец мая, реке. Тоня слушала и дивилась. Дивилась тому, что эта девушка, невольница с рождения, умеет быть радостной и беззаботной, ждать чего-то светлого от будущего, не верить в то, что ее жизнь, как и жизнь всего ее народа, окажется слитой воедино беспросветной глыбой отчаяния. Тоня знала это. Не

понимала рассудком, но неуловимо чувствовала, оглядывая жилища крепостных, исследуя их образ жизни и устои, обращенные в неверие ни во что хорошее. Они заранее смирились со всем и с тупым безразличием пытались прожить тот призрак жизни, что им уготовила милосердная судьба. Но Палаша была другой. Оттого ли, что летопись ее существования оказалась счастливее, чем у большинства соратников, то ли из-за природной незлобивости, она излучала тепло, и Тоня с ее любовью к созерцанию и выводам растаяла, позволив себе самой искать расположения девушки. И быстро добилась его, поскольку крестьянка рада была возможности прикоснуться, как к чему-то красивому и очень ценному, к сладкому миру барышни, ее нарядам и кавалерам. Она не завидовала. Она лишь восхищалась.

7

Крисницкий, мнящий, что к мнению незнакомых, а оттого непривлекательных людей относится со спокойным безразличием, зависел от этого самого мнения, хоть никто и не смог бы убедить его в этом. Он был избирателен в выборе близких и поэтому поначалу настороженно отнесся к Антонине, ведь само ее существование стало угрозой его оточенному покою. Крисницкий панически боялся вновь оказаться мальчишкой, чья будущность должна была начаться и закончиться в уездной Туле. Мальчишкой, что двадцать лет назад начал битву за признание и честь.

Его родители – мещане промышляли в основном торговлей, содержали небольшой домик и довольствовались тем, что имели. И речи о большом свете в их семье не заходило. С классовым расслоением общества поздно или рано смирились все, но строптивый Мишель не желал плавать в мелководной речушке и жить подобно сотням тысяч своих соплеменников. С завистью, слишком пронзительной, чтобы обнажать ее, провожал он расписные кареты местных дворян, свысока, а, бывало, и пренебрежительно оглядывающих мальчишек, шныряющих по пыльным губернским улицам.

В пятнадцать лет он влюбился в очаровательную барышню голубых кровей и, пользуясь благосклонностью ее либерально настроенных родителей, начал бывать в их доме. Добрые буржуа охотно учили юнца манерам и открывали хитрые премудрости выживания в своей среде. Молодая же нимфа, именуемая Машенькой, молчаливо поощряла его удаливость и проказы, томно-сахарно глядела на своего обожателя, чем спровоцировала первый в жизни обоих поцелуй. Крисницкий жадно ловил каждое слово и благодаря незаурядным способностям к тому, что его подлинно интересовало, скоро внешностью и манерами мало стал отличаться от новоявленных друзей. Семья Антиповых, его добрый гений, убедила родителей Мишеля, что молодому человеку в современных условиях насущно образование. Отец, втайне лелеющий надежду, что самый способный из его сыновей возьмется за торговлю и постепенно расширит производство до нескольких лавок, жестоко ошибся в чаяниях, посылая Мишеля в столицу.

За несколько лет сын при поддержке родственников матери приобрел начальный капитал и так провернул дело, что к окончанию университета стал совладельцем на ладан дышащей суконной фабрики, где в качестве топлива использовали уголь и торф. Предприятие это приносило сомнительный, но все же исправный доход. Пошлины на дело были существенно уменьшены в те времена, поэтому жить впроголодь Мишелю не пришлось. Он рьяно отслеживал появление новинок, выписывал литературу и иностранных мастеров, с большим вниманием слушал толки посвященных людей и упивался собственной значимостью, занятостью; предвкушая жизнь в роскоши и почитании.

Подобно знакомым ему старикам, прошедшим через многое и в конце только тем и довольных, что у порога в вечность их караулит кто-то из потомков, кто-то, с кем они не успели пока рассориться, Мишель со смехотворной для его возраста серьезностью начал размышлять и порешил, что ему необходимо остепениться. Так почему бы не соединиться с Марией Антиповой, оплатив добром ее семье? С присущим ему рационализмом он обдумывал, как станет наслаждаться всеобщим обожанием в кругу прекрасных людей, перевезет своих и ее родителей в столицу и заживет припеваючи, закончив достойный жизненный путь в окружении любящих внуков и сочувствующих коллег. Все это тянуло тогда еще не совсем очерстневшего Крисницкого на родину.

Но какое его ждало разочарование! Вернувшись в Тулу и навестив Антиповых, он неприятно удивился тому, как они обмельчали. Машенька, чувства к которой по вине разлуки померкли, но не совсем стерлись из памяти, показалась чересчур жеманной и неестественной; родители ее – безобиднейшие и добрейшие мелкопоместные дворяне – целыми днями только

тем и помышляли, что пили чай в строго отведенное для этого время, а в перерывах ждали следующего чаепития, сдабривая все это разговорами о стоимости сахара, свадьбах соседей и губернаторском бале. Они, конечно, могли и умели вести настоящие, по мнению Крисницкого, разговоры, но не имели возможности общаться с истинными ценителями искусства или, по крайней мере, политики. Навещая их, Крисницкий не мог избавиться от тягучего чувства неловкости; не мог заставить себя любить то существование, что вели они. Не мог приобщиться к их посиделкам за самоваром и смеяться над тем, что некий господин начисто проигрался в карты, за что был бит женой, после чего долго скитался по улицам в поиске крова.

Собственная его семья не производила столь удручающего впечатления, ведь Мишель давно знал, что ждать от них. Этого он не мог сказать об Антиповых, представляющихся до поры ложкой меда в беспросветной провинциальной бочке дегтя. Сбитый с толку, разочарованный, раздраженный, он не оправдал ничьих, даже собственных ожиданий и, сухо распрощавшись с обоими семействами, отбыл в Петербург.

Поцеловав на прощанье мать, безмолвную, тихую, как тень, Михаил единственный раз за несколько предшествующих лет ощутил что-то похожее на чувство вины, но решил не обращать на это внимания. Ее, мать, он звал с собой, благо материальная сторона вопроса впервые позволяла вовсе не думать о деньгах. Но она, с горечью настолько глубокой, что не было сил говорить, посмотрела на сына и отказала. Тому стало не по себе, ибо он никогда не понимал ее загадочной мечущейся души и, по правде сказать, никогда не испытывал к кому-то из родных всеобъемлющей любви. Мишель подумал тогда, что она хотела умереть на родине, а вовсе не остаться с отцом или поддерживать двух других сыновей. В ней уже умерло все, кроме желания найти в конце вожаделенное успокоение и страха, что это успокоение, как и все в жизни, окажется фикцией. Мать Крисницкого не доверяла даже смерти.

Михаил Семенович по-иному смотрел теперь на людей и на периферии, и в столице. При явно выраженных коммерческих талантах, подкрепленных неустанным трудом и совершенствованием, в возрасте Христа Крисницкий мог похвастаться солидным состоянием и положением в желанном для него мире раутов, балов, спесивых разговоров и безудержного веселья, сдабриваемого часто мотовством, глупостью и щедро расплескивающимся по бокалам шампанским. Порой, отлично проведя вечер, он возвращался домой пешком и со страхом ждал, когда пройдет благодатное действие вина. Нечасто он позволял себе отдых – забота о процветании нескольких фабрик порой вовсе не оставляла мысли о подобном, но все же он захаживал в дома, жители которых только и жили развлечениями.

Всегда после увеселений в домах актрис, промышленников или, что случалось реже, настоящих аристократов, он, ощущая, как прохладный вздох ночи будит его от искаженного восприятия мира, готов был поклясться, что всеобъемлющая тоска, крутящая расплывающийся разум, тяжелее всего, что ему удалось испытать раньше. Словно он поднимал глаза к бездонно – пугающему, захватывающему волю небу и ужасался, что время идет, а он только и делает, что зарабатывает и тратит деньги. И, тем не менее, по утрам он вновь принимал приглашения. Замена действительности в бокалах из тонкого хрусталя; деликатесы, щедро расставляемые лакеями, одетыми лучше некоторых господ; женщины, не пугливые и вовсе не манерные, как в «приличном» обществе. Многие личности разрывались между двумя сторонами одного удовольствия – праздного времяпрепровождения, поэтому кочевали из общества светского в полу светское, а порой и на самое дно – в публичные дома и дикие сходки военных. В общем-то, никто не мог провести четкую грань между великосветскими мероприятиями и тем, что влекло неизмеримо больше. Разве что дамы полусвета были смелее и охотнее отвечали на ухаживания. Резкость, распушенность, показная свобода, поскольку все так или иначе были лишь рабами эпохи, контрастировали с утонченностью, жеманством и длинными беседами порой вовсе без содержания. Крисницкий мало где видел подлинную свободу нравов, отрешенность от мерзости и полет фантазии. Но вот беда – с теми, кто отвечал его требованиям, ему стано-

вилось скучно и казалось, что свербит сердце, поскольку сам он отнюдь не был ангелом. Получалось, что он обманывал честных людей и в какой-то степени обманывал себя, отвергая то, к чему яростно тянулся.

Однажды на одном из сборищ Крисницкий встретил Марианну Веденину, улыбающуюся всем, но словно отсутствующую в пышно убранной столовой. В отличие от многих актрис, она умела играть вне сцены, и этим охотно закрывалась. В ее личности так тесно сплелись настоящие порывы и фарс драматургии, что она сама не могла сказать, истинна ли ее привязанность к развлечениям. Порой она страдала без общества живых людей, чувствуя себя вовсе изгоем, порой ненавидела всех вокруг. Этим они, возможно, обнажили свою схожесть. Крисницкий, без приглашения побывав на нескольких ее спектаклях, нашел ее заманчивой и истинно талантливой, по-настоящему загорелся девушкой и не отпускал, пока с завидным упорством не сделал ее своей. Если физически не мог находиться рядом с ней, слал письма и подарки. Чего в его отношении к ней было больше – подлинного чувства или обыкновенного желания, понять было не дано даже ему самому. Возможно, Крисницкий инстинктивно называл одержимость «влюбленностью», поскольку все всегда называют теплые чувства к другому человеку именно так, не утруждая себя тщательным разбором побуждений.

Отрезок цивилизации, где он вращался, где работал и почти любил не был идеален, но Михаил охотно мирился с этим, наслаждаясь ощущением окутывающего запаха влияния и силы, шика, духов, дорогих тканей, деревянной мебели, изготавливаемой лучшими крепостными мастерами, огромного Санкт – Петербурга и Марианны. Конечно, красавица Марианна неразрывно связывалась в его ассоциациях с тем, чего он достиг, и приносила приятный сумбур в мысли. Далеко не все в избранном столичном обществе ликовали при виде того, как неизвестно откуда выискавшийся проходимец с никому неизвестной родословной и обходительной улыбкой пожинает плоды собственных рук, пользуясь успехом барышень. А этим дурочкам только романтического героя подавай, хотя, признаться, есть в нем какая-то притягательность... И потом, он отнюдь не беден.

Поэтому, или из-за чего-то еще, застарелые бояре сквозь пальцы смотрели на Крисницкого со всеми его высокопарными замашками, не убирая, впрочем, доброжелательного презрения, укоренившегося в них и прилипшего к сознанию как вторая натура. А кое-кто из тех, кто уж совсем забылся и вообразил, что неразрывная нить заговора и настороженности утратила непримиримое могущество, любезничали с Мишелем и звали его на обеды. Могущество, связывающее столичных баловней судьбы, родившихся с серебряной ложкой во рту и не думающих о насущном, порой трескалось. Оттого-то, что наивысшее общество деградировало и забыло о корнях и жестких табу, некоторые привечали Крисницкого в своих разодетых особняках и втайне понимали, что, надумай он посвататься к их дочерям, они не будут слишком суровы. Тем же, кто по-прежнему со злобой отстаивал идеалы дедов, оставалось молча осматривать это безобразие и язвить. На беду, это не смущало и не развлекало никого, кроме их окружения.

8

Воротившись в столицу, Михаил помчался к Марианне, выкинув из головы мысль о делах. Она преследовала его всю поездку, и Крисницкий сам не понял, что на него нашло – проводила она его совершенно спокойно, давая понять, что отдых в одиночестве длиною несколько дней и ему и ей пойдет на пользу. Чувствовал он себя юнцом, не способным контролировать желания и чувства.

Марианна, как обычно перед вечерними выступлениями, полулежала на крошечном диванчике с резными подлокотниками и в сотый раз перечитывала пьесу, которую должна была изобразить на сцене, сама мало веря в написанное, жестикулируя и вообще выглядя забавно. Обычно она проводила утро в репетиционном зале, обед дома, занимаясь повседневными делами или встречами с Крисницким, тоже весьма занятым человеком. Вечером неизменно в любом состоянии и настроении госпожа Веденина оказывалась на сцене, привнося что-нибудь свое в любую роль и не увлекаясь излишним пафосом драматизма. Одаренная лицедейка, она даже на волне успеха чувствовала, как жизнь просачивается сквозь пальцы, словно привередливый песок. «Одно хорошо, – думала она, – хоть Островский создает что-то стоящее, не так противно». Когда пламя желания играть или чувствовать угасало, она казалась невероятно апатичной. Наедине со своей душой, как сейчас.

Обаяние и женственность служили ей оружием в борьбе за принятие в труппу театра, но никак не теперь. Приходилось вежливо отклонять слишком настойчивые ухаживания и терпеть циркулирующие по столице слухи, что любовников у нее зараз не бывает меньше дюжины. Михаил иногда поражался, насколько при своей явной притягательности для мужчин она бывает несчастна поклонением, а оттого необходима. В каждом зрителе она страшилась увидеть угрозу своей свободе и безопасности. Каким образом она вообще умудрялась уделять время Крисницкому при всегдашней своей одержимости игрой (порой несколько спектаклей в день), понимала разве что она сама. Нервная и обидчивая, Марианна часто подвергалась травле, что, как и совокупность остальных проблем, не прибавляло ей бодрости. Создавая видимость собственной праздности и общительности, она недоумевала и даже посмеивалась про себя, что никто кроме ближайших друзей не понимает ее настоящую, беря за образец ее характера роли ветреных особ в водевилях или социальных комедиях. Ее навязчивые отталкивания мужчин обнажали близкому окружению целомудренность, но только сама Марианна догадывалась, насколько чрезмерен страх пострадать, как тысячи тысяч женщин. Только Михаилу удалось прорваться к ней и в какой-то мере разбудить чувственность.

Актриса Александрійского Императорского театра. Немалое достижение, если учесть, что росла она не в актерской среде и не готовилась с детства, как иные. Обучалась, конечно, в Петербургском театральном училище, но много позже остальных девиц. Если она и выйдет замуж за кого-нибудь, это будет означать конец карьеры, складывающейся столь успешно. Не на офицера, конечно, она нацелилась, тогда ее изгонят официально, но все же... Как сочетать растущую семью и выступления, восхищающие свет, но им не поощряемые, она не имела ни малейшего понятия, а опыт предшественниц только подтверждал ее печальный настрой. Поэтому Марианна при всех проблесках свободолюбия в данном вопросе предпочитала склонить голову и отдаться обстоятельствам.

Да она и готова была бросить театр несмотря на любовь к нему. Очень уж ей надоели постоянные намеки, интриги, сплетни... Да, она отдаст это за возможность жить спокойно, любить и лелеять... Невозможно было представить более неподходящий характер для актрисы, но она успешно скрывала свои истинные мотивы за блеском непокорности идеала, к которому мало кто умел приблизиться.

Двадцать пять лет. Немалый срок, а нет ни детей, ни мужа. Конечно, это не великое благо, но... Она как никогда красива и купается в славе и обожании. Но не один из зрителей, уходящих вечерами из театра с ее образом перед глазами, и не подумает, что она не меньше их жен, изможденных бесконечными родами, жаждет счастья. А добиться его в условиях, в которые брошена, не представляется возможным. А ведь Марианна пытается еще держать осанку, шутить и наряжаться.

Так что приход Крисницкого, цветущего и прекрасно одетого, не доставил ей радости, а лишь разбередил затянувшиеся за время его прозрачного отъезда рубцы. Его загадочность многие искушенные дамы считали настоящим лакомством.

Вопреки заверениям «приличного» общества, которое с удовольствием посещало ее премьеры, но приходило в ужас от одной мысли, что подобная особа может окрутить кого-нибудь из его доблестных сынов (жениться на актрисе!), она не была распутна. Михаил стал первым ее любовником и первой любовью, которую она пыталась потушить в себе, но которая горела столь сильно, что начала вызывать у нее страх. Она знала, вернее, признавала, хоть и не исключала, что их отношения способны закончиться браком и даже втайне надеясь на это, что они не поженятся. Не оттого, что Михаил был негодяем, хотя ему в некоторой степени, как и всем жителям нестойкой планеты, эгоизм был присущ. Просто женитьба на актрисе – дерзкий поступок, и Мишель всеми силами старается упрочить собственное положение, а не губить его. Что же, в конце концов, почти все проживали отведенные им часы за выполнением правил, кем-то когда-то установленных. Но только сумевшие побороть страх и перешагнуть через них остались в памяти поколений.

Когда-нибудь Мишель обязательно возьмет в жены смазливую девчущку с чистой репутацией и пугливыми, как бывают у собак, которых вечно все шпыняют, очами... И с повинной прилетит к ней, моля о прощении и продолжении столь удачного знакомства... Боже, какие они лицемеры! Смеют считать себя чем-то лучше нее, хотя сами погрязли в пороке, семейных дрызгах и ханжестве. Лучше молчать и смотреть, как рушатся судьбы окружающих, чем проявить не то чтобы добросердечие и сердобольность... Обыкновенное понимание! Как будто только те, кто попадает, ведет себя недостойно, так почему не задуматься над своими недостатками, а не клеймить неудачника, подорвавшегося на происхождении, манерах или связях?! Боже, боже, как выжить в этом змеином клубке, и главное – что делать дальше?

Противнее всего было то, что все это старательно замалчивалось. Двумишье с давних пор потеряло для Марианны спасительную привлекательность. Только спесь, разочарования и насмешку нашла она в этом высшем обществе. И почему Мишель так благоговееет к нему? И почему он, несмотря на явное пренебрежение к ослепительным ослам, плывет вместе в ними? Конечно, он не пресмыкается, слишком раскованно и без всякого раболепия ведет себя с этими прожженными аристократами, но... Возможно, это его стихия, только она быстро приелась ей. Когда-то Марианна мечтала о шикарной жизни. Но главное в ее надеждах было... А, она сама уже не помнит. Да, когда-то дети не были ей столь приятны, как теперь. Сейчас она с умилением наблюдает за топотом крошечных ножек по улицам и больше всего хочет взять незнакомого ребенка на руки. Однажды она видела такую красивую девочку...

Марианна вздохнула. Ей тоже всю жизнь придется прожить по чьей-то указке. Если, конечно, она не собирается стать изгоем. Ведь она почти стала им, по крайней мере, для семьи. В тот день, когда пошла на сцену, воплотив давнишнюю недостижимую мечту. Хотя с каких пор семья думает о ней? Просто смешно. Она ни о ком не думает, разлагаясь изнутри.

Но не надо об этом! Марианна так любит сцену, талантливых драматургов, цветы, восхищение, прилив сил, который испытывает, когда до нее доносится дрожание аплодисментов... А под личиной красавицы – актрисы прячется неуверенная и раскрепощающаяся только в творчестве женщина, до сих пор надеющаяся, что мать, после безобразной сцены с неповиновением выбросившая ее на улицу с несколькими рублями и давшая единственный верный за всю жизнь

совет – ехать к дяде в Петербург, одумается и простит, дав, по крайней мере, возможность ощущать, что Марианна хоть кому-то нужна. Конечно, дело было в новоявленном отчине, но это так отвратительно, что Марианна поехала, вновь вспоминая те времена. Разве не должна мать была стать на сторону ребенка? Да, Марианна решительно не верит в счастливые союзы.

Путь к Олимпу сценического мастерства был долгим, но не слишком тернистым. Ведениной повезло – дядюшка оказался человеком прогрессивным, хоть и несдержанным на язык, и многому научил ее, познакомил с нужными людьми, которых знал благодаря пристрастию к азартным играм. Ей не пришлось завязывать слишком близкие отношения с влиятельными особами.

Крисницкий прервал летящие растворяющиеся в тумане действительности воспоминания. Со смелостью знатока он пересек гримерную и впился ей в руку сухими губами.

– Мишель, – начала было Марианна, поскольку хотела выплеснуть все, что копилось на душе, но решила выждать и с благодарностью позволить ему с нежной силой обнять себя.

– Я скучал, – голос Крисницкого звучал глухо из-за близкого соседства с ее хаотично заколотыми волосами.

– И я, – протянула она, чувствуя, как тени невзгод отступают.

Что все ее волнения по сравнению с редкой удачей любить?

Вот почему она позволяла ему приходить и каждый раз, если поначалу и не хотела, оказывалась плененной искренней теплотой его глаз. Марианна про себя называла это «свечением». Да, это была связь, не любовь, а именно связь, но она ничего не могла сотворить с собой. Сродни наваждению, безумию, пусть и не роковому, но все же, это чувство раскрашивало жизнь.

– Маша, я женюсь, – вымолвил он, подняв на нее свои удивительно холодные и в то же время страдающие глаза, безмолвно, но настойчиво взывающие к прощению и благоразумию.

Он долго ждал, прежде чем признаться. Ни словом не заикнулся, пока все существовало на стадии подготовки. Но теперь тянуть нельзя. Не должна Марианна узнать все от чужих, это будет удар для нее. Да что он, все равно будет больно. Нет, не стоит думать об этом, к чему понапрасну расстраивать себя и портить жизнь другим?

Марианна задыхалась совсем неслышно, не ответила, лишь отвела глаза и безуспешно попыталась встать на ноги. Он держал ее, напряженно вглядываясь в смену чувств на ее лице. Но никаких особенных изменений он не прочитал, что повергло его в благодарность.

– И... – голос ее зазвучал хрипло, – что ты хочешь от меня? Ты свободен, всегда был свободен, как хотел.

Казалось, сердце вот-вот неуверенными толчками пробьет оболочку ребер, но Марианна, несмотря на неизвестно откуда пришедшее волнение (она ведь всегда знала, что этот день наступит, пусть и в немой мечте алкала иного), говорила на удивление спокойно. «Ты всегда была разумной женщиной», – как будто прочитала она возможные мысли Михаила.

Но он думал, что, скорее всего, действительно выглядит подлецом, раз позволяет себе так поступать с женщиной, которую искренне, пусть и своеобразно, любит.

– Машенька, только не переживай, мы сможем видиться...

– Да-да, – поспешно бросила она, опасаясь, как бы он не сказал чего-то еще. – Ты прости, мне пора. Сегодня спектакль.

Михаил решил, что и так отделался малой кровью, хотя какая-то недосказанность не давала ему успокоиться. Сбитый с толку, неуверенный в завтрашнем, он отклонялся, но сдаваться был не намерен. А чего он ждал? Комедии с легким исходом? Конечно, придется помучиться, но главное, дело сделано. Он не даст ей уйти.

9

«Миша, я всегда знала, что день, когда мне придется писать тебе эти слова, настанет. Ты много принес мне счастья, но много и бед. Не думаю, что эта связь имеет место быть и теперь, когда речь идет уже не только о наших желаниях и отношении к самим себе, но и о счастье тех, за кого ты с недавних пор в ответе. Не думаю, что впредь нам позволено видеться. Спасибо за все, что было хорошего, прости за плохое. Марианна».

Без околичностей и чувствительности. Ни к чему вновь рвать сердце. Да, Крисницкий всегда считал ее рациональной, пусть и теперь думает так. А как иначе, если она сама создала вокруг себя такой ареол? Никогда, даже в самые сокровенные минуты, она не теряла самообладания. Возможно, она переборщила со стремлением казаться неуязвимой и боязнию, что кто-то разгадает ее и воспользуется открытой слабостью. Марианна выдохнула и скрепила сложенную бумагу. В последнее время ей чудилось, что Крисницкий тяготится ей, презирает за то, что она согласна была жить так. «Сначала соблазняют, потом нехотя снисходят именно за то, чего так исступленно добивались», – усмехнулась она, подзывая камердинера.

Что же касается другой участницы этого невольного треугольника, она, как только чары Крисницкого над ее романтической головкой рассеялись, начала сомневаться и чуть было не вынудила опекуна пойти на попятную. Но тот, поддерживаемый Надеждой Алексеевной, на сей раз не пошел на поводу у обожаемой своей девочки и каждый день до самого торжества убеждал ее. Каждый раз словно в первый.

Быть может, Тоня, даже в детстве отличавшаяся небывалой для единственного ребенка в доме мягкостью и кротостью, которые в ней долго вскармливали и которая стоила ей больших жертв в прошлом и настоящем, не проявила бы подобной «дерзости», как считали все мамушки, нянюшки и даже слуги. Но приезд одного бравого господина существенно подкосил ее решимость сделать все, как полагается и устроить свое будущее.

Лев Анатольевич Фарсов, необузданный племянник Федотова, пожаловал к родственникам вместе с всегдашним обезоруживающим любую даму набором улыбок, галантностей, открытости и детской, пусть и нагловатой, искренности. Двоюродным братом Антонине он только считался, ведь та сама толком не знала о настоящей своей семье, а настойчивые попытки атаковать Федотова и разузнать все не приносили плодов, ибо тот каждый раз замыкался в себе, отшучивался или делал вид, что невероятно занят. А то и вовсе начинал похныкивать, после чего ударялся в рассуждения в стиле «как прекрасна была жизнь в прежние времена», сопровождая это изрядной долей ностальгии, горечи и сладостей вприкуску. Чаще всего же он говорил, что все родные ее умерли и нечего совать нос в дела усопших, что произошедшее того не стоит, все было обыденно и скучно.

Впрочем, Тоне почти достаточно было знать, что родители ее умерли, а дядюшка охотно передал племянницу сестре ее матери, бывшей женой Дениса Федотова, и благополучно забыл о ее существовании. Но порой отчаянно тянуло разведать все до мелочей... Это были лишь жалкие звуки, подобные газетным столбцам. Она хотела знать историю, характеры, приведшие к крушению. Из таинственного перешептывания прислуги, не утруждавшей себя такой мелочью, как закрытые двери, Тоня выяснила, что ее матушка, «непутевая растяпа», или совершила в молодости что-то нехорошее, или попала в водоворот интриг. Отчего ее пасынок или деверь то ли оклеветал невинную девушку, то ли отомстил. Да, в то же время «старый мужлан», то есть истинный отец Тонечки, отошел в лучший мир, и так же при невыясненных обстоятельствах. Кажется, он был не так уж дряхл... Словом, история не то чтобы запутанная... надуманная и непонятная, а реальность, должно быть, намного прозаичнее и скучнее. Но Тоня все равно тяготела к ее разгадке, хоть и не хотела быть чересчур дерзкой.

Родство не мешало молодым людям явно предпочитать всех прочих друг другу. Фарсов приезжал нечасто, но каждый подобный визит оказывался настоящим событием для сестры. Он привозил с собой кусочки неведомого мира, мира высшего света, ослепляющего блеска, которого юная девочка лишена была и в силу обстоятельств, и благодаря собственной натуре, отрицающей великосветские утехы в пользу широты и искренности родного края. Лев был столь весел, задорен и противоречив, что Тоня с увлечением исследовала его, поражаясь, если удавалось найти что-то новое и недоумевая, что он вообще такое. Он благосклонно относился к девицам и яростно-настороженно – к молодым людям, заработав этим репутацию дуэлянта и повесы.

Главным чувством по отношению к кузену у Тони оставался страх, что рано или поздно она рискует влюбиться. Когда его не было рядом, она легко забывала его и увлекалась чем-то другим, жила в свое удовольствие и не ждала его возвращения. Когда он вновь оказывался рядом, она сразу чувствовала себя ничтожной, глупой и блеклой. Ей отраднее было слушать Льва, загораться его идеями, видеть, что он, пусть кажется возмужавшим и набравшимся опыта, остается тем мальчишкой, который во времена своих гимназистских каникул ненавязчиво вовлекал ее, охотно вовлекающуюся, в свои безумные идеи. Бывало, день напролет они хохотали, едва не катаясь клубками по крыльцу господского дома. Тоне, оторванной от мира, жизнь Фарсова представлялась сказочной, перспективной, свободно дышащей. Она же в силу возраста и пола оказалась заточена в деревне, обучаясь премудростям домоводства. Когда же он поступил в университет, счастливая для обоих пора отрочества канула в небытие.

Каждый раз Лев будоражил Тоню, заигрывал с ней, говорил нежные слова и, сам того не понимая, обнадеживал ее, так что она, пусть и с опаской, начала мечтать. Ничего же сколько-нибудь серьезного у него не было и в мыслях, как верно заметил Федотов. Это было его обыденное поведение, шаблон, по которому он общался со всеми, кто не отталкивал его, а Тоне оно стоило душевного покоя.

– Кузина! – вскричал Лев в своей обычной манере, широко расставляя руки и позволяя спускающейся с небольшой лесенки, ведущей в столовую, Тоне нырнуть в его объятия.

Антонина, пусть и без особенной радости, так и поступила. Ее уже терзали мысли о перевороте жизни с ног на голову, а тут еще этот Лев, будь он неладен!

Федотов без обыкновенного радушия встретил сына сестры, похлопал по плечу, осведомился об учебе. При упоминании об этом скучном занятии вздернутый нос Льва расплылся по лицу вместе с лукавой улыбкой.

– Ах, к дьяволу ее! – отмахнулся племянник, наслаждаясь нахождением в кругу любящих людей. Поклонение он обожал.

– И что же, – не унимался Федотов, беспокойно поглаживая аккуратно подстриженную бородку, – так и не решил, чем займешься после окончания университета?

Тоня, раскрыв рот, внимала болтовне мужчин, имеющей для нее особый, всеобъемлющий смысл.

– А, да ну его, дядюшка, – Лев запрокинул голову назад и, стукнувшись о низко свисающую картину, громко рассмеялся. – Ну, если тебе так не терпится увидеть меня занятым драгоценным делом, можешь считать, что я приеду к тебе и стану экономкой!

Федотов недружелюбно скосился на молодца. Вот ведь послал бог племянничка!

– Поражаюсь твоей беспечности, – вздохнул он.

– Да будет тебе, дядя! – воскликнул Лев, все более вальяжно раскидываясь на диванчике и дразня невесть откуда выискавшуюся моську. – С каких пор ты стал таким ворчуном?

– Не подобает сыну дворян быть управляющим чьи-то именем, а уж тем более «экономкой»! – вспылил Федотов. – А я обещал Ольге позаботиться о себе.

Лев фыркнул, вздетыми к небу глазами выразительно докладывая: «Что мне делать с тобой, если ты даже шуток не понимаешь?»

– Мамаша выжила из ума, так что теперь ей точно не интересно, заботишься ли ты обо мне.

– Лев!

Федотов приподнялся с кресла и смотрел на племянника во все глаза, как будто опасался поверить, что тот рехнулся.

– Хорошо, дядюшка. Вижу, никакого разговора у нас сегодня не выйдет. Тонина, свет очей моих, пойдем прогуляемся. Расскажешь мне о женишке.

Тоня покорно поднялась. Проходя мимо Федотова в раскрытую дверь, она ласково погладила его по плечу, загороженному толстым слоем ткани.

– Ну, и что ты расскажешь мне? – не теряя всегдашней своей веселости даже после ссоры с дядей, напрямик спросил Лев, постукивая себя по груди ладонями. Денис Сергеевич был столь неконфликтен, что прошедший эпизод казался верхом его грубости.

– Что ты хочешь услышать? – спросила Тоня, опуская голову.

– Ну, каков доход у этого твоего Брусницкого...

– Крисницкого, – поправила Тоня.

– Ну, а я как сказал? Да, это неважно. Не слишком он стар? Знаешь, Тонина, для такой тихони, как ты, это преотличная партия! Будешь купаться в золоте, кутить, вращаться в таких кругах! Чудо что за жизнь! Правда, дядю смущает, что он по рождению не дворянин, а я считаю, это, черт возьми, гроша ломаного не стоит. Отлично ты устроилась, сестрица! Мне вот горбатиться придется, чтобы хоть что-то занять, а ты – раз – и замуж, и в ус не дуешь! Может, и мне найдется престарелая девица с несколькими тысячами приданого? Я б не отказался...

– Он вовсе не престарелый, – обиделась Тоня, а душу накрыло волной сомнения. Ее оскорбило то, как беспечно обо всем толкует Лев, словно это ничего не значит! – И вообще, к чему эти разговоры?

– Да-да, ты права, Тонина! И не слишком – то приятно будет созерцать подобную рожу каждый день, каждый год... Боги, нет, ты совсем мне спутала планы! Я на войну пойду!

– На войну? – личико Тони вытянулось.

– Ну, конечно, глупышка! Зачем еще жить? Чтобы вести это размеренное существование и гнить в деревеньке? Плохо же ты меня знаешь...

– Ты что, славы и ратных подвигов ищешь? – отозвалась Тоня, не веря в осуществление его мечтаний, поэтому не слишком волнуясь.

– Конечно, Тонина! Что же, я гожусь лишь для роли тупеющего с каждым годом уездного помещика?

– А папа, по – твоему, только ограниченный помещик? – нахмурилась Тоня.

– Ну, не переводи все на личности. Но, в общем-то, и он... Ах, как это сложно объяснить! А, ну его к дьяволу. Тонина, ты не знаешь, чего я хочу! Нет, не так пройдет моя жизнь! Ты представь, они меня собираются превратить по образу своему и подобию! Нет, не выйдет, братцы!

Лев рассмеялся, дразня Тоню. Он бегал вокруг нее кругами и вперемешку с ничего не значащими выкрикиваниями поведал несколько запоминающихся историй, как вызвал на дуэль оскорбивших его студентиков. Правда, они все остались целы, у кого-то всего лишь пуля застряла в теле.

– И чем же они оскорбили тебя, Лева? – оживилась Тоня, снисходительно – любовно оглядывая гордый профиль кузена и воображая, как этот буйный субъект горячится из-за ерунды.

– Как «чем»? ! Один республиканец, не наш, не здешний, открыл мне, что я презренный приверженец отживших методов. Нет, ты представляешь, каков нахал? Отжившие методы – это войну он имел в виду! Вот и получил по заслугам, теперь только поправляться начал. Другой что-то мне сказал про моего отца, вроде что тот торговал рыбой прежде чем получить дворянство. Это мой-то папаша, который ногти себе полирует перед завтраком, представь?!

Правда, потом оказалось, он ничего оскорбительно в виду не имел... Но я что же, должен терпеть? Не на того нарвались! Выразаться надобно яснее.

– Ну, а еще? – со смехом спросила Тоня.

Льва всегда что-то хранило. Да и большинство конфликтов в виду его быстрой отходчивости удавалось искоренять до того, как в ход шли пистолеты.

– А, ну да... Потом я еще повздорил с Малишиным...

– С Ильей?! – поразилась Тоня. – Он-то чем не угодил тебе? Мне казалось, вы не разлей вода.

– С ним самым... Да, но этот хлыщ нелестно отозвался о моем новом сюртуке.

Тут уж Тоня, и без того еле сдерживающаяся, согнулась пополам от звучного терпкого смеха и поддавалась новым приступам по мере того, как задетый Лев пытался оправдаться.

За ужином посматривая на кузена, Тоня уже без пульсирующей боли думала, что неминуемая разлука сделает их недосыгаемыми друг для друга.

– Эх, отдаем свою красавицу первому встречному! – возвышал голос Лев, изрядно обливая свое горе вином.

– Перестань, Лева, – упрашивал его Федотов, пытаясь утихомирить, но в душе одобряя подобный пыл, поскольку сам не мог спокойно думать о предстоящем браке.

Тоню эти вспышки только раздражали. Мужчины! И что только творится в их головах? Сначала устраивают брак, сватают, спрашивают... А потом на тебе, чуть не плачут и причитают не хуже поварихи! Как будто им идти за Крисницкого, а не ей.

10

Отзвенели хрустальные бокалы, непрерывно наполняемые легкими винами, гости разъехались по домам, самые близкие – Федотов, Лев и брат Крисницкого Юрий – остались в огромном доме Михаила. Вступив в него уже в качестве очаровательной жены занятого и донельзя обаятельного Крисницкого, Тоня чувствовала себя замученной бесконечными поздравлениями, пересудами и взглядами. Ни на минуту она не ощутила счастья.

Впервые оказавшись в Петербурге, Антонина не уставала восхищаться его мощью, величием и невыразимой красотой, созданной десятками гениев. Первое время она только и делала, что рассматривала окружающее, не замечая никаких недостатков – разбитых мостовых, нищих, ползущих по людным улицам, зловоние от помоев, выливающих порой в совершенно неожиданных местах.

Дом Крисницкого, расположенный, как и многие здания Северной Венеции, на берегу, ошеломлял. Огромный, роскошно убранный, выдержанный в вычурном затейливом стиле особняк гостеприимно и слегка надменно принял в себя новую жительницу. Стены, отделанные деревянными панелями высшего качества, щедрая позолота, расписные печи и камин, украшения высшего качества – от китайских ваз до гобеленов. Все убранство наталкивало на мысль, что Крисницкий, пусть и вызывая одобрение отменным чувством меры, хвастается. Хотя, быть может, он всего лишь любил красоту и не представлял жизни в других условиях. Не все ли приверженцы высшего общества живут в подобной роскоши?

Планировка здания показалась Тоне совсем не такой, как в деревне. В приземистом строении Федотова комнатки были сплошь маленькие, проходные, теплые от тлеющих повсеместно печей. Здесь же поражали размах, мощь. Входя в помещение, Тоня ощущала прилив благоговения и страха. И даже теперь, в августе, здесь царил прохлада. Толстые каменные стены не пропускали живительный солнечный свет. Тоня мерзла, постоянно кутаясь в пледы и меха.

Больше всего во время длинного пиршества с приглашенными на него артистами, цыганами, плясунами она ждала тишины и покоя, поскольку не понимала, что происходит вокруг. Все, что случилось с ней, казалось насмешкой. Смены нарядов, пестрота звенящих в ушах мотивов и мнений относительно неизвестно откуда взявшейся Антонины, темная история с ее происхождением и воспитанием в доме старого чудака Федотова утомили ее настолько, что она могла показаться совсем неучливой. Все эти люди, ей незнакомые и ненужные, пришли позлословить и показаться в лучших своих нарядах. Они напоминали ей, отнюдь не злоязычной, но способной разобраться в мотивах человеческого поведения, свору прекрасных, но диких зверей, готовых накинуться на первый же брошенный им кусок мяса. Хотя зачастую Тоня отличить не могла лукавство от шутки, поскольку не имела практики, теперь почти подсознательно не смела заставить себя полюбить окружающие ее лица. Сменялись в калейдоскопе жизни, которая теперь ей предстояла, кружева на ладных плечах, трубки, наполненные табаком, длинные фраки господ, которые они небрежными отточенными движениями запрокидывали наверх, чтобы усесться в вольтеровские кресла и вдоволь посмеяться над шуткой местного остряка. А Тоня, долженствующая больше всех смеяться и плясать, чувствовала дурноту. И все ждала, когда праздник закончится.

Михаил, со всеми обходительный, а с кем-то чересчур нежный, удивлялся постному личику невесты, но благоразумно предположил, что она обыкновенно утомлена присутствием всего этого высшего сброда. Михаил не сомневался в назначении людей, с ухмылками, будто приросшими к холеным лицам и ненавязчивой целью казаться учтивее, чем Крисницкий того заслуживал, передвигающимися от одного пышно убранного стола к другому. Поэтому он не испытывал внутренней борьбы и был сбит с толку, отчего Тоня так близко принимает к сердцу их поведение.

Но необходимость помнить о состоянии Крисницкого существенно ослабевала первоначальный пыл аристократов, поэтому серьезных размолвок между хозяином дома и особняком, но близко к нему стоящей знатю не происходило. Правда, когда он добился Марианны, чуть было не вышел скандал, ведь княгиня Юрьевская всерьез вздумала добиться его расположения и начала распространять пикантные подробности интимной жизни актрисы и промышленника. Притом, разумеется, что сама знать толком ничего не могла. Но, рассудив, что мало у кого встретишь отменные закуски и музыкантов (и откуда у разночинца взялся великолепный вкус?), успокоилась и обратила неумный взор на другой предмет, вращавшийся опаляющее близко. Чему удивляться, петербургский бомонд знал всех своих представителей в лицо. Так что молодому гусару не удалось избежать объятий зрелой княгини и утомительных преферансов с ее слабоумным супругом. Размолвки не произошло, но взрывоопасный дуэт с того момента предпочитал не столь явно давать поводы для пересудов.

Ни мук совести, ни обиды из-за подобного отношения к дорогим гостям новоявленной супруги Крисницкий не ощущал, а лишь спокойно продолжал попивать вино из слишком дорогих фужеров и поглядывать на актрису Подянину, ближайшую подругу Марианны. Сама она, ясное дело, на торжество не явилась.

– Чтобы окончательно дать ему возможность вдоволь посмеяться и насладиться моим унижением? – гневно констатировала Марианна, сжимая в руке принесенное швейцаром приглашение. – Нет, каков!

Никогда больше Варвара Подянина не видела подругу в подобной ярости. Та, открыв расписной конверт, перестала даже причесываться и так, неубранная, злоязычная, ходила по примерной до начала спектакля.

В комнате, должной теперь стать спальней, Тоня еще не освоилась. Она медленно прошла к широкой постели, вздрогнула и, присев на краешек, застеленный по всем правилам, начала раздеваться. Находясь в каком-то забытьи, она не думала о предстоящем. Только, нагибаясь, чтобы поднять выпавшую из прически шпильку, больно ударилась о стоящий рядом с постелью столик. Чувствуя нарастающее раздражения из-за собственного бессилия, она стиснула зубы и ждала, пока боль уступит место облегчению.

Она решительно не знала, что предпринять теперь, когда, наконец, осталась одна. Надо ли ждать мужа или он придет тогда, когда сам пожелает? Или должно позвать его самой? Нет, только не это! Сегодня она не увидела в нем ни намека на былую ласку или хотя бы почтительность. Все болтал с какой-то актрисой и замыкался в себе, а в глазах сквозила грусть, какую она никогда раньше в нем не замечала, хотя Михаил, даже улыбаясь, не казался радостным. Быть может, он пьян, поэтому так странно ведет себя?

Бесшумно отворилась огромная дубовая дверь и, прежде чем оказаться в ночной рубашке, Тоня заметила на пороге мужа. Облокотившись плечом о дверной проем и держа опустошенный фужер, он недоуменно смотрел на девушку, зачем-то севшую на его постель.

Не будь Тоня так разбита и напугана, непременно оценила бы изящество его позы. Из нагрудного кармана бархатистого на ощупь жилета высовывались серебряные часы на цепочке. Цепочка больно врезалась в корсаж. Тоня ощутила это в полной мере, когда танцевала первый вальс новобрачных. Тогда он ухитрился наступить ей на пышное подвенечное платье, щедро украшенное розами и кружевами, и чуть не оторвал подол. Наряд был заказан у известной модистки по последней заграничной моде. За ним долго гонялась Надежда Алексеевна и ликовала, увидев на своей дорогой воспитаннице этот шедевр из материи и ниток, но невесте запомнилась только его удивительная тяжесть. Понятно, в полном обмундировании ходить вовсе не сладко, но бесконечные слои шелка на кринолине – это уж слишком!

Рубашка на Крисницком оказалась слегка помята и расстегнута сверху, чего Тоня никогда не видела ни у одного дворянина. Ах, да, ведь они поженились... Нелепая, приводящая в

замешательство мысль. Теперь все будет по-иному. И неизвестно еще, лучше или хуже. Только об этом думать не сладко, да и нет желания.

– Вы замерзли? – спокойно спросил Михаил, небрежно подходя к кровати и опуская на туалетный столик пуговицу, отлетевшую от сюртука, брошенной между этажами.

– Нет-нет, – поспешно ответила Тоня, как бы опасаясь, что он спросит о чем-то еще.

Он наклонился к ней и поцеловал. Ей показался горьким вкус этого поцелуя, пропитанного вином и непониманием. Неуклюже подавшись к нему, она позволила его руке обхватить себя за талию. Она ведь совсем ничего не умеет, хоть бы он подсказал! Но он молчал. Какие-то мысли, догадки и крохи, почерпнутые из книг, не могли в полной мере образовать ее. Какая жалость, что Палаша еще не вышла замуж! Нет-нет, нужно просто покориться, так говорили все...

Почувствовав ее дрожь, которая часто случалась у него самого на промозглом ветру, Крисницкий остановился и посмотрел на Тоню. Что-то в выражении ее ставших огромными глаз отпугнуло его. Как будто на него смотрит жертва, молящая о пощаде. До чего проще водиться с женщинами, смыслящими в подобном много больше него самого! До смешного жаль эту напуганную девочку. Весь хмель и оглушенность от разрыва с Марианной улетучились из сознания. Крисницкий не предполагал, что, потеряв любовницу, будет испытывать подобное. Все ярче по мере того, как он углублялся в себя, вспыхивал саднящий огонек. Как хорошо, как спокойно было, когда он не смел и не желал открывать даже себе уголки собственной души!

Крисницкий вздохнул и встал с постели. Что проку тревожить Тоню теперь? Лучше подождать, пусть не чувствует она себя такой одинокой и ненужной здесь.

– Доброй ночи, Тоня, – обронил он, выходя из комнаты.

Услышав то ли бессильный ответ, то ли сдавленный протест, он усмехнулся и зажег свечу. Всех слуг услад почивать, так что раздеваться придется самому. Да не беда, не в том дело...

Почти впервые в жизни Крисницкий чувствовал, как ему нехорошо в одиночестве. Хорошая идея была жениться. Опережая ход его мыслей, она привела к выводу, что без семьи человек гроша не стоит. Умрет он, и что останется? Несколько заводов, капитал... И что, кому он оставит их, кого осчастливит? Детей братьев, этих желторотиков? Крисницкий против воли засмеялся зло и безнадежно, совсем не так, как Лев. Марианна, Марианна... За что она так жестоко, зачем он такой дурак? На кого он променял ее холодноватое сдержанное совершенство? И надеялся еще, что она поймет, все останется, как было... Да сама мысль об этом уже оскорбление для ее натуры. Безумец, разве можно так обращаться с женщиной? Видно, он так и не научился галантности, хоть и преуспел в искусстве соблазнения.

В хозяйскую спальню Тоня так же, как Крисницкий в гостевую, где вынужден был устроиться, долго не могла впустить Орфея. Отойдя от недавнего штурма, она согрелась под толстым слоем наваленных друг на друга одеял и, щедро оросив слезами подушку, заснула, улыбаясь. Какой благородный поступок! Вот и верь после этого рассказам о жестокосердных мужьях...

11

Антонина Николаевна Крисницкая, тщательно убранный и торжественно одетая, спускалась по огромной лестнице в сиянии молодости и зажженной множеством свечей люстры. Крисницкий, благодушно настроенный, предвкушал удовольствие от выезда. Он величественно стоял в холле и натягивал ослепляющие белизной перчатки, отдавая последние распоряжения дворецкому Игнату. Подняв голову и улыбнувшись Тоне (он несколько не переживал из-за того, что решил не форсировать события), он засмотрелся на жену, любясь ее ненавязчивой грацией, юностью и незащищенностью. На короткий миг ему захотелось всегда присутствовать рядом. В какой-то степени он относился к ней как к ребенку, настолько она казалась наивной, свежей на фоне поживших дам света и на его собственном фоне. И в то же время он понимал, что чувства к Марианне в чем-то сходны с этим проявлением заботы. Как ни крути, к женщине, да еще к такой хорошенькой, невозможно испытывать лишь покровительственную нежность и отцовское снисхождение. Да и к чему? Она ведь его законная жена перед... Крисницкий поморщился. Решил же не впускать больше церковное лицемерие в свою налаженную жизнь! Встряхнув головой, Михаил нахмурился. Он не любил выводов о собственных вкусах и мотивах, предпочитая жить, как живет.

На Тоне было надето светло – серебряное платье с очень пышным кринолином, отчего даже передвижение по комнате выходило не совсем удобным. Но она мужественно переносила и это, и множество других мелких неприятностей, омрачающих существование, и только понуро улыбалась, если слишком туго зашнурованные туфельки впивались в пальцы. По моде открытые плечи, буйство кружев и нежности, создаваемой касанием атласа с незаезженной, не потухшей еще в соприкосновении с истинной стороной бытия красоты, пусть и не яркой, и не безоговорочной, но все же не созданной всецело нарядом и украшениями, а лишь дополненной ими.

Морща носик и томно – застенчиво улыбаясь самой себе, Тоня чувствовала запах собственных духов. Кажется, она по рассеянности предавалась бессовестному самолюбованию. Бесспорно, приятно, выйдя замуж, да еще за богача, иметь полное право доставать положенное любящими родителями в шкастолки приданное и, выполняя перед зеркалом древний женский ритуал, украшать себя. Крупный поблескивающий в любом освещении жемчуг, браслеты и серьги из чистого золота, с вкрапленными в металлическую оправу самоцветами, камеи, броши... Красота! Как весело и приятно, подкрепляя обзор своих сокровищ, предаваться благополучным мыслям, с чем сочетать изумрудные серьги, которым позавидует любая столичная модница, весь смысл жизни которой заключается в демонстрации добра, поскольку ничего без этих побрякушек она не представляет. Хотя, нельзя не признать, созерцать подобное – истинное наслаждение!

Михаила растопляла трогательная застенчивость Антонины из-за новой роли замужней женщины, в которой она пыталась выступать достойно, но допускала промахи, отчего сокрушалась. Все это забавляло, и, оглядывая хозяйку своего дома, Крисницкий размышлял, как хороша она с оголенной шеей, с этими коричневыми завитками там, где заканчивается линия волос и белой, почти просвечивающейся кожей. Хотя, нельзя не признать, не будь она его женой, он едва ли вообще стал смотреть на нее.

Тоня скромно улыбнулась мужу и охотно подала руку, испытав легкое разочарование оттого, что он не обнял ее за талию. Но главным чувством в ее душе было тихое ликование, что не оказалась, подобно многим своим сверстницам, поставлена перед окаменевшей, необратимой необходимостью терпеть рядом «посланного богом». В общем-то, зря она маялась перед свадьбой. Она любила выдумывать разные нелепые истории, но удивилась бы, увидев, как они сбываются. Все это фарс и нервозность, распыляемая в себе за неимением иных забот! Ничего

не изменилось, ей весело и приятно, ее окружают заботой, вывозят в свет... Перед Тоней вставали уже радужные перспективы будущего, наполненного пониманием и взаимностью. Правда, иногда покой ее дней нарушали воспоминания о Льве, но она старалась не обращать на них внимания, не превращая всю жизнь в одну сплошную любовную агонию.

В театре она слегка оторопела от обилия красок и шума. Муж беспрестанно, заведя кого-нибудь из знакомых, представлял ее, испытывая плохо скрываемую гордость. Знакомые же испытывали плохо скрываемое недоумение, каким образом разночинец (или вовсе купец?) Крисницкий умудрился сочетаться узами с девушкой старинного дворянского рода. Она, понятное дело, опутана этим скандалом, связанным с недостойным поведением ее матушки, да и дядюшка, чего греха таить, хорош, хоть и защищал честь семьи... Но ведь не бесприданница, и лицом вышла. Не понять им никогда этого Крисницкого! Умеет опутывать людей, с этим не поспоришь. Впрочем, никто и не собирался. Вечер был слишком хорош, чтобы не наслаждаться им, отдавшись в парализующую волю власть роскоши, сознания собственной значимости и хорошей музыки. Разве не за этим они пожаловали на этот праздник жизни?

Тоня не была тщеславна, но сейчас находилась в опьянении происходящим. В жизни появилось приятное разнообразие, только и всего. Поразительно, что предчувствие события всегда оказывалось ужаснее и сильнее, чем впечатления от реальности.

Крисницкие медленно продвигались к своим местам, давая щедрую возможность всем, кто еще не удосужился взглянуть на них у входа, как следует рассмотреть молодоженов и сделать соответствующие выводы. Вежливо засмеявшись шутке какой-то грузной графини, Крисницкий поднял напوماженную голову с гладко зачесанными назад еще не начинающими редеть волосами и заметил Марианну, неприкаянно стоящую на балконе. Несколько мгновений он стоял в нерешительности, понимая, что не приветствовать хорошую знакомую будет грубо. Лоб его прорезала не по годам глубокая морщина. Тоня миг из безобидной девочки превратилась в угрозу. Или Марианна стала опасной? А, впрочем, обе все равно узнают обо всем до мелочей, насплетничают ведь хорошие люди! Нет, не стоит сегодня. Слишком мало времени прошло с момента объяснения. Крисницкий сглотнул. Не в силах он назвать это, как должно, «разрывом»! Верит, что ничего не решено.

Декольте Марианны было вырезано слишком низко. Всем своим совершенством она отрешенно и изящно вперила локтями в перила. Крисницкий не мог отогнать эту картину от мысленного взора.

– Душа моя, надобно нам пожелать доброго здоровья еще нескольким людям, – прошептал он, наклонившись к жене и ощущая тонкий и отчего-то знакомый аромат, поднимающийся от ее нагретой кожи. Удивительно, она без шали и с такими открытыми плечами, а не мерзнет!

– Прошу вас, давайте дождемся антракта, я уже утомилась, – умоляюще взглянув на него, в тон ответила Тоня, поеживаясь.

«Нет, все-таки мерзнет, – расстроился Крисницкий. – Убить мало Игната!»

Согласившись, он усадил супругу и приготовился слушать крайне скучное, по его неодиному мнению, зрелище, и всеми силами пытаться не задремать. Впрочем, иногда певцы поднимают такой рев, что это практически невозможно... И понять бы еще, что они пытаются выразить. Хотя этот вечер соприкосновения с прекрасным, по-видимому, не будет столь же удручающим, как все прочие, поскольку прекрасное сидело в мягком кресле рядом и наивно хлопало темными ресницами, вертеться в разные стороны и сминая поднимающееся пузырем вокруг ножек платье.

Углубившись в сиденье и подперев кулаком подбородок, Крисницкий предался безрадостным мыслям о том, что будет, если рабочие взбунтуются, заболеют или решат вернуться в деревню, к истокам, коли отменят-таки крепостное право. Это сейчас большинство из них – беглые, а если и власть станет на их сторону? Несправедливо потерять все, что годами создавал таким трудом, отказываясь от семьи и дружбы... Впрочем, к чему обманывать себя?

Не к дружбе и семье он беспощадно карабкался эти годы. И вдруг ему стало мучительно дышать, а в желудке, словно тошнота, поднялась волна. Ведь он умрет раньше этой девчонки. Умрет, и что отдаст вечности? Следующие поколения и думать забудут, кто был Крисницкий, самодовольно взирающий на них с мастерски написанного портрета, если им повезет попасть в его особняк. А жена, беззубая старуха, ответит им: «Этот дурак гнался за богатством, а достигнув его, захирел, поскольку не знал, что предпринять дальше и какой смысл во всем его существовании». До сего момента его поддерживала Марианна, но, кто знает, быть может, все в прошлом. Кто был тот представительного вида хлыщ, снующий возле нее на балконе? Он, кажется, принес ей программку?

Крисницкого кольнула ревность. Он нетерпеливо покосился на сцену и фыркнул. Тоня с удивлением и неммым укором глянула на него, но рассудила, что узнать причуды и темные стороны мужа времени у нее будет предостаточно, а вот выяснить, мальчик ли исполняет партию Вани (голос так тонок!) иной возможности не представится. Неприятно будет вспоминать этот промах и досадовать на то, что Мишель (в мыслях она звала мужа именно так, а в непосредственном обращении предпочитала вовсе уходить от имени, считая «Мишеля» неподобающим его возрасту и положению, а «Михаила Семеновича» высокомерным) не вовремя начал вести себя глупо. От отца она наслышана была о его странностях и мудро решила не афишировать свою осведомленность, пока не станет неспособна.

Эта девочка несмотря на свою угловатость во взглядах и полное отсутствие опыта предугадывала последствия того или иного шага и, подозревая, как рассмешила бы собравшихся, чувствовала себя умудренной и всесильной, всерьез полагая, что мужа тревожить по пустякам не стоит. Впрочем, быть может, как раз она, а не все собравшиеся, считающие себя столпами, только и умела жить, получая от каждого дня искреннее удовольствие и без страха, а даже с каким-то сладостным трепетом ожидая от будущего больших свершений. Быть может, кому-то показалось забавным, с каким спокойствием юная девушка (ведь все убеждены, что опыт и мудрость могут прийти только с возрастом, а в молодости вести себя осмысленно неестественно и смешно), держала себя рядом с человеком почти вдвое старше ее. Но, кто знает, не лучше ли на заре жизни проявить благоразумие и, пусть это нелепо при желании открыть мир заново, учиться мудрости, не повторяя ошибок других, чем потом собирать осколки и в немой тоске гадать, где треснуло счастье?

В перерыве Крисницкий, терзаясь не слишком приятными думами, прихватил Тоню за локоть и бросился искать Марианну.

Она, словно статуя в современной интерпретации, стояла у окна и зачарованно смотрела на черную улицу. Временами по пустым мостовым прокатывалась, грохоча, карета, изредка пробежал посыльный мальчишка с поручением. Марианна замедленно размышляла, с какой странностью переплетаются человеческие судьбы и как красочно разгораются огоньки под ловкой рукой фонарщика. В голове ее проносились сумбурные не связанные обрывки мыслей, чувств и фраз, лишая ощущения времени и принося странное, спокойное облегчение натруженным думам. Она не была несчастна, не завидовала, зная, что Он здесь с молодой женой, а та поистине хороша в светлом платье, пусть и выглядит напуганной. Нет, Марианна испытывала недоумение и легкую жалость, граничащую с тоской, потому что нигде не чувствовала себя в кругу любящих друзей. Возможно, она сама препятствовала этому какой-то своей внутренней преградой перед живыми существами, ведь везде и всегда, даже в амплуа нарушающей приличия актрисы возможно отыскать таких же, как сама, вольнодумцев. Но она была слишком пассивна для того, чтобы ревностно звать там, где их, возможно, и не было, и не будет. Не всем везло с окружением. . . Коллеги по театру считали Веденину заносчивой и медлительной, немало завидуя ее успехам, сама она считала их кричащими, хоть и признавала, что кое-кто из них, наиболее самовлюбленные, талантливы и многое могут сказать языком жеста и мимики. Но. . . Все не то! Она рвется к идеалу и понимает при этом, что никто никогда не

сможет даже приблизиться к нему. Те, кто растворяется в служении людям, теряют личность и становятся безликими орудиями чужих или своих идей. Куда ее занесли раздумья? Марианна невесело усмехнулась и повернулась к лениво бредущему потоку зрителей, обсуждающих творение Глинки и удачно обходя все, что хоть отдаленно походило на анализ или порицание.

Жизнь никогда не казалась Марианне бесконечной чередой меланхолии или безудержной радости. Даже счастье, которое она урывками получала, оказывалось быстротечным. Веденина соглашалась с Пушкиным в том, что это только несколько мгновений, которые придают жизни смысл. Если человек не счастлив ни на йоту, ни на миг, его существование ничем не оправдано. После нескольких дней, проведенных вместе в разъездах или в ограждающих стенах, Марианна, расставаясь с Крисницким, чувствовала едва ли не облегчение. Она не понимала, откуда это возникало и куда в результате уходило, ведь все равно скучала и ликовала, когда Михаил вновь оказывался рядом. Он отравлял ее существование благополучием, безудержностью, легкостью к тому, что так пугало ее – мнению окружающих, хоть она и старалась обуздать это или замаскировать за свободой взглядов, делал ее личный мир уютным.

Обычно, в лучшие времена, когда не предполагала, что настолько завязнет в чувствах, Марианна смеялась, беспечно приподнимая голову, спорила с мужчинами о назначении женщин в искусстве и жизни, коллекционировала подарки поклонников, никого не обнадеживая, и жила, творила... Что же теперь, неужели она, как и все человечество, заразилась болезнью? Для нее навсегда осталось загадкой, как Крисницкий сумел так глубоко впасть в душу и склонить к тому, что считалось вопиющим в законах знати. И она совсем не могла сказать, что ей это нравилось. С самого начала, как теперь казалось, она знала, что у них нет будущего, почему же еще тогда не распутала узел? Да, ей было отраднее с ним – лучше, чем с любым другим человеком, но разве этого достаточно для того, чтобы испытывать потом всю эту боль?

Она вовремя встряхнула оцепенение, поскольку заметила Сергея Лиговского, неуклюже направляющегося в ее сторону. Марианна была расположена к этому широкому большому человеку, поскольку чувствовала в нем что-то родное, стихийное. Обнаженную искренность, которую он даже не имел лукавства скрывать. Многие, впрочем, путали ее с удалством и едва ли не распутством, но Марианна понимала, насколько опасно мыслить так, как это делает большинство, поддаваясь предубеждению. Зачастую в детстве, наслушавшись мнений матери о господах, посещавших их дом, она недоумевала, отчего все так и почему эти чудесные обходительные люди кажутся матери недостойными. Повзрослев, Веденина поняла, из чего мать составляла свое видение и начала разделять его, ведь ей открылись многие закрытые по молодости двери. Но до сих пор она опасалась судить строго, испытывая при позывах к подобным мнениям почти отвращение. Поэтому никогда не была своей среди тех, чье основное занятие состояло в становлении себя выше окружающих путем завуалированного обсуждения всех, кто по каким-то параметрам не дотягивал до того, чтобы называться равным.

И с Лиговским ее познакомил Крисницкий... Марианна дернулась, пытаясь отогнать неприятную мысль. В последнее время она словно лишена самостоятельности и пространства для поисков себя. Она заточена в прошлом, вспоминая, что любил Михаил, как реагировал на то-то, почему не терпел того-то. А еще говорят, что роман способен принести вдохновение. Вздор! Все, все воспоминания за тот год, что делят их отношения, связаны с ним. И даже знакомством с этим замечательным человеком она обязана любовнику!

– Марианна Анатольевна, вы божественны! – произнес Лиговской сиплым голосом, засмотревшись на безупречные изгибы ее скул. Без налета изящества и самоуверенности, что всегда веселило Марианну и позволяло в какой-то мере испытывать к Сергею частую у женщин снисходительную привязанность и желание оберегать безнадежного ребенка.

Растерянной и мечущейся она казалась патриархальной натуре Лиговского даже притягательнее, чем во времена былой славы самой очаровательной, пусть и ускользающей актрисы. В воображении Лиговского вообще не уживался факт, что она – актриска. Это, по его мнению,

были ущербные создания с непременными ужимками, которые переносили со сцены (какая безвкусица – так кричать и жеманничать, разве в обычной жизни люди ведут себя подобным образом?) грязь и распространяли по земле, как чуму. Но эта женщина стала обнадеживающим исключением, и он восхищался ей, ее пластикой и речами безмерно.

– Сергей Васильевич, поверьте мне, вы первый человек, в устах которого эта фраза не звучит заученно, – с пряной улыбкой ответила Марианна, сдержанно поводя плечами.

Ее всегда удивляло, почему мужчины охотятся на нее, ведь она не кокетничает и не ищет покровителей. Наверное, виной всему репутация актрисы, ведь их считают доступными. А разве не так? Марианна снова подняла плечи для вдоха.

Лиговской заметил печаль, с которой она ответила, и опустил голову. Его щеки с изрядным румянцем, который бывает у молодых людей, когда они только-только входят с холода, сокрушенно опустились.

– Вам нехорошо здесь? – участливо спросил он.

– Мне везде нехорошо... – ответила Марианна, без всякого умысла посмотрев на собеседника жалобно и в то же время независимо, словно прося о помощи, но давая понять, что не допустит унижения.

Почему вдруг разоткровенничалась с ним, что побудило ее, Марианна не понимала. Ее ведь даже не удивило то, что он угадал ее думы. Ей показалось только, что он без снисходительного злорадства, презрения или морализаторства смотрит прямо в глаза, едва заметно кивая в такт ее словам. «Хороший человек, – подумала она, опуская веки, как перед желанным сном. – И почему Миша считает его опасным?» Почему-то она, почти не изучая характер и повадки Лиговского, поняла, что может рассказать ему то, что камнем тянет, и не получит в ответ осуждение и насмешку. Бывает, есть люди, держащие на расстоянии, любезные, но холодные. С ними приятно потолковать об отвлеченном, но души выворачивать и в голову не придет. Бывает же, как сейчас, неуловимая интуитивная тяга.

Лиговскому эта красавица, которую многие золотовладельцы жаждали видеть украшением своих салонов и спален, прежде цветущая и неуловимая, показалась изнуренной. Он догадывался о причине столь резкой перемены, но тактично молчал.

– Марианна Анатольевна, – прервал их знакомый голос, правда, на этот раз без самодовольства, – позвольте представить вам мою жену.

Марианна быстро повернулась и лицом к лицу столкнулась с Антониной.

12

Госпожа Крисницкая едва не охнула, восхищенно исследуя черты неожиданной знакомой. Чуть смугловатая чистая кожа с небольшой родинкой на щеке. Волосы цвета меда, вроде бы, почти рыжие (при таком освещении не разберешь) изящно посажены на высокий гордый лоб. Нос вполне приличный для таких пропорций, не маленький и тоненький, но ей подходит. Волевые пухлые, но не огромные губы. Мудрый, даже всезнающий, но не всепоглощающе добрый, как у старых женщин, проделавших достойный путь, а пронзительный свет выразительных голубых глаз. Тонкие плавные линии исполненного достоинства лица, осведомленные, что все это красиво и нравится другим. И в то же время... Как будто она и не счастлива, что родилась такой, или, по крайней мере, не считает это главным достижением жизни! Впрочем, догадки относительно того, что Марианна чем-то недовольна, родились в Тоне намного позже. Пока что она оглядывала актрису с немым одобрением. Профессия Ведениной щекотала фантазию, ведь Тоня пока не видела живых служительниц Мельпомены так близко. Интересно, правда ли, что мужчины из приличных семейств не берут их в жены? Ну, тогда они просто сумасшедшие! Как Марианна изящна, тиха и... Замкнута, к несчастью. Ничем не волнуется ее грудь, как будто ветер недовольства или сомнения не касается совершенства.

В головке Тони не укладывалась жужжащая мысль, почему. Почему все не иначе, почему в окружающих людях столько условностей и ограничений. Почему, если им нравится эта поэтичная молодая женщина, они не спешат записывать ее в круг избранных, но охотно исследуют, точно заморский цветок.

– Поздравляю вас, Михаил Семенович, ваша жена – удачное приобретение, – произнесла Марианна приличествующую случаю фразу, бесстрастно глядя на Крисницкого, беззастенчиво любующегося ей и начисто забывшего о жене, опершейся на его руку и перебрасывающейся общими фразами с Лиговским.

Им было о чем потолковать, ведь Сергей Васильевич знал воспитанницу друга с пеленок, но возрастной рубеж и неразговорчивость Лиговского заставляли Тоню чувствовать себя неловко.

Услышав о «приобретении», Крисницкий нахмурился, но конфликтовать не посчитал возможным и поспешил вставить в нить разговора что-то об опере.

– Глинка не так уж хорош, если отбросить мишуру, связанную с его первооткрывательством.

И прочее в том же оригинальном роде. Уж в чем, а в заезженности формулировок Михаила невозможно было упрекнуть.

Марианна не пыталась, как хищник, зорко следить за каждым промахом соперницы, хотя заметила, что та с интересом слушает мужа, но не открывает восхищенно рот, впитывая и одобряя каждое его слово. Это показалось удивительным и даже похвальным, потому что сама она частенько оказывалась на крючке распространений тех, кого считала мудрецами. «Естественно, по-моему, юной девушке благоговеть перед взрослым мужем, если он хорош собой и самодостаточен», – мелькнуло в голове Марианны. Смутные надежды Ведениной относительно несостоятельности молодой жены рушились, а она лишь апатично взирала на это, не чувствуя даже злости. Да, потом, в одиночестве, она будет передумывать эту сцену, сотни раз возвращаясь к диалогу и досадовать, что не вставила приличествующую случаю реплику. А пока она играла роль.

Тоня обратилась к Марианне и сказала что-то сбивчивое, та улыбнулась и, пробормотав вежливый ответ, вновь отстранилась, стараясь не утратить учтивость.

Антонина, понимая, что в данный момент превыше всего поставила бы возможность ближе сойтись с этой удивительной особой, ни на секунду не задумалась, почему муж не спе-

шит возвращаться на места, хоть и боится простуды. И отчего Лиговской так странно смотрит на всех, и, пытаясь шутить, следит за Крисницким, словно не прочь разорвать его в клочья при малейшем промахе? Он, конечно, старался контролировать себя, но Тоня с женской наблюдательностью уловила еле сдерживаемое, стихийное во взгляде честных русских глаз. Неверное, их дела не идут на лад, вот и злятся друг на друга.

Крисницкий с удивлением ловил на себе взор исподлобья и вернулся к старой мысли, что пора кончать соприкосновения с Лиговским. Он, понятно, делец до мозга костей, талантище, но претят уже эти его буйства и... Что за манера всегда резать правду в глаза?! Он так не одну удачную сделку провалил. Не нравятся, мол, чьи-нибудь лживые глазки или то, как новый заказчик пытается отречься от участия в темной аванюре. Если что-то не по Лиговскому, страдают обычно все вокруг. Несносный человек!

Федотов часто с тайным почтением, прикрываемым благосклонным дружелюбием, именвал Лиговского «мужиком», почитая за единственного друга. Пришло время, Тоня поняла, что имел в виду отец. Да, чистейший мужик, неотесанный, душа нараспашку, мысли бушуют, а не вяло тянутся, как в тех, кто частенько прячет их в бездну подсознания. Не чета выдержанному в цельном стиле Мишелю. Лиговской ведь содействовал ее свадьбе. Тоня не могла сказать, что осталась довольна непрозрачным способом, которым мужчины пришли к удобному для них соглашению. Тайные уловки и сговор открылись ей гораздо позже, чем пришли в голову отцу и его другу. Она просто была поставлена перед фактом!

Тоня махнула головой и, созерцая, как толпа сочится обратно в зал, вежливо напомнила собравшимся, что скоро представление продолжится.

Крисницкий, заметно повеселевший, подал одну руку жене, другую Марианне и прошествовал в зал, осыпая то одну, то другую фонтаном комплементов. Тоня не испытала толчок в сердце, не охнула, не подалась вперед, чересчур рьяно обмахиваясь веером. В общем-то, ее гораздо больше занимал выход в свет и боязнь сделать что-то не по канону. А муж... Что сделаешь, эти мужчины всегда занимаются не тем, чем нужно. Если ему нравится находиться подле прекрасной женщины (кому это может быть неприятно?), это его право.

Марианна не выглядела довольной, покидая Лиговского, свирепо оставшегося у окна, но покорила. С задумчивым бешенством он смотрел туда, куда несколько минут назад окунулась женщина, вклинившаяся в его разум и бушующая там несколько месяцев.

Крисницкий открыл Марианне любовь во всепоглощающем смысле этого слова, она знала это и была благодарна новому чувственному миру, познанному ей благодаря ему, преисполнялась тайной значимости оттого, что посвящена во все теперь, что нет для нее белых пятен. Теперь она понимала, как естественно, что этот восхитительный мужчина, лучший из лучших, делает то же самое со своей женой, и ревновала совсем безжизненно, отступая перед неизбежным, стихийным, втайне преклоняясь перед естественностью всего сущего. Одних порывов тела было бесконечно мало для достижения гармонии...

С усталой размякшей Тоней Крисницкий вышел на свежесть петербургской ночи и побрел вдоль заставленных светлыми двухэтажными домами улиц. Тоня, утомившись, попросилась в карету после уговоров мужа. Марианна, не помня себя и топоча легковесными туфельками по чистым улицам центра города Петра, догоняла его, то останавливаясь, то воодушевляясь свежестью вечера и оседающим солнцем в переливах рассеявшихся в розовом киселе неба облаков. Задыхаясь от бега и волнения, от неверия, что решилась на это, она догнала его, и, чувствуя что-то отравляюще шевелящееся в желудке, обняла его мощную спину на безликой остывающей улице. Дрожа от возбуждения и страха, она припала к нему, благодарному и размягченному.

***

Тоня сама пришла в спальню Крисницкого в ту ночь. Он выиграл соблазнение собственной жены, не прилагая к этому особенных усилий, не делая ничего, что проворачивал обычно в дворянском кругу. Не учел только, что восприимчивая Тоня все чувствовала острее, чем умудренные и почти поголовно прошедшие через несчастливый брак барыни. Резкость напугала бы ее и откинула еще дальше, чем они были вначале.

Он обнял ее так, как обнимал уже много раз, но было в этом что-то новое. Теплое дыхание исследовало ее кожу, а шершавый подбородок щекотал гладкую щеку. Надвигающееся, необратимое, что нет уже ни сил, ни желания оттолкнуть, охватывало разум. По шее дрожащей волной разливались поцелуи его прикосновений. Она была оглушена тем, что чувствовала, но не думала убежать. Это было сродни игре, где самый стойкий получит вознаграждение.

Мелодия ее жизни, смеха, запаха, глаз действовали на него, как алкоголь. Сердце Крисницкого вскинулось где-то очень глубоко. Заблудившиеся губы нашли цель и не отпускали ее, пока Тоня, обмякшая, покорная, полностью не подчинилась его воле.

Сердце дергалось в такт прикосновениям. Опускаясь все ниже по податливому телу, он в короткий срок добился многообещающих результатов. Ее увлекло интригующее начало, неразгаданная волна, бросающая в глубины животной сути, обливала Тоню, отчего не было ни сил, ни возможности противиться. Взрослый, он поначалу осторожно относился к Тоне, пытаясь не навредить и не сделать большее, покрывая поцелуями обожженную предвкушением кожу.

Боль, как удар, разлилась по ее телу, быстро уступив место резкому стихающему пощипыванию. Она безропотно приняла бы это и раньше, да он сам препятствовал. Хотя реальность оттолкнула прежний налет фантазии и приукрашивания в этом вопросе. Сначала он пожалел ее, попытался проникнуть в ее существо и понять, каково молодой девушке терпеть в своей постели почти чужого человека. И не просто терпеть, но и потакать его прихотям. Крисницкий понимал, что рано или поздно разбуженная чувственность возьмет верх, и Тоня еще будет благодарна, но сначала лучше подождать. И прав ведь оказался! Теперь она, благодарная, нежная, повернется на подушке и, направив его руку обхватить себя за плечи, уснет. Невыразимое раньше тихое ощущение зыбкого счастья здесь, рядом с ним, зальет все ее существо.

Упоение обладанием и податливостью обеих его женщин здорово кружили Крисницкому голову. Он – вершитель.

13

Марианна неохотно приподнялась с постели, чтобы зажечь свечу. Придавив локтем длинные волосы, спущенные на простыни, она зашипела и со злостью откинулась на спину. В преддверии сумерек атмосфера комнаты казалась загадочной, хотя, возможно, так чудилось только ей, любительнице всего нераспознанного и мистического. Нужно было одеваться и ехать на спектакль, но не хотелось выходить из спасительных стен.

Уедет она. Надо уехать, чтобы не тянуть и дальше ляжку недосказанности, лжи и порока. Теперь опутывающие ее сети стали слишком мучительны, ведь затрагивались не только их чувства, но и благополучие этой девочки, его жены. Почему ее образ только теперь начал мучить Марианну?

Михаил примчался к ней вскоре после злосчастливого вечера в опере, после немых объятий в рассеивающихся потемках. Если она и хотела увидеть новоявленных Криницких, то только чтобы удостовериться в их благополучии и мирно отойти в сторону. Представить же, что вся эта оказия вновь закрутится, она не могла, не смела предположить, как слаба перед вспышками счастья, что ей дарил этот человек, едва ли думающий, что она чувствует, оставаясь одна. Конечно, она не говорила, была слишком горда, но так ли сложно читать по глазам? Да он просто не хотел, отгонял тревожных пташек. И странно было то, что она все ему прощала, покрывала самые нелицеприятные черты его личности.

– Я хотя бы не прикрываюсь заботой о рабочих, не лукавлю, пытаюсь свои мерзкие делишки замаскировать под долг и милосердие, – сказал Михаил вчера, когда разговор коснулся Сергея Лиговского и его принципов. Только Марианне Крисницкий способен был говорить такое, потому что она не падала в обморок от его откровений. Перед Тоней поневоле приходилось быть более собранным. – Цель у всех одна – нажива. Я хоть не пытаюсь свое нутро выставлять в выгодном свете и обманывать себя. Якобы я так добр. Так, верно, судит Лиговской?

Марианна не знала, что думать насчет этих двоих. Крисницкий все делал для слаженности, любил, когда все хорошо и в порядке. Но причиной всего, даже заботы, было не милосердие, а потребность во власти, влиянии и деньгах. Ради чего всегда все затевается. Сергей Васильевич же, она понимала, был несколько иным, хоть Крисницкий и не верил в его благодушные мотивы.

– И упиваешься тем, что признаешь это и открыто кричишь, – лишь сказала она.

– Почему нет? – с удовольствием засмеялся Крисницкий.

Ее пронзили его бодрость, крепость, благоденствие... В контрасте с ней самой. «Почему не могу стряхнуть тебя? Признавая твои недостатки, твое обаятельное легкое двуличие, приспособленство? Видя тебя со всех ракурсов», – думала Марианна, но молчала. Ее пленяла его прямота, то, что он так уверен в своей правоте. И, право же, в нем действительно не было мерзости, свойственной двуличию, отталкивающей...

И снова Тоня незримо вставала между ними. Не то чтобы Веденину мучила совесть... Если девчонка не способна разбудить страсть в собственном муже, это ее недостатки, но... Марианна осеклась. Как ни старалась она сделать вид, что нечему ей стыдиться, не выходило. Веденина, хоть и испытывала боль и, принимая во внимание врожденную тактичность и даже пассивность, окрашенную убеждением, что о подобных вещах не следует распространяться, негодование, которое в ней выражалось в громкоголосии и нервозности, быстро смирилась со своим новым положением, хотя и не предугадывала его. «Пока он хочет видеть меня рядом, я буду», – таков был ее давний вердикт на сей счет.

После спектакля, по обыкновению встреченного овациями, подбадривающими вскриками и благоухающими букетами, Марианна, откланявшись, скоро прошла в гримерную сни-

мать образ. Зачастую она не стряхивала с себя кожу персонажа намеренно, потому что его боль и слезы казались ей легче и поэтичнее ее собственных несуразностей.

Красная обивка кресел, волнение перед выходом на сцену и перед зрителем, особое праздничное подрагивание перед началом и радость, детская беспричинная радость, разжигаемая даже от парадности костюма, от события, не покидали Марианну в театре, являлись ее вечными спутниками в полутеплых залах.

Задворки театра всегда пахли особенно, отлично от основного помещения – то ли деревом, то ли дорогими коврами, устланными по впечатляющим лестницам, то ли пылью сцены. Каждому месту на земле присущ свой неповторимый аромат. За кулисами, за занавесом еще и царил особый беспорядок действия, становления. Зачастую Марианна вспоминала, где находится и предавалась творчеству только под действием запахов, звуков и одухотворенных лиц, блуждающих в потемках по коридорам и настороженно улыбающихся ей, потревожившей их благодатный покой. Труд лечил, она знала это. Но все равно всякий раз, в сценическом облачении ступая на сцену, она думала, не сделать ли этот раз последним, не предпочесть ли независимость счастью материнства. Впервые за долгое время она не чувствовала, что единственное ее предназначение – служение театру.

Нежданно за кулисы, презрев пересуды, пробрался Лиговской. Преподнеся Ведениной соблазнительный букет, он сел возле будуара Марианны и, не озираясь, дал понять, что плевать ему на косые взгляды оставшихся в гримерной лицедеек. «Лучше уберите сами», – говорили его глаза. Ему к лицу был смольно-черный фрак. Марианна не могла не отметить, что одет он оказался тщательнее вечера в опере. «Бог мой, он даже перчатки надел», – против задумки Марианна улыбнулась и, опустив занесенную с гребнем руку, любезно предложила гостю остаться. Ей было одиноко без уехавшей повидать родных Варвары, единственного друга в этом болоте лжи и фальши, когда призвание становится вторым я.

За увлекшим разговором она не заметила, что остальные актеры переоделись и разъехались кто куда – к семье или кутить, что было более вероятно. Лиговской, грозно хмурия брови и высказывая суждения искренне, быстро поведал о своих планах по расширению производства, чаяниях и привлечении иностранных мастеров, будто бы подозревая, что его слова не примут за истину.

– Крисницкий, повеса эдакая, взял на вооружение мою недавнюю болтовню и уже вовсю занимается этим. Вот клялся же себе не распускать язык.

Марианна, как обычно при упоминании имени любовника, слегка улыбнулась, втайне опасаясь, что, если не сделает этого, покажет волнение.

Затем, дав собеседнице щедрую возможность высказаться, Лиговской осторожно коснулся ранящей ее темы, касающейся семьи, прошлой и будущей, развязал ей язык и в короткое время получил повесть ее брэнного пути. Не приукрашенную, но местами теряющуюся. Слушал внимательно, изредка вставлял замечания и вглядывался Марианне в глаза так, будто желал изведать всю их суть, а душу вывернуть наизнанку и посмотреть, действительно ли их хозяйка так хороша, как ему показалось вначале. Он и рад был бы понять, что обманывается, но чувствовал, что не найдет доказательств этому, что Марианна стоящая кандидатура для того, чтобы побороться за нее.

Неожиданно Марианна, поймав себя на том, что слишком ярко выражает эмоции, осеклась и вернулась в обычное свое состояние легкой настороженности и поразительной, въедающейся в собеседника пронизательности. Когда Марианна смотрела на Лиговского, ему казалось, что она знает о мире больше его. Это пугало, затягивало.

– Зачастую не актеры берут мимику у людей, а наоборот, – вздохнула Марианна, поясняя перемену в себе его заинтересованному взгляду. – Получается диктатура поведения. И даже образа страданий. А я не хочу выглядеть неестественной в жизни. Так маяться, кричать, как на подмостках, никто в настоящей жизни не может, – слова Марианны, как всегда для Лиговского

и людей, способных понять глубину ее распознавания окружающего, прозвучали убедительно и обезоруживающе. Так что даже те, кто мог и хотел спорить, нехотя брались за это.

– Да, – ответил Лиговской, ведь ему больше нечего было сказать. – Может быть, именно поэтому ваши образы во время игры и в жизни кардинально различаются.

– Вы правы. Я вообще плохо понимаю, почему других так поражает, что я на самом деле простая непритязательная в быту и очень одинокая женщина.

– Быть может, все люди в той или иной мере заложники легенды, что создают себе сами. Утверждают же, что в социуме мы проигрываем множество ипостасей.

– Да-да, – пробормотала Марианна, улыбаясь подтверждению впечатления, что Лиговской вовсе не неотесанный неуч, выносливостью и удачей укоренившийся в богатых кругах, но не молящийся на них, как иные.

– Не понимаю только, почему все благовоспитанные женщины так пассивны? И вы в том числе, что уязвляет меня, – с печальным удивлением изрек Лиговской, следя за ее реакцией.

– Вы находите меня благовоспитанной? – усмехнулась Марианна. «Знает ли, – пронеслось у нее в голове. – Нет, должно быть. Такие ничего дальше носа не видят, не замечают подлости людей. И слава богу, иначе как бы он разочаровался».

Лиговской прекрасно понял, что она имеет в виду, очерняя себя, но виду не подал, продолжая так же прозрачно созерцать актрису.

– Разумеется. Торжество такта, воспитания и душевных качеств.

– А что, по-вашему, воспитание? Подавление естественных наклонностей в пользу угодных родителям, чтобы дети доставляли меньше хлопот. Торжество ограничений, ханжества и скрывшегося за фасадом порока. Так или иначе, все мы пляшем под дудку приличий. Можно негодовать, разрываться, но ничего не поделаешь. А если поделаешь – заплатишься, и жестоко. Так что можно говорить о навязанном законе, но все равно все всегда соблюдают хотя бы видимость закона. Только чувство омерзения не пропадает. И вы, и я – всего лишь дети века, безвольные негодующие созерцатели. Нет у нас ни сил, ни желания переделать мир.

– Слишком дорого переделывальщикам это обходится. вспомните историю. Разве ее изучение не затем нужно, чтобы учиться на ошибках других? Женщины, по моему скромному и субъективному мнению, поскольку я не являюсь ни охотником до прекрасного пола, ни тем более жалким исследователем, способным только насмеяться над слабостями других, не замечая их в себе, обязаны вести себя сдержанно, холодно даже, чтобы не пострадать в силу... природной слабости – чувственности. Вы же буквально жаждете любви, истерически тянетесь к ней.

– А вы что же, нет? – удивилась Марианна. Со всем, что было озвучено до этого, она соглашалась.

– Мы, я думаю, меньше этому подвержены.

– Вздор.

– Может быть, – примирительно склонил голову Лиговской, не желая спорить и портить отношения с Марианной. Он казался сам себе очень мил и легок, да таким и выглядел теперь перед женщиной, на которую хотел произвести впечатление.

– Просто нам пострадать от собственной... как вы выразились «слабости» легче. Поэтому вы правы. Да, вы, наверное, верно подметили и о пассивности. Но это не только нас, дам касается, – протянула Марианна. – Пустословие не удовлетворяет. Писатели все спорят, пишут свои трактаты, а на деле что? Неужели они действительно помогают прогрессу? Сомневаюсь, что крестьяне читают их романы и преисполняются воли к борьбе... Или наоборот – к пассивному восприятию действительности. А те, кто читает, более восхищаются мастерством гениев наших, чем восприятием этого как руководства к действию. Кругом только никчемная болтовня, и нигде, нигде нет действия. Только мы искусством как-то можем влиять или шевелить, но мы не политики. А те нас в яму тащат.

– Это вы про отмену крепостного права?

– Я про его не отмену.

– Бросьте. Со дня на день произойдет. Император с прошлого года спорит со своими. И все больше привилегий, послаблений дворянам. Так что бог знает, что в итоге выйдет из этой похвальной затеи.

– Мало верится, – вздохнула Марианна. – А, если и случится, как это отразится на нас?

– Трудно сказать. Но, думаю, благоприятно. Хотя я промышленник, а не землевладелец, для таких, как я, главное – рабочие. А, если эмансипированные мужики хлынут в город, мне это только на руку. Больше рабочих мест – больше работы.

– Вы не мучаетесь от всего этого? – отчего-то спросила Марианна, надеясь услышать подтверждение, что не она одна страдает от неосязаемого, от того, что, скорее, в воздухе, в отношении.

– От чего именно?

– От давления общества.

Лиговской присвистнул.

– Мучиться... А толку-то? У меня иных забот хватает.

– Вы, верно, удалены от света, поэтому не так ощущаете на себе его гнет?

– Возможно. Но вам он зачем, если вы не миритесь с его установками? Живите себе в уединении. Самый приятный собеседник – вы сами.

– Пассивность, лень. Я уже говорила это. Свет как дурман, понимаете? Он затягивает, и порвать с ним не так просто.

– А вы попробуйте. С вашими наклонностями вам легче станет потом. Жить в честности и ладу с собой – что может быть лучше? Воспитывать детей и любить ближнего.

Марианна задумалась.

– А моя карьера?

– Вам важнее добиться счастья, ведь признание уже есть у вас.

– Но сцена, поклонение... Все это важно для меня.

– А сейчас вы не кажетесь счастливой, хотя еще находитесь в гриме, а пол завален цветами.

– Откуда вы так хорошо меня знаете? – не сдавалась Марианна.

Столь явное участие казалось лестным, но одновременно настораживало. Отчего-то не верилось, что посторонний может заинтересоваться ее внутренними переживаниями. Раньше о них спрашивали только постановщики номеров и спектаклей. Лиговской, разумеется, не думал признаваться, что добывал сведения у знакомых.

– Я обладаю скрытым даром, – отшутился он, разом помрачнев.

Он знал, что любому человеку прежде всего интересны разговоры о нем самом и охотно пользовался этим почти без корысти. И, конечно, отрадно было говорить о Марианне, точно Христу о деве Марии.

Они еще долго проговорили в тот вечер. Марианна рассталась с Лиговским с ощущением, что хочет продолжения знакомства и легким спутанным недоумением, граничащим с просветлением.

14

Марианна Веденина не терпела двуличия, но вынуждена была прикрываться именно им, когда при втором свидании, так же случайно, Антонина Крисницкая с воздушной улыбкой обожания окликнула актрису. Кажется, девушка выбирала какие-то ткани, Марианна заскочила за готовым платьем.

– Марианна Анатольевна, – воскликнула докучливая знакомая, – как я рада, что встретила вас!

Марианна, относящаяся к девушке с некоторым предубеждением, хоть и старалась мыслить здраво, неохотно обернулась и без улыбки остановилась.

– Антонина Николаевна, что за приятная неожиданность! – произнесла она и направилась к выходу.

Тоне это показалось неучтивым, но она, несколько не робея перед представительницами своего пола, пустилась за актрисой. По дороге к Александровскому театру, которую выбрала Марианна, Тоня пыталась занять ее рассказом о своей любви к сиреневому цветку, рассуждениями о пьесе «Горе от ума» и вкрадчивыми расхваливаниями самой Марианны.

– Да-да, вы совершенно правы, Антонина Николаевна, социальной критики Грибоедову не занимать, – сухо пресекла Марианна поток восторга спутницы и демонстративно замолчала.

Иного способа отвести Антонину, чем откровенное пренебрежение, Веденина не видела. Что, если эта девочка вздумает сделаться ее подругой? Тогда уж лавина лицемерия пересечет все мыслимые границы, а она и так чувствует себя ужасно. Тоня непременно понравилась бы Марианне, если бы не существенная деталь – влюбленность в ее мужа.

– Марианна Анатольевна, – неуверенно попыталась продолжить Тоня тонуший разговор, когда они свернули на Невский проспект, – не будете вы любезны навестить нас? Мы с мужем устраиваем небольшой прием и будем рады...

Марианну передернуло. Как ненавистно врать, будь проклят Крисницкий, если он даже эту чистую душу не бережет! Она хотела спросить, имеет ли отношение к приглашению сам хозяин дома, но рассудила, что едва ли Тоня стала преследовать ее по чужому указу.

– Сожалею, Антонина Николаевна, я работаю над новой ролью, так что совершенно не располагаю свободным временем. Прошу простить меня.

С этими словами она подозвала карету и распрощалась, заботясь лишь о том, чтобы быстрее скрыться. Ей нестерпима была мысль, что может подружиться с Тоней и испытать еще большее унижение. Нет, пусть лучше та считает ее самой заносчивой женщиной Петербурга!

Тоня в растерянности проводила карету взмахом ладони.

Вечером Михаил и Антонина по обыкновению обедали вдвоем. Тоня всегда находила темы для бесед, что нравилось Крисницкому, особенно в контрасте с молчаливой Марианной, существующей как бы вне мира, а не в нем. Он охотно позволял жене рассказывать содержание прочитанных романов, делиться впечатлениями о людях, у которых та бывала теперь. Она стала меньше сторониться его, охотно позволяла брать себя за талию и шептать что-то на ухо. Во время подобных действий Тоня чувствовала прилив тепла к груди и любовалась ненавязчивой мужественностью Михаила, его выправкой и умением со вкусом подбирать себе одежду. Ей нравилось даже то, как вздуваются жилы на его массивной шее, если он был напряжен. Дальше прикосновений Крисницкий не шел, что уже начинало настораживать. Осторожность осторожностью, но они как – никак повенчаны... Возможно, размышляла Тоня, он ждет одобрения, но как выразить его, чтобы не показаться грубой, не знала, а вообще не хотела навязываться. И, тем более, так ли уж непонятно, что он давно не наводит на нее страх?

– Как вам понравился вчерашний вечер у Исуминых? – спросил Крисницкий, вспоминая жесткую рыбу и назойливых меньших дочерей, не дающих прохода никому из гостей и бесцельно потешающихся над собственным братом – молчуном.

Тоня вскинула на него глаза. В вечернем свете они казались трогательными и светло-карими. Право же, то ли так действовал на молодой организм промозглый столичный воздух (даже теперь, золотой осенью, частенько льют дожди, а солнце не показывается неделями), то ли... Да как же возможно, чтобы человеку на пользу пошла сырость? Нет, она определенно стала краше. И как возможно, что сначала она вовсе не показалась ему истинно красивой?

– Мне пришлось по душе у них. Графиня так старалась развеселить меня, а потом даже показала открытки, что ей посылает старший сын.

– А вам не приходило в голову, что она не пыталась занять вас, а пыталась лишь похвалиться заботливым отпрыском?

– Нет... – протянула Тоня в замешательстве.

– И не показались кричащими манеры дочерей?

– Я, право... – Тоня осеклась, как будто обиделась, поняв, к чему клонит Михаил. – Возможно, они несовершенно, но кто смеет похвастаться тем, что нигде не запятнал себя?

Крисницкий остановил на полпути руку с белеющей в ней салфеткой и слабо, с интересом улыбнулся, словно обдумывая ее слова. Возможно ли бы такой близорукой? Или она попросту не желает разбить мир, что создала себе сама, тщательно прикрываясь добротой по отношению к окружающим? А, быть может, ее мало заботят их поступки... Она ведь что-то вроде поэта. Беда с этой Тоней. Интересно, как бы она отнеслась, если бы узнала? Ведь рано или поздно ей все равно донесут. Оправдывала бы его или вышла из этой неестественной любви к окружающим, разозлившись, наконец, по-настоящему? Тогда, возможно, она станет тем, чем он хочет ее видеть – непосредственностью. А эта ангельская кротость... Право же, начинает надоедать.

– Вам не кажется, что общество слишком жестко к девицам? Если вы дружелюбны, вас обязательно обзовут кокеткой, если скромны, будете считаться угрюмой, а в перспективе останетесь старой девой. Ведь хуже клейма в нашем обществе и не придумаешь! – дал ей предмет для размышлений Михаил, одновременно пытаясь хоть чем-то вызвать ее досаду (ведь сам частенько пропадал в беспричинной апатии) и возвращаясь мыслями к тому, что наглеца Ивашова, одного из управляющих, стоит рассчитать. Слишком много стал позволять себе, да недавно обронил – негоже, мол, владельцу большого дела вовсе жениться, не на пользу. Нет, каков финт! Да как он смеет?!

– Я ничего такого не думала... – онемела Тоня и добавила, поразмыслив. – Мне не доводилось испытывать на себе чье-то пренебрежение или злословие.

– Но должна же ты негодовать, что тебе не дают столько прав, сколько дали бы, будь ты мужчиной! – не сдержался Крисницкий.

– Но это естественно! – в свою очередь сорвалась Тоня. Ее начинал настораживать этот допрос. Зачем он так выпытывает ее пристрастия? Не иначе, вспомнил, как снисходил к ней в имени отца и нынче хочет посмеяться. – Все мы в обществе, в жизни и даже в мыслях играем раз и навсегда отведенные роли. И что теперь, раз я не могу пойти на флот, мне рвать на себе волосы и проклинать несправедливость господ?!

Вот это новости, так она вспылчива! Что ж, вытягивать из нее эмоции не менее интересно, чем демонстрировать. Михаил внутренне потер руки.

– Раз все решено, и бороться не стоит? – ехидно спросил он, возвращаясь к манипуляциям с вилкой. В последнее время он не чувствовал тяги к кушаньям, безразлично отщипывая крошечные кусочки от запеченного мяса.

– Мне кажется, все не так плохо... Вы драматизируете, – рассудила Тоня, успокаиваясь. – Да, мы живем в более тесных рамках, но лишь потому, что больше рискуем. Вам свою жизнь искалечить гораздо сложнее. Поэтому для девиц правила жестче. Это для нашей же безопас-

ности. А все другие, стесняющие, правила пляшут от этого. Хотя, не спорю, порой они доходят до абсурда.

Да, все это правильно, но она ушла ответа! Возможно, ей просто нечего сказать.

– Вы разве не слышали о жутких историях с соблазнами, побегами и испорченной репутацией? – притворно изумился Михаил, подмазывая масла на хлеб. – Вот уж не думал! Мне казалось, молодые девицы жадно ловят такие сочные подробности.

Тоня порозовела. Если ее и волновали подобные эпизоды, это не значит, что об этом прилично говорить открыто.

– У меня не было закадычной подруги. В детстве я очень привязалась к одной девочке, но ее родители стояли ниже нас по классу... И отец воспротивился нашему общению.

– Вот как? – с удивлением спросил Крисницкий, отвлекаясь от газеты, куда поглядывал в промежутках между захватами кусочков спелого хрустящего хлеба. – Не думал, что он вам что-то запрещал.

– Да, – вздохнула Тоня, очевидно, вспоминая не очень приятный эпизод детства. – Конечно, есть еще Палаша, но она крестьянка и считаться не может...

– Так как же Федотов позволил вам водиться с крестьянкой? – удивился Михаил.

– Я так рыдала в тот раз, что теперь он опасается запрещать мне что-то.

– А, понимаю, – улыбнулся Михаил.

При улыбке лицо его всегда становилось открытым, близким, и Тоня в последнее время ловила себя на мысли, что хочет поцеловать его в такие мгновения.

– А вы дружили с кем-нибудь? – спросила Тоня, оторвав взгляд от зубов Мишеля. – Насколько я понимаю, сейчас вы не имеете друзей. А все эти люди, что появляются здесь и так скоро уходят... Зачем они, ведь вам не весело с ними?

– Тоня, – Крисницкий позволял себе звать жену по имени, – не все так просто, как вы воображаете. Я прошел определенный путь, этапы, если хотите, чтобы это не звучало заученно... У меня, конечно, были друзья, но все они рассеялись по пути. А я был слишком честолюбив, чтобы обращать внимание на что-то, кроме благополучия своей цели.

– Цели... стать владельцем обширного состояния? – не вытерпела Тоня, и губы ее произвольно разбежались в недоброй улыбке.

– Да. Не будь у меня состояния, не ели бы вы нынче на серебре.

«Тогда бы я вовсе не вышла за тебя», – подумала Тоня и не смогла решить, досадно бы это было или приятно.

А Крисницкий продолжал:

– И я не жалею ни о потерянных друзьях, оставшихся прозябать в захолустном городишке, ни о неудавшихся влюбленностях... Да и что они в том возрасте? Жениться нужно, только когда твердо стоишь на ногах. Истины более прописной не сыщешь, но ничего умнее человечество не придумало.

– Значит, – напряглась Тоня и с любопытством воззрилась на мужа, такого далекого и странного, – вы любите?

Ей это отчего-то показалось странным. С невесть откуда взявшимся скептицизмом и покорностью судьбе, несмотря на то, что недавно еще ждала неземной любви и откровений Льва, затем послушала семью и примирилась со своей участью она думала о любви, способной родиться в душе человека, сидящего напротив. Теперь, когда волна первого восхищения столицей спала, она начинала скучать по дому и тяготилась одиночеством, отчего постоянно пропадала в магазинах и выискивала новых друзей, избрав целью своих происков Марианну. Она была несобранна, мечтательна, не приспособлена к миру, но абсолютно точно знала, что ей нужно и чувствовала, когда надо хватать. И, схватившись за Михаила, до последнего не веря, что все свершится, она не жалела ни о чем. Но теперь, сотворив свое главное в глазах челове-

чества предназначение, она не понимала, что делать дальше и не верила, что такое положение навсегда. Как и раньше, она ждала милостей от будущего и мирилась с настоящим.

Крисницкий усмехнулся, потом помрачнел.

– Я и сам не знаю...

Наступило молчание, которое Тоня не спешила развеять. Ей внезапно подумалось, что он мог проявлять больше учтивости и заботы о ней не только когда находился в хорошем расположении духа или на выезде. В первые дни после свадьбы Крисницкий казался внимательным, а теперь всегда или занят, или угрюм, хоть и прикрывается острословием.

– Тоня, – внезапно нарушил тишину Крисницкий, – хотели бы вы вернуться домой?

Глаза Тони ожили, улыбнувшись.

– Конечно!

– Так, быть может, вы проведете несколько недель в деревне? Я в ближайшее время буду занят и не смогу сопровождать вас на приемы... Вам это не будет интересно. Не волнуйтесь, я очень скоро вернусь и продолжу ваше образование.

– С удовольствием. И не нужны мне больше ваши приемы! Сначала это забавно, но... Мне не нравятся люди, которых мне представляют. От них веет чем-то... Как от перебродившего винограда, когда делают вино, понимаете?

– Хмелем?

– Да нет же, – Тоня, недовольная, что ее сравнение не поняли, заерзала на стуле. – Они не свежие, не натуральные! Считают себя привилегированными...

– Хорошо, хорошо, – смягчился Крисницкий. – Так утром я велю собрать ваши вещи.

– Я и сама могу велеть... – замялась Тоня. – Я ведь некоторым образом хозяйка здесь...

Она подняла голову, опасаясь, что он сочтет это нахальным.

– Вы, безусловно, правы, Антонина Николаевна. И, прошу вас, не ведите себя здесь, как в гостях, а со мной, как с чужим. Это представление затянулось.

Тоня кивнула, пожав плечами.

На нее невозможно сердиться, она так мила. Но нет, уж если он и подлец, то не настолько, чтобы от одной прыгать к другой. Не чета эта тихоня современным девицам, толкующим о своих правах, сплывающим в непонятного назначения общества (видно, чтобы придать себе значительности или потратить на что-то жизнь, замужество ведь они отвергают) и прокатывающимся в колясках без сопровождения. Федотова, приметь он такое, непременно хватил бы удар.

И почему люди, живые мыслящие люди, становятся такими? Неужели сам этот Федотов никогда не любил, не совершал глупости? Почему все эти «добропорядочные» люди как огня сторонятся скандальности, а, проще говоря, свободы? Потому ли, что это подорвет их отточенное существование или просто оттого, что им... завидно, если кто-то пойдет на поводу у чувств? Ведь порок, если о нем не говорят, никуда все равно не исчезнет, а только глубже запрядется в благоуханные ткани, так что его еще сложнее будет искоренить. И что порочного в его отношении к Марианне, если ею он истинно дорожит? Не является ли большим грехом союз без чувств? Эх, ему уже четвертый десяток, а иногда, забыв о привычке не принимать это близко к сердцу, Крисницкий, как юнец, рассуждает о справедливости... Михаил хмыкнул и закрыл лоб ладонью.

С намерением пожелать жене доброй ночи Крисницкий велел убирать со стола, с легкостью поднялся и, подойдя к замеревшей Тоне, коснулся ее руки, посмотрел в знакомые глаза проникновенно – понимающе, почти жалобно, поцеловал запястье и отправился к себе, шептав напоследок:

– Прощай.

Тоне хотелось в ответ прикоснуться к нему, почувствовать под пальцами его теплые волосы.

15

Приехав домой, после первых восхищенных поздравлений Тоня заметила ласковую горечь в глазах Надежды Алексеевны. Позже она поймала себя на мысли, что Федотов тщательно обходит в беседах все, что хоть отдаленно может ссылаться на ее частную жизнь с Крисницким. Он невероятно много расспрашивал о столице, некстати вставлял замечания, из которых ясно следовало, что и он в молодости «блистал» и прочие приятные мелочи, которые не имеют никакого значения для слушателей, но обладают тайным магическим смыслом в понимании поведывающего их. Но ни разу отец даже туманно не сослался на мужа, будто его и не было.

Да и самой Тоне было неловко, как будто тем, что стала частью другой семьи, она потеряла право называться воспитанницей Федотова и быть желанной гостьей в его усадьбе. И раньше она не могла похвастаться тем, что наизнанку знала людей, живущих с ней бок о бок, а теперь и подавно. Она запиралась в бывшей своей опочивальне и непрестанно рисовала, гуляла и играла на фортепьяно. В это время Федотов мучился невысказанными словами, но покорно сидел в комнатке Надежды Алексеевны и помогал ей распутывать пряжу. Вместе они долго обсуждали вкусы Тони, ее наряды и поведение, но не могли подняться к ней и порассуждать об этом с ней самой. Откуда пошел этот обычай замалчивать главное, никто сказать не был в силах.

Почти сразу же Тоня огорошена оказалась известием о скоропалительной свадьбе Палаша. Но ни повидать подругу, ни расспросить о ней госпоже Крисницкой не удалось.

– Ты расцвела после свадьбы, радость моя, – обмолвился Федотов на одном из неспешных деревенских завтраков с яйцами всмятку и горячей кашей, от которой Тоня всегда чувствовала приступы тошноты. – Не то, что твоя матушка. Та начала чахнуть замужем...

Федотов спохватился позже, чем увидел разгоревшееся интересом личико Тони. Она замерла, почти перестав дышать. Совсем недавно от одного неприятного знакомого Тоня получила сведения, что ее мать подговорила любовника убить мужа и от великой любви поехала с ним, бросив дочь на произвол судьбы.

Однако быстро поняв, что продолжения многообещающего вступления Федотова не последует, она поджала кончики рта и уставилась в крошечную кофейную чашку. Опекун никогда не говорил со своей воспитанницей о ее происхождении, ограничиваясь лишь завуалированными намеками. Тоня уже устала брыкаться и мучить себя домыслами.

– В высших кругах могут шептаться, что она незаконнорожденная, – сказал однажды Федотов Лиговскому, не скрывая опасения в том, что честолюбец Крисницкий откажется связываться с ней.

– Какие могут быть сомнения, если рождена она в законном браке? – удивился Лиговской, почитая это дело решенным и размышляя, даст ли оно всходы, на которые он так надеялся. – Внешние приличия соблюдены. И состояние Литвинова полагается ей, несмотря на козни братца. Уж твоя жена и мои юристы позаботились об этом. Этот идиот не может помешать нам. Так что спи спокойно, Крисницкий не откажется.

– Да, но Тоня может отказаться. Я что ли не хочу для нее определившегося будущего? – в сотый раз вздохнул Федотов, на что Лиговской лишь пожал плечами.

Федотов продолжал молчать, ерзая на стуле и тужась не наговорить лишнего. Он знал наверняка, что Антонина не удержится от расспросов и окольных путей разъяснений. Ну что за желание все всегда знать?! Особенно то, что знать не положено, особенно понимая, как этого не хочет он! Неблагодарная девчонка, сколько он сделал для нее, могла бы проявить уважение, и...

– Мама не была счастлива в браке с моим отцом, поэтому у меня нет нормальной семьи? – спросила Тоня напрямик.

– Душа моя, ты же знаешь...

– Папа! – вскричала Тоня, приподнимаясь с обитого зеленой тканью стула и, опираясь на стол локтями, нетерпеливо взирая на Федотова. – Я уже замужем, я взрослая, можешь ты, наконец, рассказать мне все?! Так или иначе я узнаю, так лучше от тебя. В свете много словоохотливых...

– Ну, нет, дорогая, – усмехнулся Федотов. – Они и сами ничего толком не знают, могут лишь сплетничать. Как было все на самом деле, осталось погребенным в семье, и это верно. И многие, кто знал, непосредственные участники событий, почили. Остальные будут молчать.

– Что за невыносимая привычка создавать вокруг себя тайны! Не была же она, в самом деле, публичной женщиной!

– Как ты смеешь говорить такое о своей матери!

– Так почему, папа, ну почему?! Ты сам не хуже меня знаешь, что, если запрещать, человек сделает это в сто раз быстрее!

Тонино сердечко терзалось тайной. Тайной тем более невыносимой, что ее, считая слишком ранимой, ограждали от правды. Как нестерпимо, когда тебя мнят недозревшей! На самом же деле Тоня знала, насколько она умна и сильна. Правда, в непредвиденных ситуациях часто забывала об этом, чувствуя себя лишней, мучаясь вдобавок из-за застенчивости и безынициативности. Она каждое утро давала себе слово, что будет более открытой.

Федотов испугался, что Тоня натворит бед в поисках правды, и приуныл, что заставило его пойти на отчаянный шаг.

– Твоя мать была сестрой моей жены, это тебе известно. Поэтому ты со мной. Ее брак не был удачным, как ты успела заметить. Она переступила через приличия, за что поплатилась. Мужчина, с которым она связала свою жизнь, обманул ее ожидания, что побудило в ней болезнь. Она давно умерла, Тоня, это правда.

– Так почему я не осталась с родными отца, если брак имел место?

– С родными... – вновь усмехнулся Федотов, мрачно поводя глазами. – С кем из родных? Они для этого не годились. Вредное надменное семейство. Была бы ты бедной воспитанницей. Такая доля влечет тебя?

Почувствовав, что Тоня, наконец, удовлетворена, Федотов задышал спокойнее. Как ребенку, ей до поры хватило простого опьянения.

– Я так рада, что она не была гулящей, – тихо сказала Тоня, не в силах наблюдать за реакцией Федотова. – Это страшило меня больше всего.

«Я так боялся, что ты осудишь ее за измену...» – подумал Федотов.

– Мне обидно другое, – ответил Денис Сергеевич. – Почему ты так желаешь, чтобы тебя воспитывали его родные. Я, мне казалось, всем обеспечил тебя.

– Папочка! – с нежным укором протянула Тоня, порываясь с места и обнимая благодарно принявшего эту вырванную ласку Федотова. – Как ты можешь говорить такое?

Размягченная изливаниями Тоня, не отдавая себя отчета, из-за чего, долго не могла заснуть в тот день. До глубокой ночи ворочалась она на постели. Впервые в жизни, к своему безграничному стыду, Тоня подумала о том, что у отца была жизнь до ее появления, были тайны, влюбленности и, возможно, ошибки, слезы, предательства, разбитые чаяния... Этим, казалось Тоне, может похвастаться почти каждый человек. А вдруг и у него была драма? Возможно ли, что он любил ее мать? А вдруг он ее настоящий отец, только из чувства приличия не раскрывает этого? Ведь он не кровный родственник ей, и после смерти своей жены, поначалу занимающейся ее воспитанием, мог спихнуть ее обратно...

«Отца кто-то любил». Эта мысль не вызвала в Тоне, когда она осталась одна, болезненной ревности, но заставляла уши заалеть.

16

Она распустилась пышно и лениво, свежая пряная ночь. С царственной невозмутимостью, зная, что она царица, хороша до дрожи, до отречения от суетного и познания сердца через поощрение природы. Ароматная прохлада пробиралась сквозь мысли Тони, неприкаянно прибившейся у обрыва, ведущего к оврагу.

Небо светилась обволакивающей затягивающей синевой. Она безостановочно, безмерно вливалась в сознание и не оставляла там место ничему кроме наслаждения. Поглощающая ширина неба не позволяла другим мыслям проникнуть в сознание. Из недалеких не затушенных костров, разведенных пастухами, выливался отчаянный дым, наводняя равнину щемящим терпким запахом, знакомым с детства, любимым и родным. Запах этот волновал душу, рождая столпы неосознанных горящих мыслей.

По серой пелене проглядывающего ночного неба плыли светлые облака. Казалось, что это серые тучи, застилающие небосвод, а не дымка, позволяющая ему раскрыться. Ночь находила величественно и ярко. Она готовилась проглотить одинокую фантазерку, безмолвно взирающую на нее в поисках вечных истин. Так, по крайней мере, думалось Тоне.

– Тоня, не пора ли нам домой? – спросил совсем некстати Крисницкий, ежась от вечерней свежести.

Тоня раскрыла глаза. Муж прервал полет истинной жизни. Сегодня утром он позволил себе целовать ее долго и тесно, видя, что это ей вовсе не противно. Тоня понимала, что произойдет, когда они вернутся в дом, и не спешила. Крисницкий, окончательно уставший от терзающего Марианну чувства вины, предложил ей остыть друг от друга и какое-то время не видеться. Ему приятно было встретить жену, воспоминания о которой существенно потускнели за месяц, что они жили врозь. Возможно, впервые он ощутил, что она женщина, а не просто испуганный ребенок, отказывающийся меняться под тяжестью мира.

Тоня вяло опустила голову и скала:

– Если хочешь, иди. Я не держу тебя.

Крисницкий топтался на месте.

– Почему ты не уходишь? – спросила она погодя, слыша, что он остался.

– Ты замерзнешь и простудишься.

– О, бог мой, Миша! Не в первый же раз я брожу по саду в сумерках. Ты прости, что и тебя заставляю. Не думала, что тебя не проймешь прогулками. Если уж не нравится вид, вспомни, что это полезно для здоровья!

– Было бы полезно, если бы не угроза здоровью, – буркнул Крисницкий, продолжая стоять возле жены.

Она обернулась, оторвавшись от потемневшей равнины, и с осторожной нежностью поднесла ладонь к его осунувшемуся лицу. Луна бледно из-за серых туч, странно смешивающихся с синим обнажением горизонта, освещала их. Мягкая кожа скользнула по щекам Михаила, задержалась у линии рта. Подчиняясь, скорее, всеобъемлющей любви ко всем и вся, чем истинному порыву, Тоня поцеловала его.

Крисницкий, казалось, того и ждал. Воодушевленный, он ответил с испугавшим ее пылом. Относясь к типу решительных мужчин, он привлекался застенчивыми робкими женщинами, в которых, ко всему прочему, был неуловимый шарм, доставляющий ему ни с чем не сравнимое наслаждение. С силой оторвавшись от Михаила, Тоня, пугаясь его влияния на нее, пожелала ему спокойных снов и скрылась под сенью крыши.

«Зачем, черт возьми, она распыляет меня?» – негодуя подумал Крисницкий, возвращаясь в дом. О том, как сам разжигал ее в Санкт-Петербурге, оставляя после вступления одну, раздосадованную, сбитую с толку, он не вспоминал.

17

«И зачем я еду сюда?» – нетерпеливо думала Марианна, приближаясь к поместью Федотова. Было ей, конечно, официальное приглашение, но она не собиралась нарушать обособленность.

Кучер остановил двуколку на дворе, слез с козел и, подав госпоже руку, отправился на хозяйскую конюшню потолковать с тамошними кучерами о корме лошадям и разузнать, возможно ли в местном трактире напиться.

Марианна, столкнувшись с почвой, слегка присела. Ее мутило. Оглядывая криолин, она вздохнула – дорожная пыль сделала свое дело. Теперь в «блеске и нищете» предстать перед хозяевами поместья не получится. На шум из домика, пристроенного к барскому, выползла Надежда Алексеевна, и, недоверчиво воззрившись на грациозную гостью, молчала.

– Добрый день, – сказала Марианна, прикрывая рукой лицо от солнца. – Я Марианна Веденина.

– Ах, вот оно что, – спохватилась Надежда Алексеевна, сияясь запоздало изобразить улыбку. – Что ж на пороге стоять, пойдёмте. Предупреждены, как же.

Обе женщины через небольшую переднюю прошли в просторную плохо освещенную комнату, служившую для приемов гостей. У Марианны мелькнула мысль, что состоятельные дворяне могли бы с большим вкусом обставить собственное жилище или хотя бы впустить в него больше света. За окном буйствуют краски, смех, а сидеть в этих стенах утомительно и тоскливо... Ах, ну да, ведь дом переходит из поколения в поколение. Словно англичане! Нужно наслаждаться солнцем, пока оно есть, ведь скоро настанут беспросветные осенние месяцы... Марианна, располагая молчаливым одобрением Надежды Алексеевны, тотчас распознавшей в ней даму благородную, а оттого принимая с распростертыми объятиями, подошла к маленькому окошку, затянутому кружевной шторой, и, отодвинув ее, рассмотрела длинную аллею, ведущую к реке.

– Где же хозяева? – спросила она, отворачиваясь.

– В саду. Урожай собирают, – благосклонно ответила Надежда Алексеевна, – в нынешнем году отбоя нет от яблок.

Она не прочь была поболтать с неожиданно и очень кстати свалившейся барыней. Не с Федотовым же ей беседовать. Хозяин поместья погряз в ностальгии по временам прошедшим, а оттого прекрасным, ведь он не помнил и половины бед, свалившихся на него тогда. Свадьба единственного живого человека, к которому был привязан, подкосила и без того хрупкие силы Дениса Сергеевича. Целыми днями Федотов безвылазно сидел в кабинете, читал и гулял по неправдоподобно красивому в это время года саду. А деревня с и без того не слишком ладно устроенным хозяйством все больше проседала вниз.

Он отдалялся от настоящих людей и с отчаянием, более глубоким, чем когда-то, алкал понимания и заботы. А Надежда с радостью дарила бы ее, поскольку, как и подавляющее большинство поживших, не могла причислить себя к числу счастливых. Но Федотов не подпускал к себе никого, кроме своей Тони, во время разлуки возлюбленной им с удвоенной силой. Надежда, бездетная, иссохшая без ласки и сильных чувств душа, страдала, но не раскрывала сердца, поэтому непосвященным казалась сухой брюзжащей старухой.

– Простите меня, Марианна... Не ведаю, как вас по батюшке...

– Анатольевна, – голос Марианны отчего-то померк.

– Марианна Анатольевна, мне поручено управиться в девичьей. После смерти ключницы много на меня свалилось. Ох, не ровен час еще крестьянам вольную пожалуют, тогда уж совсем не знаю, как жить будем, – Надежда Алексеевна сама удивилась, отчего так разоткровенничалась с первой встречной.

– Тогда я могу пойти в сад и нагнать хозяев? – как бы опасаясь чего-то и подавшись вперед, спросила Марианна и отвела вперившийся в муху на стене взор в прозрачные глаза собеседницы, застенчиво заглянув в рябь их водоема.

– Конечно, они в восточной части поместья. Идите по дороге, усаженной кленами, быстро приметите их.

Марианна благодарно улыбнулась, чуть приподняв щеки. Совсем не замучено, не так, как улыбалась несколько последних месяцев. Ощущая раздражающее подергивание сердца, она вышла из дома и направилась по аллее, усыпанной плетью мерцающих листьев. Она ни о чем не думала. Если бы начала, неизвестно, смогла бы дойти. А должна была, просто обязана, ведь от этого поступка зависит не только ее будущность.

Завернув в начавшийся яблоневый сад, где в полной мере господствовали уже звучные краски бархатистой осени, Марианна приросла к земле и каким-то первородным инстинктом заставила себя стоять на месте. Тонкий аромат спелых, едва не лопающихся от сока яблок ударил ей в голову. По жилам разлилась пригибающая к земле, пьющая силы усталость.

Тоня опоясана белым передником, должным защитить ее легкое шелковое платье. Крисницкий небрежно облачен в свободную рубашку и непонятного рода брюки. Никакого излишества или вычурности, все донельзя просто и противно. Крисницкий со слабой настороженной улыбкой стоял, подняв голову и вынимая из цепких пальчиков Тони передаваемые ей яблоки, которые та осторожно забирала у дерева. Его лицо светилось спокойствием и благодатью, как будто он разгадал существенную долго не дающую покоя загадку.

Гладкие бока фруктов поблескивали на солнце. Не с меньшей силой блестели глаза тех, кто собирал их, выполняя древний прекрасный ритуал. Марианна, дышащая чувствами, осознала, что воцарившейся семейной идиллии ей касаться запрещено, иначе разбуженная совесть засаднит еще сильнее. Душа в этом затерянном во времени саду пронизывалась, проникалась счастьем, как осенний воздух блестящей паутиной. Только Марианне не было места в стане довольных. Она в очередной раз испытала досаду оттого, что отличается от прочих. Тоска, прогнавшая надежду, оказалась не глубже прежней, но отличалась от нее. Она разбавлялась странной уверенностью, что в любом случае Марианна не добилась бы желаемого.

И даже теперь, воочию убедившись в худших опасениях (как истинная женщина, она продумывала все возможные варианты событий), Веденина не могла поверить. Ведь совсем недавно эта девчонка была ему безразлична... Или он обманывал? В свете последних событий образ Михаила Крисницкого не вызывал у Марианны восторженного отрицания любых пороков, свойственных этому человеку. Как ни пыталась она быть беспристрастной, поддалась, как и все люди, ослепленные чувствами, обожевлению возлюбленного, причем с несколько странной стороны. Она соглашалась, что он далек от совершенства, но убеждала себя, что это не что иное, как бутафория, способ загородиться от докучливых сплетников или убедить самого себя, что он такой же, как остальные.

«И мне он предпочел эту маленькую девочку», – с застывающим, растекающимся и не способным ухватиться за что-то одно взглядом думала она.

Смешным именно в момент крушения планов Марианне показалось то, с каким упорством она цеплялась за Крисницкого все эти месяцы, твердо веря, что сохраняет гордость. Она позволяла себе видеться с чужим мужем, принимать знаки его внимания и молча давала понять, что пойдет с ним, куда он попросит. Лишь бы попросил...

Марианна захотела вернуться в дом, собраться с мыслями и решить, что делать и как врать, но Крисницкий, смеющийся над шуткой Тони, предсказуемо повернул голову в сторону аллеи и застыл с зажатым в руке яблоком. Кажется, за всю свою жизнь он не был более поражен. Как будто Марианна, неприкаянно находившаяся в нескольких шагах, явилась в их идеализированный, лишенный любого налета горя или подозрения мир не теплокровным существом, а разъяренным эльфом, требующим отмщения. Крисницкий чувствовал вину перед бывшей

возлюбленной, и это омрачало даже счастливейшие дни его пульсирующего повествования. Омрачало, когда он позволял себе задуматься над этим.

Раньше он испытывал вспышки наслаждения, ведущие к счастью, но они были быстротечны. Сегодняшнее же чувство восхищения всем, небывалого вдохновения, деятельности и желания охватить целый мир, изведать то, что раньше находилось за стеклом ограничений и возможностей, все понять и всех полюбить, не улетучивалось под действием времени или необходимости возвращаться к реальности, не испарялось, снова и снова обогащаясь. Это он сумел перенять у Тони. Действительность оказалась не абстрактной, а успокаивающе настоящей, засыпающей рядом с ним и греющей простыни... Воистину, пьянящее, потрясающее открытие! Если бы только знать, что Марианна не сердится и тоже идет по верному пути. Он надеялся, что это так. А, впрочем, у него было достаточно дел и без этих раздумий.

– Марианна Анатольевна! – с неподдельной радостью воскликнула Тоня, подавая мужу знак, чтобы он снял ее с лестницы.

Скованный Крисницкий последовал ее указанию. Вместе они направились к Марианне, по-прежнему не двигающейся с места.

– Вот, – опомнилась Марианна, принимая шутливый тон, который не намерена была бросать до конца визита, – приехала навестить вас и сообщить кое-что о себе.

– Ох, это чудно! – едва не захлопала в ладоши Тоня, широко расставляя уголки рта в долгой откровенной улыбке. – Пойду, распорядюсь об обеде. А ты, Миша, займи гостью.

Крисницкий неловко кивнул, глядя, как жена, забавно подсакивая, бежит по направлению к дому. На полпути мимо летящих навстречу листьев ее юбка зацепилась за куст смородины. Тоню отбросило назад, она едва удержалась на ногах, засмеялась, посмотрела на оставшихся, безмолвно ища поддержки, отцепила порванную ткань и продолжила бежать дальше.

– Ты заделался нянькой девицы с затянувшимся детством? – слова Марианны звучали неоправданно зло.

Она сама не могла объяснить, что нашло на нее, но последующий обмен фразами в ее устах казался насмешкой и не снисходительной попыткой составить мнение о совместной жизни Крисницкого и Тони. И в то же время она будто посмеивалась и над собой. Временами, когда Михаил не мог видеть этого, в глазах ее мелькало жалостливое выражение.

– Маша, – укоризненно начал Крисницкий, надеясь, что она не хотела обидеть его, а еще менее Тоню.

– Да, ты прав, – ответила она скорее его тону, чем ему самому, – я сегодня несносна. Не знаю, что случилось. Возможно, реальность нас меняет больше, чем можно думать. Но...

– Что? – выдохнул Крисницкий, с опаской покосившись на Марианну, выпрямлено шагающую рядом. Она старалась умерить шаг, чтобы позже добраться до людей, навсегда разлучивших ее с Михаилом.

– У тебя даже не хватило смелости открыто сказать, что у вас все наладилось, – бесцветно произнесла Марианна, благополучно ломая линию беседы. – Ты мог бы написать. Иначе получается, что я навязываюсь тебе.

И, осознав, как ранена ее гордость, Марианна испытала раздражение, оказавшееся сильнее боли. Он не стал возражать, поскольку прекрасно знал, что правда не на его стороне. Михаилу досадно стало, что она настолько хорошо понимает его.

– А что я мог сказать? Что занят с Тоней? Она просила побыть с ней, и...

– Что ты влюбился в собственную жену. Не оправдывайся, Мишель. Это выглядит заученно. Комедия и трагедия – выверты, характеризующие жизнь однобоко.

Поняв, что в самом деле испытывает что-то вроде стыда за вспыхнувшую страсть к Тоне, Крисницкий снова нахмурился. Ведь Марианна была до нее, и имеет на это чувство большее право.

Видя, как его неукротимую мужественность мыслящего и страдающего от этой способности человека исказила гримаса боли, Марианна раскаялась. Она так восхищалась его морщинами возле глаз, внимательным, словно пронизывающим насквозь взглядом, родинками на шее. И все это придется теперь уступить.

– Я лишь... – оборонил он с растерянностью человека, которому нечего добавить и который чувствует себя в связи с этим глупо.

– Пользуешься тем, что и так тебе принадлежит. Не удивительно, что Тоня поддалась твоему шарму. Сложно быть твоей женой и не польститься... Да и не только женой.

– Маша... – укоризненно протянул Крисницкий, слегка улыбаясь и наклоняя голову. Ему и льстили ее слова, и одновременно вызывали тягостное чувство.

– Ты, конечно, эгоист, как все неглупые люди, но не до такой степени, чтобы причинить ей боль, – неожиданно резко бросила Веденина, поправляя вуаль, задранную на головной убор еще до выхода в сад. – Так что придется тебе молчать. Хотя ты, верно, и не слишком терзаешься угрызениями совести... Нет, я не ревную больше, Мишель, уверяю тебя. Искренне поздравляю. Наша связь все равно только тянула из нас жилы. Мне жаль только, что я вот так узнаю обо всем.

– Прости, Маша. Только ты знаешь, как я тебя любил.

– Но все проходит, да? – весело подытожила Марианна, пытаясь спрятать шатающиеся из стороны в сторону глаза.

Взгляд остановился на Тоне, отдавшей распоряжения и ждущей теперь обоих у крыльца. Марианна еще сильнее замедлила шаг, чтобы успеть сказать все, что жгло душу.

– Она как сама земля. Ни капли искусственности, порожденной социализацией. Ведет себя как ребенок. Может, это и привлекло тебя? В твоем возрасте пора становиться отцом. И ты нянчишься с этой девицей, застрявшей в детстве и словно не желающей смотреть в реальность. Я буквально вижу, как она в упоении бежит по лугу и, ничего не видя, упивается солнечными лучами.

Крисницкий, собиравшийся уже резко ответить, опешил, ведь Марианна сказала именно то, чем он был заинтригован в жене. Слова застряли в горле.

– Миша, ведь я тоже была такой. Сейчас я, наверное, представляю жалкое зрелище, утратив способность так же невинно смеяться. Или просто вела себя неестественно, подавляя запачканные позы сердца... И не подумай, что я хищно раздражаюсь, видя такую наивность. Нет, она меня, так же как тебя, восхищает. Я просто жалею эту девочку, жалею ее будущность, поскольку наверняка знаю, чем обернется для нее это всеобъемлющее счастье – полнейшим разочарованием. Да, я в семнадцать лет тоже умела жить, правда, не выражала восторга столь явно. Я боялась, что кто-то признает меня глупой. Если выразить чувства слишком открыто, не остерегаясь, жди беды.

– Напротив, – возразил Крисницкий, а во взоре его появились новые оттенки, которые раньше не знала Марианна. Это снова укололо ее. – Это говорит лишь о незамутненности сознания условностями. И это, скорее, похвально. Но нам, детям света, не понять этого. А оттого мы и восхищаемся ее незатейливыми радостями. Не каждый способен извлечь счастье из воздуха.

– Ах, вот как ты теперь заговорил, – усмехнулась Марианна.

– Не понимаю, к чему эти рассуждения, – поежился Крисницкий. – Ты надолго к нам?

– О, нет, – голос Марианны прозвучал насмешливо и отчего-то горько. – Я приехала лишь лично пригласить вас на свадьбу.

– На свадьбу? – поразился Михаил, внимательно и испуганно вглядываясь в дорогое лицо. Дорогое уже по-иному.

– Да. Ты слышал о том, что я выхожу замуж?

Его замешательство и тоскливый, болезненный взгляд в тот момент, когда он хотел казаться всего лишь удивленным, доставили ей некоторое облегчение.

– И... кто же удостоился этой чести?

Марианна открыла рот, но он опередил поток объяснений, нетерпеливо сжимая кулак.

– Не иначе Лиговской? – произнес он с досадой.

– Именно он.

Крисницкий выдохнул, злобно улыбнувшись, как будто этой улыбкой пытался скрыть бессилие, но именно ей и обнажая его.

– Черт бы побрал тебя! – не сдержался он, о чем потом долго жалел.

– Что ж, мой милый, – Марианна выглядела поразительно спокойной, добившись должного возмездия. – Теперь ты, возможно, поймешь хоть толику того, что испытала я, узнав о твоей помолвке. И не будешь впредь так жесток.

– Я не хотел быть жестоким.

– Хотим мы чего-то или нет, это все равно происходит.

Оба замолчали, потом Марианна продолжила:

– Теперь мы оба получили то, что хотели. Думаю, это достойное окончание беспокойного, изводящего романа. Хотя тебе он, конечно, казался манной небесной... Но не будем об этом, – насмешливо добавила она и подняла тонкую руку, облаченную в черную перчатку, видя, как Крисницкий пытается возразить. – Так что жду вас, Михаил Семенович, вместе с супругой.

Крисницкий засмеялся отрывисто, громко, совсем неподобающе женатому барину.

– Я недооценил тебя, Маша. За что так?

– Право, не понимаю тебя.

– Мало того, что отдаешь себя человеку, которого не любишь, так еще зовешь бывшего любовника на торжество? Воистину, с твоей склонностью мучить всех, в том числе и себя, надо писать драмы!

Марианна заговорила взволнованно, жестоко, совсем не так, как произносила отточенные фразы минуту назад.

– Как ты смеешь рассуждать, кого я люблю, а кого нет? И делать подобные выводы? Почему вообще это приходит тебе в голову, ведь теперь ты не имеешь на меня никаких прав. Да и раньше не имел. Мог возыметь, но предпочел иную участь. Так теперь не указывай мне, как вести себя, и не делай трагедии из-за того, как низко я пала, совершая... Ты, верно, думаешь, мезальянс? О, нет, мой дорогой. Это выход из тупика. Хотя я искренне желаю тебе счастья и не могу расстаться врагами. А эта девушка... Тебе повезло, что она полюбила тебя. То ли в силу неопытности, то ли из-за того, что так надо... – сказала она мстительно, понимая, что Антонина Николаевна Крисницкая оказалась в тех же сетях, что и она сама. – Не могу рассчитывать, что она сделает тебя лучше, но все же с ней твоя судьба войдет в спокойное, твердое русло... Скучновато, быть может, но, если правильно повести дело, очень приятно.

– Маша, ты жестока!

– А ты нет, когда говоришь мне подобное?! Будто я виновата, что разбила наш союз! Я раню тебя этим браком? Иначе зачем тебе так отзываться о нем? А ты бесишься несмотря на то, что сам отказался от меня. Воистину, мужское неприличие не знает никаких границ, а вы еще нас обвиняете в бесстыдстве. Боже, какие вы лицемеры! – темный яд слов Марианны действовал на Михаила подавляюще.

Марианна, видя, какой произвела эффект, смягчилась и готова была уже взять его за голову и успокоить, как раньше, но вспомнила, что теперь не имеет на это права.

– Мы должны думать о будущем и отбросить ерунду, что каждый человек обязан найти счастье. Речь, разумеется, не о тебе. Твое существование вполне четко видится мной. Такой роман, как наш, бывает раз в жизни, но мы волей-неволей должны возвращаться к реальности. И быть благодарными за то, что нам дала судьба, иным не выпадает испытать такое блаженство.

Но реальность зовет, – почувствовав, что утрирует, Марианна добавила, – то ли мир жесток, то ли мы сами виноваты.

«Ты виноват», – понял Крисницкий.

Марианна могла еще в утешение сказать, что с их противоречивыми натурами все равно ничего бы не сложилось. Но она не могла, потому что не верила в это, озвучивая утопичные мнения и исходы лишь для успокоения. Кто сказал, что они не смогли бы быть вместе, сложись обстоятельства по-иному? Всему виной условности и нерушимость браков... И его тщеславие, будь оно проклято. И теперь, позови он ее, она бы бросила все и перестала думать о благополучии Тони и Лиговского.

Больше они не сказали друг другу ни слова до самого ужина. Да и во время трапезы перебрасывались пустыми фразами по мере надобности. Марианна больше не пыталась задеть его улыбкой, все внимание сосредоточив на восхвалении красот дома в неспешной беседе с Федотовым. Хозяин усадьбы расцвел, упражняясь с хорошенькой гостьей в давно забытой игре под названием галантность.

18

После ужина, состоявшего главным образом из превозношений талантов и прелестей гости, Марианна попросила Тоню задержаться в гостиной. Крисницкий опасливо глянул на обеих, садящихся на один диван, но возражать не увидел возможности и степенно удалился.

– Дитя мое, – сказала Веденина и почувствовала, как неестественны эти слова. Она только на восемь лет старше Тони! Почему тогда кажется самой себе такой старой? – Тоня, я хотела по душам поговорить с вами. Боюсь, я не проявляла к вам должного внимания. Это все из-за моей настороженности к мало знакомым людям.

Тоня доверчиво улыбнулась и позволила себе сказать:

– Я всегда испытывала перед вами неконтролируемое восхищение.

Марианна усмехнулась.

– Вы переоцениваете меня.

– Совсем нет! – с жаром воскликнула Тоня. – Михаил Семенович рассказывал мне, что...

– Ах, бога ради! – прервала ее Марианна. – Прошу вас, говорите только о себе. Я вижу в вас то, что тоже преклоняет меня и в то же время ставит в тупик. Вы не глупы, но неужели не видите фарса, что строится вокруг вас?

– Я... знаю, что вокруг много зла. Но нельзя этому дать очернить свою жизнь. Мы должны стремиться к процветанию и свету.

– Ах, вот какая у вас философия, – против воли улыбнулась Марианна и с неожиданной нежностью посмотрела на сидящую рядом.

– Вы имеете другие представления?

– Нет, но не в силах так радужно воспринимать мир.

– Но вы выходите замуж, разве вы несчастны? – участливо спросила Тоня, и свет ее глаз наполнился тревогой.

Марианна, заметив это, почувствовала жалость, что из-за прошлого не имеет права стать другом Тони. Досадно, право же!

– А вы были очень счастливы перед соединением с человеком, к которому мало что чувствовали и который по счастливому стечению обстоятельств оказался чудесным? – напрямик спросила она и блаженно закрыла глаза, отчего возле носа собрались морщинки.

Тоня оторопела, но, взглянув на собеседницу, царственно изогнувшуюся рядом и смотрящую на нее так странно, что ей стало не по себе, осмелела. Уверенность Марианны предала ей сил. Смесь жалости, предвидения ее будущего и... томной, почти желанной тоски? Удивительно, ведь они не так близко знакомы, отчего эта великолепная женщина прониклась к ней симпатией?

– Нет, – призналась она и ощутила облегчение.

– Вот видите, – тихо рассмеялась Марианна.

– Но теперь все изменилось! И я счастлива, как никогда.

Марианна исследовала Тоню, изумляясь и восхищаясь. От былого настороженного предубеждения не осталось и следа. Глаза, расположенные так близко, казались Тоне сострадающими, даже слегка испуганными, удивленными, знающими больше всех, мягкими.

– Это ненадолго, – шепнула Марианна, испытывая чувства врача, обязанного сообщить пациенту дурную весть.

Тоня испытала разочарование, испуг, словно то, что говорила эта женщина, непременно обязано было сбыться.

– Почему же? – спросила она без обиды или издевательства над осведомленностью собеседницы в том, чего та знать не могла.

– Проблемы всегда возникнут. Не здесь, так там. Не из-за безразличия, так из-за измены, не из-за измены, так из-за чрезмерного контроля. Человек никогда не может удовлетвориться тем, что имеет. Люди просто физически не могут быть счастливы дольше недели.

– Но вы производите впечатление счастливой... – замаялась Тоня, испытывая противное жужжание в животе от услышанного. В душу ей закрался страх.

– Производить впечатление и быть – не одно и то же. Все мы в конечном итоге ищем лишь одного – счастья. А счастье – это понимание. А понимание может обеспечить только любовь, поскольку только она дарует потребность к сближению. Но счастье – совокупность желаний, а, поскольку человек – существо ненасытное, стоит сбыться чему-то, жаждет другого, следующего. Так что я вам искренне желаю сохранить то, чего вы добились такими усилиями. И ценить то, что имеете. Похоже, это главное в жизни. Не всем удается это.

Тоня не поняла последнего высказывания, а Марианна не обратила внимания на это, охваченная своими мыслями. Жалостливое недоумение собеседницы не достучалось до нее.

– Хотя, возможно, мы ненасытны в силу характера, а не потому, что все происходит по шаблонам. У всех по-разному, надо полагать. Возможно, я кажусь вам самонадеянной, странной, воображая себя провидицей, но... Мне не так много лет, а я чувствую себя старухой. Пытаюсь уйти от этого ощущения, но не выходит. Мне кажется, что я все испытала, все познала, больше ничему не удивлюсь. Я говорю это, потому что знаю, что женщина долго не может оставаться счастливой. Нам все кажется прекрасным, пока мы не узнаем это лучше.

На изумленный, негодующий вид Тони ей пришлось тотчас дать пояснение.

– Моя мать, особа незаурядная, хоть и без воображения, происходила из обедневшего дворянского рода. Обедневшего после турецкой войны. Восстановить достаток ни у кого не хватило ни сил, ни таланта. Как водится, она мечтала о любви со всеми последствиями. Как водится, полюбила она не богатого престарелого генерала с чудовищными складками на животе, способными отбить всю признательность или на крайний случай вежливый интерес, а молодого поручика. Не то чтобы он был невероятно красив, но чем-то поразил ее... Вероятно, беспечностью, новизной взглядов и полнейшим безразличием к расслоению общества на бедных и богатых. Вам не понять, на что способна недалекая женщина в первой половине века. Тогда столько подобных браков происходило... Противодействие всегда вызывает бунт. Так вот, она вышла замуж против воли семьи. История не то чтобы редкая, но каждый раз в ней происходит что-нибудь новое. Люди ее раскрашивают сами, – Марианна усмехнулась, глядя пальцами, унизанными поблескивающими в ласкающем свете перстнями пышные складки платья.

– Она была несчастна? – тихо спросила Тоня, поняв, что сейчас Марианна переживает не лучшие мгновения.

– Не стоит жалеть ее, она сполна отыгралась на тех, кто не был виноват в опрометчивости родителей, – произнесла Марианна непонятные для Тони слова.

Выходило, что Марианна изливает душу, но изъясняется так непонятно, что Тоня не в силах даже посочувствовать. А актрисе сочувствие, похоже, и не нужно. Как удивилась бы она, если бы поняла, что это Марианна сочувствует ей за то, что Тоня стала разменной монетой в запутанной мужской игре во влияние и выгоду.

– Она ожесточилась из-за несчастливой участи?

Бархатно – голубые глаза Марианны сузились, точно от яркого света.

– Думаю, невозможно испортить характер переживаниями. Он изначально должен быть не слишком хорош. Страдания усугубляют это, но никак не вызывают. Хотя, безусловно, сложно оставаться душечкой, имея мужа-бездельника и шесть ртов детей. Чувство привязанности к мужу, да даже не привязанности, а истинной страсти (по каким еще причинам можно было согласиться на такое существование?) исчезло через несколько лет. Любовь их прокисла,

выветрилась, стерлась. А осталось что? Бедность, уныние, безысходность... У женщин одна возможность – искалечить себе жизнь.

– И вы... сбежали?

– Откуда вы знаете? – со слабой улыбкой отозвалась Марианна, будто узнала что-то для себя приятное.

– Михаил рассказывал.

Марианне неприятно стало, что речь снова зашла о Крисницком. И, несмотря на расположение к хозяйке дома, она ощутила что-то вроде слабого отголоска ревности и недоумения, как юная барышня может называть Крисницкого Михаилом, ведь это только ей позволено.

– Да, и, несмотря на потерю права называться истинной аристократкой и рассчитывать на блестящее замужество, проще говоря, венчание с титулом, я могу сказать, что редко о том пожалела. Я бы и дальше, наверное, терпела ту жизнь, что мы вели в захудалой деревеньке отца, да мать после его смерти вновь вышла замуж (удивительно право, как у нее еще сохранилась охота для подобных предприятий), а с отчимом у меня сложились самые неприятные отношения... Вы можете спросить, зачем я начала этот разговор... Сама не знаю. Возможно, чтобы раскрыть вам глаза, предостеречь, хотя заметно, что сейчас вам ничего не угрожает, но в нашей жизни всегда много соблазнов. А, может, я просто хотела раскрыть душу чистому, понимающему сердцу. Спасибо вам, Тоня.

Тоня в свою очередь улыбнулась и пожала неподвижно опущенную на диван руку.

– Теперь вы не видите с матушкой?

– Нет, и не испытываю желаний. За первые мои шестнадцать лет она сильно подорвала мое желание любить ее. Хотя ее можно понять – на долю каждой женщины сваливается столько, что представить страшно. Она стала заложницей своего тела, тем же рискует каждая из нас. Среди нашей сестры так мало счастливых. Главным образом оттого, что мы просто не вольны распоряжаться даже собой. Но я надеюсь, вы будете счастливы. Уж кто-кто, а вы заслужили это.

С какими тайными надеждами приезжала Марианна, осталось Тоне недоступно, но в тот день в ней укоренилась догадка, что вся эта история намного сложнее, чем кажется на первый взгляд.

В глубине души Лиговской думал, что Марианна не входит в число людей, которым позволено выбирать. Так же считала и она сама. Но невероятно оскорбилась бы, узнай о мыслях только что избранного жениха и подумала еще, искупит ли подобную топорность взглядов неподдельная искренность и своеобразное рыцарство. Она желала быть хорошей женой человеку, любившему ее больше всех.

По дороге обратно, к Лиговскому, который, как ни странно, направил ее дальнейший путь, Марианна не плакала. Выход был, причем осязаемый. Крисницкий чувствовал в ней нечто дикое и опасное, почти ощущая запах крови, исходящий от ее темных губ. Возможно, эта была его фантазия о совершенной женщине, и он обыкновенно не рассмотрел трепещущее взывающее к нежности нутро. Теперь ей нужно было пристанище, как загнанному охотниками зверю, и она интуитивно знала, куда податься.

Проезжая мимо небольшого трактира, она услышала пронзительные, как натянутая струна и чистые, как хрусталь, звуки. Русская народная песня, мучительная, страстная, глубоко осмысленная не разумом, но душой, разливалась по редколесью.

Выглянув, Марианна заметила оборванную босоногую девушку, окруженную несколькими такими же, как сама, бродягами. Девочка пела так надрывно, душевно, что даже кучер расчувствовался и, сняв меховую шапку, пустился в плач, с ненавистью на весь мир трясая головой. Марианна без его помощи вышла из двуколки и вложила в руку певицы несколько целковых.

19

Крисницкий после очередного совещания с Лиговским мрачно сидел перед ним и выслушивал недовольство своего влиятельного партнера.

– Ты заботаешься о своих людях не потому, что жалеешь, а оттого, что так твоя прибыль заоблачная, – сказал ему Лиговской, давно намеревающийся дать по зубам гордецу Крисницкому.

– Что ж в том плохого, если в конечном счете все равно забочусь? Мои рабочие не умирают в грязных больницах, как у твоих собратьев.

– Какой же ты...

– Что? Эгоист? – усмехнулся Крисницкий, с вызовом глядя прямо в глаза Лиговскому. – Откуда, Сергей Васильевич, в тебе вдруг взялось навязчивое желание проникнуть мне в сердце? Прежде тебя устраивали мои воззрения. Ты будешь доказывать мне, что это нечестно, что я сгублю свою...

– Я не собираюсь ничего доказывать тебе. Не в том мы оба возрасте.

«Издевается, скотина. Мало ему сознавать, что я не допущу скандала, так еще заполучил Марианну», – свирепо думал Крисницкий, продолжая понуро разглядывать рисунок на крышке стола. Он не оскорбился, потому что в глубине души знал, что Лиговской прав. Но именно в тот момент он понял, что никогда больше не станет сотрудничать с ним, какие бы выгоды не сулило для его производства черпание тайн Лиговского. Крисницкий не желал унижаться принятием того, что мнение этого человека о его личных качествах что-то значит для него.

– Тогда на кой черт ты вообще начал этот разговор?

Лиговской не ответил, в свою очередь усмехнувшись. Помедлив, он все же разомкнул уста:

– Михаил Семенович, я, конечно, понимаю, вы переживаете счастливые времена, но, если вы и дальше будете так вести дела, это не лучшим образом отразится на ведении фабрик. Личные отношения дельца вашего масштаба не должны преобладать над работой.

– Что? – неопределенно отозвался Крисницкий, с трудом вникая в смысл отповеди коллеги.

– Вы слишком много внимания отводите семье. Это позволено женщинам, но никак не нам.

– По какому праву вы даете мне указания?

Лиговской фыркнул, не устаивая Крисницкого ответом. Он размышлял о том, что после свадьбы не желает ни каких-либо соприкосновений жены с семьей Крисницкого, ни, уж тем более, им самим. И вообще в последнее время Лиговской понимал, что не желает больше обитать в столице, так город на Неве опротивел ему. Он пытался убедить себя в этом, и отчасти это было правдой. Но в большей степени, конечно, здесь повинна была Марианна. Пусть больше никто не охотится на нее! Лиговской, несмотря на личные чувства, собирался продать собственные предприятия Михаилу, а на вырученные деньги прикупить землю в центре России и почивать на лаврах помещика. Но после этого разговора, не из-за ревности даже, передумал. Конечно, лучше всех о его наследии позаботился бы Крисницкий, не отдав его на поругание и разорение, но он так напыщен, смотрит на него, как властелин, несмотря на то, что сам происхождением не опередил его.

– Я отхожу от дел, но не предлагаю тебе выкупить мою недвижимость, – только и сказал Лиговской, втайне надеясь уязвить Крисницкого.

Ему удалось. Собравшись с силами, Михаил с отвратительной ухмылкой ответил:

– Уходишь от дел, чтобы крепче удержать жену в золотой клетке?

Наступило молчание, которое, казалось, не в силах прервать был даже удар грома. Лиговской не покраснел, но взгляд его поведал Михаилу о многом.

– Понятное дело, – продолжал Крисницкий, поняв, что наступил собеседнику на любимую мозоль. По безотчетной тяге доставить боль человеку, крадущему у него Марианну, он продолжал игру в негодая.

Если бы теперь он смог посмотреть на себя со стороны, вполне возможно, его оттолкнуло бы собственное отражение.

И снова мысль о любовнице нашла на него, как волна при купании в море и ударила с неожиданной силой, забрызгав солоноватой горечью. Несмотря на то, что Тоня потеснила ее, окончательно Марианна не ушла, да и не могла уйти из его жизни. Встречаясь с Лиговским, Михаил, конечно, понимал, что имеет к нему не только отношение по службе, но теперь до него дошло четкое понимание, что Лиговской недостойн такой женщины, как Веденина.

– Разумеется, такую надо стеречь, иначе останется потом только рога чесать. Не понимаю, с чего ты взял, что нашел жену по себе? Или захотелось пофорсить?

Лиговской остановил себя на мысли, что Крисницкий вопреки своему страху оскандалиться по старинной мужской привычке ждет завязки драки. «Нет, голубчик, тебе я не доставлю сегодня такой радости».

– Как бы вы не кичились своими связями с высшим светом, Михаил Семенович, придется вам признать, что из этого дельца я вышел победителем.

– Что это вы имеете в виду? – спросил Крисницкий с надменной улыбкой, которая, впрочем, омрачилась тенью непонимания, а оттого в некоторой степени страха.

– А то, что потеряли вы свою Марианну, сударь. И не стоит теперь выплескивать на мне свою досаду. Я, по крайней мере, действовал открыто, и, в отличие от тебя, честно. И если пытаешься довести меня до дуэли, тебе не удастся. Я приму смерть от кого угодно, только не от тебя. Это просто смешно.

Крисницкий, пытаясь скрыть волнение, не смог даже оскорбиться как должно.

– Мою Марианну? Ты знал... А я еще думал, что ты ненавидишь сплетни и живешь в затворничестве...

– Плохо ты знаешь, Мишель, людей, окружающих тебя. Слеп, как крот во всем, что не касается отвлеченных понятий и предприятий.

– Она за тебя идет от безысходности, – прошипел Крисницкий.

До этого обдумывая, стоит ли раскрываться совсем, Лиговской не удержался.

– Я ведь нарочно уговорил Федотова сосватать за тебя дочь, поскольку надеялся, что это отпугнет Марианну. И прав оказался. Она так любила тебя, даже в свете об этом знали и жалели ее, а ты... Впрочем, мне это только на руку. Что у тебя было к ней – инстинкт ли, чувство собственности, забудь.

Лиговской люто ненавидел Крисницкого за то, что тот так играючи торжествовал над этой роскошной женщиной, так легко добиваясь своего, за то, что ему, Лиговскому, добровольно приходилось расхлебывать чужую нечистоплотность. За то, что Крисницкий – вершитель и незаживающая рана, а он просто хороший мальчик, будто ему что-то не доставало.

20

В блаженной полудреме Тоня раскрыла глаза. Теплое одеяло так ласково прикоснулось к телу, что и думать о том, чтобы подняться, было невыносимо. В доме было невероятно тихо. Даже за окнами не цокали, как бывало всегда, лошадиные копыта. Сперва шум в столице доставлял Тоне неудобства. Теперь она привыкла и в первые минуты бодрствования обычно с невесть откуда взявшейся любовью к людям, шнырявшим внизу, под окнами, оглаживала их и забавлялась попытками угадать, куда они спешат. За толстыми стенами дома протекала ее жизнь.

Во время завтрака, проведенного в одиночестве, Тоня размышляла о том, что неплохо было бы посмотреть, где трудится муж. Почему, когда она спрашивает его об этом, он хмурится или пытается отшутиться? Тоня начинала ловить себя на мысли, что ревнует Михаила к работе и людям, с которыми он видится каждый день. У него своя, не зависящая от нее жизнь. Это не доставляло Тоне радости. То, что Крисницкий думал то же самое о ее занятиях живописью и ежедневных отвлеченных размышлениях, не казалось ей правдоподобным. Она вновь, как перед замужеством, чувствовала себя маленькой, глупой и забытой.

Госпожа Крисницкая со вздохом оглядела огромную гостиную и села за фортепьяно, в очередной раз задумываясь над тем, что все равно стремится к чему-то иному, иррациональному. Она достигла полнейшего, с точки зрения обывателей, благоденствия. И вот теперь, очаровательная хозяйка большого дома, жена богача, она понимала, что не отступили разом все беды, а, напротив, настали новые. Она любила людей, которые ее окружали, любила тем сильнее, что с детства училась принимать то, что дарует жизнь, не вдумываясь в то, что судьба могла потечь иначе. Но всегда и везде она чувствовала, что счастье ее зависит не столько от них, родных, друзей и с некоторых пор мужа, сколько от того, как она будет относиться к их наличию. И постоянно, ежечасно ее манил вечерний ветер, выбивающий из тщательной прически шоколадные пряди, ласкающие лицо и застревающие в зубах. На сердце опускалась тогда настолько стальная и сладкая тоска, что Тоня понимала, что эта грусть и есть ее счастье. Ко всем чувствам, исключая, быть может, ликование, примешивалась эта проклятая и благословенная неудовлетворенность.

Тоня вновь и вновь, думая тысячи дум и не отдавая себе в этом отчета, вертелась вокруг мысли, что единственный смысл жизни составляет способность чувствовать и стремиться к счастью. В очередной раз отведя голову и поймав себя на том, что отрешенно смотрит на блики на новой картине, купленной Крисницким для нее, Тоня встала, поблагодарила слуг и прошла в небольшую комнатку – кабинет мужа.

Когда его не бывало дома, Тоня забавлялась тем, что с ногами залезала в большое кожаное кресло и, напевая под нос недавно разученную мазурку, пролистывала его книги или ваяла письма. Часто она совершала походы по обширным своим владениям в поисках чего-то нового или просто соответствующего вдохновению настроения. Обнаженные натуры в особняке Крисницкого будоражили одиноко бродящую по галерее Тоню. Михаил обустроивал дом словно крепость, претендуя на изысканность и не жалея средств. Потолок, уходящий, казалось, в никуда, создавал видимость масштабности и монументальности.

Сегодня она по обыкновению уселась в любимое кресло и, чувствуя себя важной дамой, которой она, в общем-то, и стала, но отказывалась признавать этот факт, не чувствуя никаких изменений в отношении к ней окружающих, схватила пачку писем, принесенных утром. Послание Льва лежало вверху, Тоня поспешно разрезала бумагу изящным ножичком, раскрыла хрустящие лепестки послания и принялась читать, испытывая странную смесь признательности и настороженности.

«Здравствуй, дорогая моя сестрица», – писал Лев, как всегда, поспешно и сбито. Некоторое его буквы походило на перебитых птиц, подумалось Тоне, но она с безотчетной блуждающей улыбкой продолжала пробегать глазами заветные строки.

«Хорошо, что Марианна Веденина, известная актриса, о которой ты, вероятно, слышала, выходит замуж за этого мужлана Лиговского. Он не приехал еще к вам хвастаться? Еще бы – отхватил такую красавицу. При его-то медвежьих манерах! Ясное дело, у нее не все ладно с репутацией, одни слухи о связи с твоим муженьком чего стоят. Но ты не переживай, мало что болтают в обществе, им же нечего там больше делать... Отсталые люди! Все талдычат о либерализме и прочей ерунде. Изнеженное, никчемное племя! Бьюсь об заклад, никто из них не был на настоящей войне.

Так или иначе, не принимай близко к сердцу, теперь – то уж точно все у них оборвется. Лиговской с его бешеными замашками и консерватизмом не допустит встреч жены с кем бы то ни было. Это в порядке вещей в обществе, но не для него и не для тебя, полагаю... А вообще, что за свинство так вести себя? Неужто Михаил твой Семенович даже не рассказал, что до свадьбы крутил романы с актрисами?

А вообще печально, что не виделись мы со времени твоего замужества. Нравится ли тебе твое теперешнее положение? Если что пойдет не так, сразу сообщи мне. За тебя есть кому постоять! Этот твой Крисницкий не внушает мне доверия. Все бродит с унылым видом и морщится, а смеется так, словно у него минуту назад передохли все гончие. И при этом эта улыбочка... Что у него на уме? Понятно, его с тобой свели не для удовольствия, но совсем уж плохо не должно быть.

Опять меня в спину тычет Ипполит. До чего он глуп, но с ним весело! Эти кутежи порядком надоели мне. Не возьму в толк, к чему я там появляюсь...

Ну да ладно. Будь здорова, Тонина! Бог даст – скоро свидимся.

Лев»

Противоречивые чувства – благодарность, недоумение, страх, раздражение, ревность, злость постепенно накрывали Тоню по мере того, как она глотала черные строки. Любовница? Марианна – и любовница?! Нет, Лева, ты напутал. Марианна, утонченная, гордая Марианна ограничится ролью обыкновенной любовницы? О, нет.

Да, Лиговской и впрямь похож на причесанного медведя, но Тоня всегда видела в нем подкупляющую доброту и терпимость к ее чудачествам, которую многие принимали за глупость. Поэтому ей стало неприятно описание Льва. Пожалуй, он чересчур строг к слабостям других.

Нет, не рассказал... о чем?! А, все о том же... Да нет, нет! Они даже не дружили... Ну, хорошо, дружили, но не так чтобы...

Дыхание Тони замерло, она высунула ступни из-под платья и отложила письмо. Оно бесшумно опустилось на оттертый до блеска паркет, застряв там, где начинался ворсистый ковер. Не соображая еще, как реагировать на содержание послания, она неподвижно сидела на месте. Да, да, тот вечер в опере! Зачем он так долго стоял подле нее? И еще тот взгляд Лиговского, от которого ее до сих пор берет пугливая оторопь...

Когда Крисницкий, порядком вымотавшийся, ездя из одного конца города в другой и уговаривая рабочих не бунтовать, убеждая в том, что совсем скоро они получают бесплатные больницы, вернулся домой, он ожидал тихого вечера. Столько тепла теперь он ощущал, едва переступая порог, что пытался быстрее разделаться с делами. Не могла это дать ему Марианна, вечно мечущаяся и ищущая то, что неизменно ускользало от нее.

С чего вдруг рабочие поняли, что имеют на это право? Не иначе, наслушались провокаторов. Крисницкому не было дела до каждого своего подчиненного, он не дежурил возле их мрачных квартир в отсталых районах Петербурга, суетливо интересуясь, не простудились ли они. Его волновали иные, более важные вопросы. Цельное сплоченное функционирование всех

фабрик, прибыль, известность и влияние в своей сфере – вот что занимало мысли Михаила Крисницкого, пока он, позволяя лакею стаскивать с себя сюртук, стоял возле зеркала и ловил свое задумчивое и даже в некоторой степени устрашающее отражение. И, для того, чтобы не выпустить из рук всего этого, необходимо принять условия рабочих и построить им эти больницы! Лиговской прав был...

А, черт, хватит думать о нем! Хам, лицемер, ничтожество! Какую сыграл с ним шутку, и как ловко! Стоит признать, хитрее лисицы бес. Даже близкое свидание с женой, неизменно успокаивающей его лучистым своим личиком не способно были сегодня, он чувствовал, исцелить его. На это будет способно лишь время. «И это пройдет», – сказал когда – то мудрый царь Соломон. Интересно будет проверить, прав ли он был. Крисницкий испытывал двойное негодование – всколыхнувшееся недовольство от ухода Марианны из его жизни и поражение, о котором он и не знал до сегодняшнего дня.

На шум вышла Тоня. Михаил, оторвавшись от молчаливого порицания слуги, коснувшегося пола его сюртуком, перехватил ее взгляд и, прежде чем ласково улыбнуться и этой улыбкой показать, что трудности – пустое по сравнению с редким счастьем иметь рядом дорогого человека, передумал. Тоня, прямая и против обыкновения замкнувшаяся, подала знак лакею, чтобы тот убрался. Ей совестно было отсылать слугу и спрашивать мужа о чудовищных вещах, тем самым обнажив осведомленность, но в отношениях с Крисницким ей предполагалась полнейшая открытость. Мучительнее было гадать. Раньше она не позволила бы себе этого, но в последнее время начала ощущать себя сильнее и выносливее. Не так страшна оказалась настоящая жизнь, как ее рисовали иные...

– Тоня, ты здорова? – заботливо спросил Крисницкий. В глубине души он подозревал, о чем назрел разговор. И к чему только Марианне понадобилось приезжать, разбередив тем самым сразу три души?! Ссутулившись, он скривил рот и засмотрелся на стоящую рядом вазу.

– Миша, – просто, без дрожания губ, век, слез и намеков на начинающуюся истерику, сказала Тоня, всматриваясь в любимое лицо, зная наперед каждую морщинку и неровность, но находя откуда-то мужество, – ты любил Марианну?

Крисницкий выдохнул. Он ожидал не этого. Сцены, упреков, поношений, угроз... Так в его представлении женщина реагирует на открытие адюльтера мужа.

– Тоня, – тихо ответил он, приближаясь к жене, но не решаясь взять ее руку. – Что бы ни было в прошлом, теперь это не имеет значения.

Тоня медленно кивнула, отвернулась и, не говоря ни слова, даже не отвечая на его возглас, удалилась. «Я скоро вернусь и продолжу твое образование», – стучало в ее висках, а перед глазами стояла Марианна, великолепная, сияющая, поразительно точно попадавшая в определение абсолютно, душой, телом и мыслями красивого человека. Если бы только не связь с чужим мужем... И в соревновании с ней она, малышка Тоня, наивная, поспешная, застенчивая. Не мудрено, что так долго он не приступал к истинным своим обязанностям! Тогда ей льстило, что он пытается вызвать в ней ответное желание, возится, как компаньонка. Теперь то она узнала, почему он так вел себя. И признание поражения, несмотря на то, что все кончилось между ней и им, грызло. Свинцовый холод правды обрушился на нее неожиданно, стихийно. Не было сил даже изобразить улыбку осведомленности и соврать что-то себе самой. Боль тупым ножом царапала сознание, мешая дышать.

Что она пережила за часы, проведенные наедине со своим миром, Крисницкий не знал. Он в полной темноте сидел в столовой и ждал, сам не зная чего. Он понимал, как глуп, ничтожен и смешон. Да, страшно жить, страшно доставлять боль близким. И никуда от этого не деться, ведь себя не переиначишь. Он так всегда и будет причиной волнений и обиды.

Нет, я не Байрон

... а все-таки близок к нему. И хуже всего то, что эта проклятая совесть не желает замолкать. Дура, жалкая дура, зачем ты навалилась на него, что именно он сделал не так? Любил, шел по велению сердца. Так что ты бесишься, совесть?

Он не спрашивал себя, зачем вновь сошелся с Марианной, и правильно это ли было. Он даже не воспринимал терзания Тони как свои собственные, но мысль, что она мучается по воле кого угодно, не обязательно его, была нестерпимой. Она казалась ему существом высшей породы, лишенным зависти, злобы и возможности предать, поэтому он негодовал на мир, что тот так несовершенен. Нехотя подчиняясь честности, Михаил отдавал себе отчет, что не может считаться порядочным человеком.

Вечером Тоня сошла к трапезе и, ни словом, ни взглядом не напоминая о случившемся, спокойно принялась за пирог. По утрам дворяне в основном питались кашей, вечерами же Крисницкий позволял полакомиться.

– Тоня, – неуверенно начал Крисницкий и остановился, поймав ее внимательный сочувствующий взгляд.

– Да, Мишенька.

– Я... все о том, о... Не сердись на меня, это в прошлом.

– Ты уже говорил это.

– Ну что же, коли это правда.

– Правда потому, что ты не свободен или она связана обещанием? – напрямую спросила Тоня.

В словах ее не было ни презрения, ни язвительности, но Крисницкого они резанули.

– Тоня, я не знаю, как оправдываться, потому что никогда не делал этого ни перед кем.

– Ну, пора когда-то начинать, – почти пошутила Тоня, по-прежнему исследуя узоры на сахарнице.

– Обычно жены в таких ситуациях все прощают.

Что дернуло Крисницкого сказать это, он сам не знал.

– Обычно? – Тоня подняла голову и прямо посмотрела на мужа. – Значит, я для тебя обычная, ничем не примечательная жена? Которая должна жить по всем законам и знать свой шесток? А ты тем временем будешь крутить любовь с прекрасными актрисами. Да еще и представлять им жену, а за ее спиной, должно быть, посмеиваться над ее глупостью и нетронутостью.

– Тоня, все было не так! – рассердился Крисницкий, со скрипом отодвинул стул и приблизился к жене.

– И я еще, дура, надеялась, что тебе хорошо со мной, вот ты и показываешь меня. И, каково двуличие, она еще приезжала сюда и говорила со мной так ласково, что я подумала, она любит меня, что я чем-то заинтересовала столь сиятельную особу! Боже мой, Миша, я представляла тебя совсем иным. Ты мне казался благородным.

– Совершенством можно быть только внешне. Сама жизнь заставляет нас поступать неидеально. Человек никогда не достигнет абсолютного счастья, обитая среди себе подобных, потому что человечество само создает препятствия. Само человечество уже препятствие. Абсолютного, безграничного, ничем не стесненного счастья не существует.

– Миша, я вовсе не хотела начинать этот разговор, ты сам вынудил меня!

– И жить с этим грузом, копя полунамеки и обиду? Нет, Тонечка, моя дорогая, это еще большее лицемерие, чем то, что сделал я.

– В чем было мое лицемерие? – почти с вызовом спросила Тоня, гордо вскидывая голову. Крисницкий пожалел уже о своих словах.

– Прости, я лишь ляпнул первое, что пришло на ум. Только не говори теперь, что несчастлива в браке, – процедил Крисницкий, с опаской ожидая ответа.

Тоня склонилась над тарелкой и начала беззвучное подергивание плечами. Она ненавидела себя в моменты слабости и меньше всего хотела, чтобы кто-то видел ее такой.

Крисницкий испугался.

– Тоня, Тонечка, родная, только не плачь! Да, я ничтожество, ну прости ты меня! Все равно никем я не дорожу так, как тобой.

От него пахло силой и дорогим одеколоном, а шерсть жилета обычно щекотало нос. Как видно, мир сложнее, чем ей казалось. Но учили ее христианскому всепрощению.

21

– Что же теперь будет, что будет... – приговаривал Федотов, спускаясь с широкой лестницы, отороченной лакированными перилами.

Он выглядел более чем растерянно. Так, будто ему сообщили, что у него не осталось ни копейки сбережений. Хотя после последних событий это не будет удивительным. Дать вольную его черни... Зачем, к чему, кому будет лучше от этого? Неужели он плохо заботился о своих подданных, чтобы теперь они разбежались? Чего им не доставало?..

В тот февральский день 1961 года перед тем, как с предчувствием катастрофы ехать на службу, заранее зная, что там будет объявлено об эмансипации мужиков, Федотов долго лежал в постели. Проворочавшись всю ночь почти без сна, утром он был разбит и чувствовал не только привычную тяжесть в костях и бессилие перед болезнью и смертью, но и головокружение.

А в церкви... Батюшки, сколько там столпилось народу! Столько, сколько он и предположить не мог в своих угодьях. Те, кому не довелось протиснуться в душную церквушку, стояли на улице под злющим зимним ветром и молча ждали судьбоносного события. После оглашения содержания того таинственного пакета, воспринимаемого с почти благоговейным ужасом, народ в недоумении разбрелся по избам, почесывая макушки и тихо перешептываясь, косясь на господ. Только через несколько дней они вполне осознали, что получили мифическую свободу. Все это вылилось в гулянья, крики и безумный хохот черни, которому не решились противиться хозяева, выжидательно затаившиеся у себя в кабинетах, разглагольствуя об апокалипсисе и несправедливости мироздания.

– Как же царь батюшка допустил... – был единодушный приговор реформе из уст губернских аристократов, редко бывавших в столице и тративших там время на что угодно кроме политических споров. Избегая водоворота противостояния славянофилов и западников, тянувшегося уже не одно десятилетие.

В Санкт – Петербурге передовые дворяне, затаенно сочувствующие декабристам, приветствовали тех из них, кто сумел выжить в ссылке и возвращался теперь постаревшими, с искалеченной судьбой и вырубленными на корню надеждами. Образованные, тянущиеся к европейскому процветанию молодые люди ликовали, прославляли государя – освободителя, только не заметно это было в глубинке, где отстраненные разговоры приобретали устрашающую, реальную окраску. И не до смешанной с настороженностью радости становилось помещикам, рискующим утратить половину годового дохода и урезать себя в необузданных нуждах.

Кряхтя и охая, Федотов написал Тоне и вкупе с жалобами и страхами осведомился, как его здоровье в связи с... м-да. В ее положении следует особенно осторожничать... Не следует ей теперь приезжать, как она старается при всяком удобном случае, муж ведь вечно занят на службе... Так это теперь называется? Его темные делишки могут нанести вред его девочке. Хоть внучок скрасит его одинокую старость. При мысли о маленьком ребенке лицо Дениса Сергеевича оттаяло. Не прямой, а все же наследник. Не пропадет его дело. А если пропадет? «Что день грядущий нам готовит?» Федотов, в отличие от Крисницкого, ни минуты не тревожился из-за этого нового, а оттого опасного предприятия. Может быть, он попросту не обладал воображением, не думал о женщинах, мучающихся сутками в попытке произвести на свет новую жизнь. Гораздо больше его волновала отмена крепостного права. Обещали, что интересы дворян не будут задеты, так почему же страшно?

22

Если бы Крисницкий, встревоженный невеселыми прогнозами относительно Тони, настаивал на визитах доктора, она отказалась бы от еженедельной пытки позволять чужому мужчине прикасаться к себе. После посещения, терзаясь собственной скованностью и вообще глупостью, ведь замужней женщине не пристало так вести себя, она бросалась наверх и находила спасение у образов. С недавних пор она стала подозрительно религиозной, и Крисницкий, под влиянием философии социализма и авторитетов Чернышевского и Белинского пытающийся отойти от религии, посмеивался над «забавой» супруги и часто промышлял тем, что выдумывал на этот счет разные шутки, озвучивая их при случае. Это уязвляло Тоню, но сдаваться она не собиралась. В ней проснулось упрямство.

Пока интересное состояние Тони не округлилось, она навещала рабочих Крисницкого и, невзирая на его скептицизм, помогала им. Она не пыталась, как иные студенты, проповедовать странные, пугающие необразованных людей идеи, а просто помогала словом и делом, так что быстро вошла в доверие. Она совещалась с ними и пыталась, без особенного успеха, донести их пожелания до мужа. Тот только хмурился и, объявляя, что пока он хозяин на своих предприятиях, рабочим нечего думать, что, заморочив голову его жене, они добьются тунеядства.

– Да нет же, Миша! – горячилась Тоня, жалостливо и обиженно поглядывая на мужа, становившегося во времена споров непроницаемым и по-новому неприятным. – Они лишь хотят жить не так тяжело! Они трудятся по одиннадцать часов в сутки, разве это правильно?

– Они хотят разорить меня, а ты их в этом поддерживаешь. Небось, несладко тебе придется без новых книг и платьев! Так что перестань играть в добрую барыньку. Если общество разделено на классы, это имеет смысл. И не нам пренебрегать этим. Хватит того, что я построил им бесплатную больницу.

Он никогда не кричал, но умел найти самую слабую сторону ее души, так что разговор тотчас замирал. Тоня до слез обижалась, убегала к себе, чувствуя, что сердце готово разорваться от стыда и несправедливости, смиренно сидела на корточках. И чаще всего первая приходила мириться, поскольку не могла перенести напряженной обстановки в доме. Это, как неубранная постель, раздражало ее эстетизм. Приближаясь к недовольному Крисницкому, Антонина сзади гладила его по волосам. Он охотно отвечал, оба примирительно улыбались. И времена этих примирений казались сладчайшими. Тоня не умела манипулировать обидой, укроцать, обрывать. Словом, искусством быть замужем она не овладела совсем.

Долго уговаривая мужа, лукавя и играя на его самомнении, Антонина добилась того, что он привел ее на одну из фабрик, которыми владел. Любопытство ее было удовлетворено, но с тех пор она не думала о муже как о благодетеле, а о государстве – как о справедливом университете с раз и навсегда отлаженной системой.

В огромном помещении с высоченным потолком одновременно трудились несколько сотен человек, худых нечистых подобий людей. Как заведенные, они выполняли однотипную работу, от которой свербело в голове и теле. Лучше было ни о чем не думать, и большинство трудящихся разучились уже это делать.

Тоня с Михаилом медленно продвигались меж рядов и дружественно улыбались. Некоторые рабочие благообразно тянули к хозяину руки, кое-кто пытался заговорить с ним. Но большинство стояли потупившись, исподлобья глядя на бар. Станки, производящие текстиль, трещали так громко, что Тоня не слышала почти ничего. Ее поразило то, что здесь, в этом неприятном помещении, было много детей. Разгоряченная атмосфера с испарением разных веществ не могла не сказаться на них – бледные лица с огромными глазами, под которыми залегли устрашающие круги. Хрупкие призрачные тела, высыпания на коже... далеко не все, что рассмотрела Тоня в то посещение. Что хуже – произвол помещиков, но близость со спаси-

тельной природой, близость, необходимая человеку для того, чтобы оставаться человеком или миграция в город, чтобы в поисках лучшей участи обрести сырые коморки в виде жилища, постоянную угрозу болезней, травмы от производства и малопривлекательный надзор мастеров?

– Это ты хотела увидеть? – тяжело и зло спросил Михаил у присмирившей Тони, заметив ее реакцию.

Один мальчик во время снисхождения хозяев к низшим слоям засмотрелся на чистенькую барыню. Шанс встретить такую в трущобах, где ютилась семья его тетки, растущая с каждым годом, была призрачной, и он не обратил внимания, что станок с тканью продолжает двигаться. Его крошечная рука попала в мертвенно непоколебимые объятия, сталь вонзилась в пальцы, ломая их. Крик мальчика пересилил даже жужжание огромного павильона. Ребенка схватили несколько женщин, трудящихся неподалеку. Тоня, обомлев в первое мгновение, бросилась на помощь.

Пока не явился доктор, она держала ребенка и успокаивала его, перебивая рыдания тихой песней. Ей, как и столпившимся вокруг женщинам, страшно было смотреть на искалеченную руку мальчика. Превозмогая отвращение и дикий страх, что мальчик останется инвалидом (что тогда станет с ним в этой безжалостной среде?), Тоня подняла кринолин и не без затруднения оторвала от нижней юбки продолжительную хлопковую полосу. Не робея больше перед дежурившей толпой, бездвижно стоящей на месте с выражением ужаса и скорби, не в силах заставить себя предпринять что-нибудь кроме посылки за врачом, она попыталась унять кровопотерю, обвязав ее вокруг пострадавшей кисти.

Безжалостность Крисницкого к не отлаженности сделала свое дело – дежуривший доктор прибыл довольно быстро, поохал над ребенком и заверил, что все не так страшно. Мальчик перестал плакать, с обожанием смотря на Тоню и пытаясь прикоснуться грязной щекой к ее платью, пока врач говорил:

– Он не скоро сможет вернуться к работе.

– Да о какой работе может идти речь? – вспыхнул Крисницкий, не без основания подумав, что Тоня в свете последних высказываний, происходящих от неуверенности, что он делает все верно, уже считает его черствым. – Сделайте все, что возможно, отвезите к лучшим хирургам, главное, чтобы он не остался калекой!

– Я не смогу возместить ущерб, – пролепетал Андрей, так звали мальчика.

Тоня в ярости процедила:

– Пусть хоть кто –нибудь попробует спросить с тебя. Что это вообще за правила? – обратилась она к мужу. – Покалеченные производством рабочие еще обязаны платить за утрату здоровья? – слова ее звучали как никогда желчно, но это не удивило Михаила.

Ей никто не ответил.

С замиранием сердца Тоня проводила ребенка до коляски и пообещала ему, что скоро навестит. Заметив, с какой просветлевшей благодарностью она одарила поцелуем его, растерянно стоящего сзади и корящего себя за бездействие, Крисницкий рассудил, что говорить отвлеченные и привлекательные своей независимостью от общественного мнения слова и наблюдать, непосредственно видя боль зависимых от тебя подчиненных – разное.

– Тоня, пойми, – оправдывался Михаил вечером. Ему самому было не по себе. – Я не деспот, я хочу, чтобы им было лучше, но это не так просто. Для того чтобы обеспечить им приличные условия для жизни и труда, необходимы огромные средства! Нигде в Европе это не практикуется.

– Миша, но это не значит, что мы не должны быть первопроходцами, – мягко гнула свое Тоня, расплываясь от нежности. А ведь она было поверила, что Михаил бессердечен! Крисницкому не хотелось разубеждать ее. Ведь только трагедия мальчика имела на него воздействие, да и то лишь потому, что он воочию наблюдал за ней. – Ты представь, что такое случится с нашим ребенком!

– Тоня, что ты такое говоришь?! – воскликнул он, расширяя глаза.

– Не свое, так не жалко? – колко отозвалась Тоня, не сводя с него переполненных скорбью и решимостью глаз.

– Мы обязательно позаботимся о судьбе этого ребенка, – заверил Михаил, примирительно вытираясь салфеткой.

– Женщины на фабрике сказали мне, что он сирота. Быть может, мы найдем для него хорошую семью? С твоими связями это не сложно.

– Почему нет? – Михаил был приятно удивлен направлением мысли жены. – Я всегда подозревал, что ты умница, Тоня.

– Да, – польщено протянула Тоня. – И, если он окажется в хорошей обеспеченной семье, ему не придется больше рисковать собой. Жаль только, что мы не можем сделать этого для всех. Но есть к чему стремиться, верно?

Крисницкий оказался перед непростым выбором – оставить жену в сладком мире надежд и планов или открыть, что всеобщее процветание невозможно. Ведь цена успеха одних – немощь и отчаяние других. Недолго поразмыслив, он не стал говорить этого. Не сказал он так же и того, что как черная тоска грызет его это знание, что не может он осчастливить всех обездоленных, находящихся под его крылом. И за его мощь они обязаны расплачиваться счастьем, а подчас здоровьем. Как тяжела участь знать, сколько человек мучается по твоей милости, но он ни на что не променяет ее. Потому что сладко, безумно сладко знать, насколько ты велик и как высоко взлетел.

То, с каким задором Антонина взялась за устройство судьбы мальчишки, навело Крисницкого на мысль, что она быстро вошла во вкус и останавливаться не будет. Это увлекло ее не меньше, чем искусство. Вообще стоит позавидовать ей – сколько страсти в этой внешне сдержанной девушке, сколько планов и веры в совершение!

– Мне кажется, я любила тебя до знакомства, – сказала Тоня, разморенная приливом доброты и пониманием, что за резкостью Михаил прячет подчас слабость и нежелание признать, что правда не на его стороне. – Ты идеально подпал на пустое место моей души.

– Так я для тебя пустое место, – пошутил Михаил.

Тоня улыбнулась, по привычке обнажая слитые зубы. Клыки выдавались вперед, но Крисницкому это нравилось. Ему нравилось, как она улыбается – открыто, дерзко, совсем не так, как обычно держится.

– А маленького, кажется, обожала до беременности. Я сплю и вижу, как он или она появляется на свет, растет, смеется... – и добавила, подумав. – Только не хочу я, чтобы мой ребенок увидел то, что мы видели сегодня.

– Для того, чтобы избежать растрения средой и крушения взглядов, надо посадить его на цепь и отгородить от мира. Или переделать мир, что невозможно. Смена режима несет страшные перспективы.

– Однако ты веришь социалистам...

– Только тем, кто ратует за постепенный прогресс. Хотя в России это вряд ли пройдет – слишком мы отличаемся от разумных предсказуемых европейцев.

23

Когда беременность ее находилась на исходе, Тоня получила дурные известия от Надежды Алексеевны. Палаша сбежала от мужа, который бил ее, и пряталась в барском доме. Тоня упростила Михаила, к которому питала искреннее уважение как к истинному главе семьи, поехать туда и приструнить мужа подруги. Она понимала, что у Дениса Семеновича попросту не хватит запала на это. Крисницкий, узнав о том, что он ходит по деревне и угрожает, что доберется до Палаша, не стал возражать и с сознанием собственного долга отправился в путь. Разыскав забулдыгу Матвея, он пытался вразумить его и даже мирить с женой, но, разобравшись, как истинно обстоят дела в их семье, не удержался от того, чтобы всыпать ему, да так, что тот, очнувшись, не досчитался нескольких зубов. Михаил был несказанно доволен собственной удачей и отвагой, заслужив уважение крестьян, поначалу враждебно относившихся к нему, одобрение тюфяка – Федотова и благодарность Тони.

– Ну чего ты реवेशь? – с непониманием и почти раздражением вопрошал Крисницкий, обращаясь к Палаше.

– Без мужа боязно, тяжело... Засмеют, – отзывалась конопатая Палаша, продолжая реветь.

– Дура, да живи ты себе вольно, он к тебе после всего и сунуться побоится.

– Не гоже, не по-людски с мужем разлучаться! Да поди, постылая буду, ой, не хочу!

– Ну возвращайся! – потерял терпение Крисницкий. – И зароят тебя скоро.

Перед самыми родами Тоня узнала, что Палаша насмерть забита мужем в их избе.

24

Предрождественским утром Крисницкий проснулся с непередаваемым желанием смеяться. Прямо после пробуждения, а, быть может, до, его одолела не отпускающая мысль. Заклучалась она в том, что Тоня является настоящей социалисткой, хоть и не понимает этого, поддаваясь распространенному предубеждению, зароненному церковью, что социалисты – зло, а Карл Маркс обедает с Сатаной. Навязчивое желание капиталистов, заключивших крупную сделку с институтом церкви подобно сделке с Дьяволом, оставить свое положение нерушимым на вершине управления ресурсами и судьбами, было вполне логично и понятно. Но вот то, что алчные религиозники настолько свыклись с положением откормленного пса при злом хозяине, забывая свое истинное предназначение, доставляло Крисницкому, презрительно взирающему на их фокусы, небывалое удовольствие. Михаил имел право считать лицемерами тех, кто отказывался признаваться в собственной двуличности и не следовал собственным предписаниям. То, что церковь отринула свои первоначальные идеи всеобщего равенства ради служения государству и получения от него наиболее жирных кусков и пребывания запугивающим элементом, фильтрующим и подавляющим невыгодные настроения, было для Михаила по-настоящему нелепо. Ведь социализм, размышлял Михаил, барабана пальцами по атласной обшивке простыней, хотел того же, что в свое время Христос, и чисто логически было нелепо попам отрицать и бояться его. В то же время Тоня, своей кристальной внутренней чистотой и интуицией воспринимая христианство истинное, изначальное, а не то, в которое его превратили лишние обряды и поборы, действовала именно по шаблонам, зароненным социалистами, помогая служащим фабрик и ратуя за прогресс и благоустройство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.